

партизаны- Казахстанцы

партизаны- казахстанцы

РАССКАЗЫ
ОЧЕРКИ

16664 3.10.61
А. А. КОЛДАУ
А. А. КОЛДАУ
Б. А. ТОКАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЗУШЫ» — АЛМА-АТА, 1965

Это сборник рассказов и очерков об участии казахстанцев в партизанском движении в годы Великой Отечественной войны.

В нем показаны боевые будни партизанских отрядов, действовавших в тылу врага в лесах Белоруссии, Украины, Ленинградской, Смоленской и других областей России.

Сборник написан, в основном, самими участниками партизанского движения и частично писателями и журналистами Казахстана.

Составитель
КАСЫМ КАЙСЕНОВ

СОЛДАТ

Перед отправкой на фронт мы обучали новобранцев военному делу. С самого утра и до поздней ночи на плацу только и было слышно: «— Раз, два, три! Сомкнуть ряды! Коли!»

Я иду по казарме. Ребята у меня бравые, хотя и разные по возрасту, по характеру. Под большим вязом проводит занятие со своим взводом младший лейтенант Петренко. Смуглолицый, с темными застенчивыми глазами, он скорее похож на азиата, чем на русского. Шинель на узких плечах сидит чуточку угловато, и сам он чем-то здорово смахивает на мальчишку. Может быть поэтому он держит себя с солдатами подчеркнуто строго, особенно с молодыми. Увидев меня, Петренко командует:

— Взвод, смирно! — и, путаясь в шинели спешит ко мне отдать рапорт.

Я принимаю рапорт, и вот уже Петренко со своим взводом приступает к непосредственному выполнению боевого задания. Необходимо взять высоту «Н».

— Вперед! — Его ребята в едином порыве устремляются на высоту. Солдаты падают. Колют штыками «противника», стреляют холостыми патронами.

«Бой» за высоту все разгорается. Солдаты схватились друг с другом, катаются по земле, душат, режут воображаемого противника. Мимо меня, несмотря на тяжесть пулемета, легко и быстро пробежал рослый, широкоплечий солдат. Старый знакомый! Это Еремеев. Я с восхищением провожаю взглядом его ладно скроенную фигуру. Этот не подведет!

Вот уже месяц, как мы на передовой.

Фронт все еще казался чем-то нереальным. Но после первых же ожесточенных схваток с врагом, после первых жутких бомбёзок фашистов, первых убитых друзей, война вросла в сознание как суровая жизненная необходимость. Как месть. Новобранцы дрались так же отчаянно, как и старые, видавшие виды, солдаты.

Смолкла перестрелка. Тишина часами дрожала в воздухе. Но тишина была обманчивой и коварной, каждую секунду враг мог обрушить на нас ураганный огонь.

На нашем участке фронта гитлеровцы подтягивали силы. Мы готовились к бою. По сведениям разведки и показаниям «языков», уже дважды менялись, откладывались сроки генерального вражеского наступления. В чем дело? Почему враг задерживается?

Был предрассветный час. Я проснулся от оглушительного грохота. Выбежал из блиндажа и на секунду, ослепленный, зажмурил глаза. Адское пламя. Ухают дальнобойки. Свист мин, вой снарядов, взрывы бомб. Казалось, земля не выдержит подобного артобстрела и расколется пополам. После двухчасовой, методичной, убийственной артподготовки гитлеровские головорезы пошли в наступление.

Мы окопались на высоте. Все ближе и ближе фашисты.

— Огонь! — скомандовал я. И врага захлестнул свинцовый ливень. Но гитлеровцы озверели. Все подступы к высоте завалены трупами. Десять раз враг бросался на штурм и, оставляя горы трупов, откатывался назад.

«Ни шагу назад! Не сдавать высоты!» — таков был приказ командования, и мы держались.

Пулометы и автоматы строчили без передышки. Стволы пакалились до предела. А фашисты все шли и шли, и казалось, не будет конца. Один за другим выбывали из строя, гибли наши товарищи, а гитлеровцы вырастали, как грибы после дождя. Кончались боеприпасы. Связь прервана. Ни один из связных, посланных мной за подкреплением, не вернулся. Надо было что-то предпринять.

Кого послать за помощью? Я вновь и вновь осматриваю наши поредевшие ряды. Совсем рядом, из-за камня, чуточку приподнявшаяся знакомая, ладно скроенная фигура солдата.

— Еремеев!

— Я!

— Быстро в третий взвод, за помощью. Чтобы через двадцать минут быть здесь. Будь осторожен. Все рвы и траншеи под наблюдением врага.

— Есть!

* * *

Как говорил Ходжа Насреддин: «Ушел невидимкой под покровом дождя». Задача Еремеева была почти не выполнимая: под смертельным навесным огнем добраться до своих. «Ползком, только ползком», — стучали в мольбе наши сердца. Они боялись вместе с ним, ползущим в темноте под сплошным огнем через вражеские траншеи и заграждения. Всюду поджидает смерть! И только один союзник у солдата — его сноровка, смелость, счастливая звезда! Где он сейчас, наш Еремеев! Вернется ли?

* * *

Кровопролитный бой становился все ожесточеннее. Гитлеровцы, стремясь во что бы то ни стало взять высоту, вводили в бой все новые и новые силы.

Нас осталось совсем мало. Вот на наших глазах погибли еще два защитника и слева совсем замолчали наши автоматы.

Фашисты пошли во весь рост, и я в последний раз окунул взглядом искалеченную высоту, своих товарищей. На мгновение смолкли наши автоматы, и мы обменялись прощальными взглядами. Нас всего семеро! Но мы будем биться до последнего вздоха, и пока жив хоть один из нас — высо-

Кирилл Еремеев.

та будет нашей! Фашисты идут сомкнутыми рядами. Все ближе и ближе.

Как жаль, что наши не подоспели...

— Огонь!

Темноту прорезала зеленая ракета, и в ее ярком неровном свете мы увидели серые от страха лица гитлеровцев.

— Наши, честное слово, наши!

От мощного «ура!!!» колыхнулся воздух.

Третий взвод! Еремеев!

В панике побежали гитлеровцы.

Высота осталась за нами!

* * *

Наш батальон долгое время вел борьбу во вражеском тылу. В партизанской войне в наших рядах был и Еремеев. Он не раз показывал свою воинскую доблесть. В трудные дни партизанской жизни он был умелым, отважным разведчиком. О его партизанских подвигах надо написать рассказ, ибо тысячи, сотни тысяч таких, как солдат Еремеев, ковали нашу победу в Великой Отечественной войне.

Среди многотысячной, славной армии партизан был и наш земляк, солдат из Казахстана — Кирилл Еремеев!

РАССКАЗ О ДРУГЕ

Я всегда волнуюсь, когда пишу о своем друге Наумете Кошекбаеве. Писать о друге трудно. Вот он сидит рядом со мной, человек крылатой души, простой, скромный, с темными, подернутыми грустью глазами. О многом говорят эти глаза, и конечно же, они не простят мне фальшивой ноты.

Мы с Науметом в гостях у моей сестры Рахили. Наша глаза прикованы к пустующему стулу. Мы с Науметом без слов понимаем друг друга — это место Исмагула, старшего брата Наумета. Как будто это было вчера. Вот он сидит с нами за этим столом, наш Исмагул, смуглый, широкоплечий с черно-огненными глазами. Я слышу его спокойный, ровный голос:

— Вы еще соколята,— говорил он, обращаясь к нам,— а я вот уже двадцать лет работаю учителем. Работу свою люблю, дети меня любят. Вот приду вечером домой, возьму домбру,— тонкие, удивительно тонкие пальцы Исмагула ласкают отполированное дерево, и... мелодия кюя, широкая, как степь, вольная, как ветер, рвется из под струн, захлестывает сердце и льется, льется.

Когда это было? Вчера? Сегодня? Двадцать лет назад... Война. Наумет с тоской и ненавистью смотрит на пустующий стул. Молчание было прервано появлением рослого, широкоплечего юноши с загорелым лицом и жгучими глазами. Наумет взволнованно обнял гостя и поцеловал его. Затем смущенно обратился ко мне:

Наумет Кошекбаев.

— Это — Бахит, сын Исмагула. Когда Исмагул уезжал на фронт, он был совсем младенцем. А сейчас вон какой богатырь. Студент второго курса института физкультуры.

Бахит сел на пустующий стул. Сердце мое нервно забилось. Вылитый отец. Мы сидели молча, погруженные в свои думы, но все они, словно вороны, слетались к одному...

Война...

Первым неторопливо заговорил Наумет.

— Я вот все думаю, сколько лет уже пролетело, а прошлое всегда с нами... словно все это случилось вчера. Столько событий осталось навсегда в памяти. Вот ты часто про-

сил меня рассказать о моей партизанской жизни. Попробую... Ты ничего пока не записывай, а если когда-нибудь надумаешь, то опиши все как было.

— Да ты не волнуйся,— успокоил я его,— я ведь и сам прошел по дорогам войны. Нам всем дорога правда.

— Видишь ли, тут есть еще одна трудность.— Наумет тяжело вздохнул.— Как-то неприятно рассказывать о себе. Я хоть лично и незнаком с Баурджаном Момыш-улы, но знаю его поговорку: «Не говори, что это сделал герой, а скажи, что это сделал народ». Эти слова очень метко характеризуют героику партизан. Партизан... как только услышу это знакомое слово, так словно что-то шевельнется в сердце. Снова вижу боевой строй, светлые лица товарищей. Мужчины, старики, женщины, подростки, люди всех возрастов и национальностей, мы собрались в один кулак. Всех нас объединяла вера в победу и ненависть к врагу.

Накануне войны наш артполк находился в шестидесяти километрах от Варшавы, под городом Замбров. Помню ночь 21 июня 1941 года. Я стоял на артполигоне у орудия. Ко мне подошел старший лейтенант Анисимов, с которым мы были в приятельских отношениях, и вместо приветствия протянул видавший виды пластмассовый портсигар. Воспользовавшись минутами отдыха, мы закурили. Я не отрываясь смотрел на далекий, дымчатый горизонт. Там, за горами, лесами, озерами, за тысячи километров отсюда — мой Казахстан. Интересно, как там?

Мои раздумья прервал удивленный взгляд Анисимова.

— Ночь-то какая! Смотри, звезда падает. А ребята спят. В такие ночи только и мечтать. Грустишь, наверное, о своих степях. А я вот свое село вспомнил. Бывало, ночью сидишь у реки, кругом тишина. Иногда только лягушка заквакает или летучая мышь пролетит. А луна из-за камыша, как лебедь, выплывает, белая... покатится серебряным блюдцем. Красота...

Где-то вдалеке ударили зенитки. Ничего не подозревая, мы решили, что это проводится обычная учебная артподготовка. Но что это? Взвилась сирена. Тревога. Мы бросились к площади. Через двадцать минут мы уже были в пути. Алая полоса рассвета. Гул зениток не ослабевал. С восходом солнца прибыли в часть.

Самолеты со свастикой резали бледное небо, сбрасывали бомбы и снова взмывали вверх. Дрогнул воздух, застонала земля.

— К орудиям!

Так неожиданно на рассвете июньского дня началась война. К вечеру мы дошли до Витебска и с ходу вступили в бой. На следующий день одиннадцать раз меняли огневые позиции. С нами бок о бок сражались жители города. Каждый из нас молча делал свое дело.

С боями, медленно, пядь за пядью, мы отступали в глубь страны. Силы были неравны. К станции Лиазко подошли вконец измотанные, усталые и оказались в железном кольце врага. Наступило время испытаний. Молчаливые, суровые лица людей говорили об одном — что

бы ни случилось, не сдадимся. В сердце каждого солдата крепло чувство ненависти к врагу, чувство мести.

Мы с Анисимовым возглавили небольшой отряд и несколько раз бросались на прорыв кольца, но безуспешно. И мало-помалу начали откатываться назад. Снаряды были на исходе. Враг все ближе и ближе. Что делать?

Было ясно, что с оставшейся горсточкой людей броситься сквозь плотное кольцо фашистов невозможно. А в тылу у нас дремучий белорусский лес. Великаны деревья шумят на ветру и как бы шепчут: «Идите к нам, мы вас укроем». Выбирать не приходится. Один за другим бежим в чащобу. Рядом со мной, чуть прихрамывая, осторожно ступает Мантибай Кыпшакбаев, совсем еще зеленый парень из Кзыл-Орды. Идти все труднее. Ноги вязнут, утопают в трясине. Лишь сейчас мы почувствовали, что такое нечеловеческая усталость. Шли долго. Глаза смыкались на ходу. Помню огромный, ветвистый дуб. Мы прислонились к нему и не заметили, как свинцовая тяжесть сна придавила нас к земле.

* * *

...Море. Бронза заката. Волны с белыми гравами, волны Каспия, нежное лицо матери. Мать шьет красное атласное одеяло.

— Вот шью тебе, чтоб не мерз ночами,— ласково, смотря на меня, говорит она.

— А я и правда мерзну,— в тон ей отвечаю я.

Наш разговор прерывает суровый голос отца: «Сын мой, твой предок Байболат — это вечная слава степей. Он был железным батыром Исатая Тайманова. Исколотый стрелами, изрубленный мечом, он не покинул вождя и дрался до конца. Твой дед Карбопе тоже был настоящим воином. Я в гражданскую бился с белогвардейцами, потом — с бандой. А тебе не стыдно быть неженкой, греться под теплым одеялом. Запомни, только идущий оставляет следы, только тот знает цену жизни, кто видел смерть. У тебя одна смерть и тысяча жизней. Помни, если задремлешь, можешь все проспать. Не спи, не спи!..»

Я приоткрыл веки. Вокруг великаны-деревья. Голос отца растворился в молчании леса. Рядом, чему-то по-

детски улыбаясь, спит Мантибай. Гул канонады. Над головой зловещий рокот моторов. Этот рокот властно напомнил мне, что идет война.

Глубокой ночью мы подошли к избе старого лесника Николы. Здесь я встретился с Василием Шупахиным. В этом бородаче трудно было узнать вчерашнего стройного, всегда подтянутого инженера. Изменился и Федя Гринберг. Обычно шустрой, расторопный весельчак, он выплыл передо мной медлительно и важно.

— Э... э... земляк... ты с какого света вернулся? — радостно обнял он меня. — Ну, теперь тики фашисты, казахстанцы на коне... — Федя был из Чимкента.

Подошли ребята. Посовещались.

И тут же зародился маленький партизанский отряд. Командиром отряда стал Шупахин, я его заместителем. Разослали во все стороны разведчиков, выработали план действий. У нас была подвода и конь. Погрузили на подводу оружие и боеприпасы и направились в чащу леса. Разбили лагерь и в тот же вечер совершили вылазку. Ночь выдалась звездная. Проверили автоматные диски, наладили пулемет и вдесятером залегли у шоссе. Ждали недолго. Тишину нарушил гул моторов.

— Грузовик, — сразу определил бывший шофер огненно-рыжий Мишка и притушил папиросу.

— Два грузовика... — быстро поправился он.

Ждем. Воронная сталь автоматов, бледные лица товарищей.

Почему так медленно ползет грузовик?

Первый... второй... гитлеровцы рядами... как гвозди. Все ближе, ближе.

— Огонь!

На врага обрушилась лавина свинца.

Всполохи гранат, убийственная методичность пулемета. Фашисты прыгают с кузова и — под автоматный ливень. Через десять минут все было кончено. В горячке боя не заметили, как смолк наш пулемет, как, зло закусив губу, откинулся навзничь пулеметчик Максим. Сквозь его ковбойку просочились две алые струйки крови.

— Зацепила, — криво улыбаясь, прохрипел он. Положив на носилки тяжелораненого товарища, мы тронулись в обратный путь. Все мы одеты очень легко. Ночная

осенняя стужа пронизывает до костей, в воздухе густеет белая пелена тумана.

— Надо было у фрицев шинели позаимствовать,— сказал Шупахин.

— Вот, черт, не догадались,— сокрушался я.

Добрались до землянки, разожгли чугунок, стали сушить одежду. Всю ночь стонал, метался раненый Максим. Но мы ничем не могли ему помочь. К утру нашего товарища не стало. Мы похоронили его у двух берез. Над свежей могилой дали клятву отомстить. Салюта не было. Берегли патроны. Днем в землянке подвели итоги своего боевого крещения в тылу врага. Воочию мы убедились, что и малыми силами можно нанести врагу сокрушительный удар. Теперь неплохо бы установить связь с местными жителями, подобрать в отряд новых надежных людей и добыть для них оружие.

Темная ночь. Тихо в белорусском лесу. Крепко спят уставшие партизаны. И только в нашей землянке свет фонаря. Мы с Васей Шупахиным ждем вестей от разведчиков и изучаем карту этой местности. На нарах, в углу, беспокойно заворочался Миша и приподнял русую голову.

— Ты почему не спишь?

— Сон странный приснился.

— Снятся черноглазые девчонки, почти ясные, звездные, да?

— Да нет, товарищ командир. Максимов приснился. Если бы среди нас был врач или даже медсестра, он бы не погиб. Крови он много потерял, оттого и умер.

— Да, это верно,— с минуту мы помолчали.

— Что ты предлагаешь?

— Отправьте меня в город Понизово. Ведь не все врачи отступили в тыл, найду кого-нибудь и привезу с собой.

Шупахин задумался.

— А ты как думаешь?— обратился он ко мне.

— Ты и медикаменты достанешь? — спросил я Михаила.

— Найти бы врача, а медикаменты он сам достанет. Ну, как, отпустим?— Шупахин подошел к Михаилу и положил руку на его плечо.— Ты знаешь, каждый боец у нас на счету. Будь осторожен. Если кроме доктора встретишь надежных людей, веди к нам.

— Есть! — просиял Миша и стал собираться. Проверил диски, автомат, переоделся в штатское и низко, покрестьянски надвинул кепку.

— Разрешите идти?

— Когда думаешь вернуться?

— Завтра ночью.

— Ну, ни пуха тебе ни пера, — обнял на прощанье Мишу Шупахин. Миша бросил мне дружеский взгляд и исчез в ночи. Но я не мог так просто проститься с ним. Нагнал его у опушки леса.

— Миша... — он оглянулся. Он стоял передо мной такой юный, немного растерянный... казалось, он думает, что его решили вернуть назад.

Я подошел к нему и крепко по-мужски поцеловал в еще ни разу не бритые щеки. На глазах у Миши блеснули слезы.

— Ну вот, — прошептал он, — хотел с вами попрощаться, да вот... — он беспомощно развел руками. Потом вынул из нагрудного кармана аккуратно завернутые документы. — Здесь адрес моей мамы, и если... — он замолчал, — напишите...

— Напишу... Обязательно напишу, как только вернешься с задания. Пусть мама знает, какой у нее орел. Ну, до встречи...

Вернувшись в землянку, я встретил там сходившего в разведку старого Николу. Рядом с ним сидели два местных парня. Вид у всех троих был очень усталый.

— Ладно, ребята. Вы пока ложитесь на наши места, отдохните. Потом еще поговорим, — промолвил Шупахин. Утомленные парни не заставили себя упрашивать и, не раздеваясь, повалились на нары. Шупахин жестом пригласил меня к столу.

— В Понизове вражеская пехота. Сегодня ночью они выступят в направлении Моленко. Видишь, вот шоссе из Понизова, — провел он пальцем по карте. — Мы разделимся на две группы. Ты дойдешь вот до этой речки и расставишь людей по левой обочине дороги. Установите два пулемета. Ну, а мы заляжем у развилки. Когда они начнут отступать под вашим огнем, мы ударим им в тыл. Только пусть ребята почаше меняют места. Подробности на месте. Задача ясна?

— Так точно, — в ответ улыбнулся я. Мы проверили оружие и тронулись в путь. В лагере остался только ста-

рый Никола. Он должен дожидаться разведчика и привести его в условленное место.

Ночь была ясная, безветренная. Путь освещали звезды. Вот места засады. Я быстро расставил людей и приказал приготовиться.

Наше внимание приковано к узкой развилке на шоссе. С этой стороны должны появиться гитлеровцы.

Ждем. Ребята уже обстрелянные и внешне спокойны.

Тихо... Слышно, как под чьей-то ногой хрустнула ветка. Враг не заставил себя ждать. Вскоре на шоссе показались мотоциклисты. Подъехав к развилке, они на минуту остановили машины, прислушались и покатили дальше. Вот они проехали группу Шупахина.

— Пропустить! — шепотом передал я по цепи.

Мотоциклы пронеслись мимо. Через некоторое время послышался тяжелый топот идущих по шоссе гитлеровских солдат.

Затаив дыхание, ждем. В то время белорусские леса были сравнительно спокойны для фашистов. О партизанах здесь знали только понаслышке. Уверенные в безопасности гитлеровцы идут беззаботно, насыпывая веселые песенки. Враг все ближе, ближе... вот уже голова колонны на уровне наших пулеметов.

— Огонь!

Удалили пулеметы. Автоматы, наливаясь местью, полосуют ряды солдат. Фашисты в панике. Мечутся по шоссе, валятся один за другим под безжалостными очередями. Все шоссе завалено трупами. Оставшиеся в живых бросаются назад и нарываются на жестокий встречный огонь шупахинцев. Ни один из фашистов не ушел живым.

После боя мы подсчитали трофеи, оружие, подводы с продуктами и боеприпасами. Потерь с нашей стороны нет, лишь Федя Гринберг ранен в левую руку. У всех боевое приподнятое настроение. И только Шупахин чем-то озабочен. Собрав нас в строй, он обратился с речью:

— Товарищи! Спасибо вам! Мы одержали большую победу, уничтожили почти батальон фашистов. Враг нам этого не простит. Необходимо покинуть лагерь и уйти в глубь леса.

Сборы были короткими. Следуя за проводником Николаем, отлично разбирающимся в местности, мы углу-

былись в вековые лесные дебри. Шли долго. Подошли к большой бревенчатой избушке.

— Здесь и остановимся,— сказал Шупахин.— Располагайтесь, товарищи.

— Товарищ командир, да тут и нары, как будто для нас строили,— сверкнул белозубой улыбкой техник Володя.

Высокие стены. Просторно.

В сенях чьей-то заботливой рукой сложены нарубленные дрова. Как-то не верится, что все это наяву. Вот уже сколько дней мы не ели горячей пищи, а тут настоящая русская печь. Стоит ли говорить о радости партизан? Уставшие ребята располагаются на нарах. Оружие ставят рядом — у изголовий.

Обсуждаем план действий на завтра.

— Вы очень устали, вам надо отдохнуть. А я соберу хворосту, приготовлю чего горячего,— хозяйственным тоном говорит дед Никола.

Мы с Шупахиным переглядываемся.

— Как ты изменился!— удивился Шупахин, будто впервые рассматривая меня.— Тебе надо выспаться.

— Ты бы лучше на себя посмотрел,— улыбнулся я.— Жаль, что зеркала нет, а то бы я тебе показал, на кого ты похож. Бородач-ягнятник.

— Да, Шупахин сильно осунулся за эти дни, оброс бородой, от бессоницы ввалились глаза.

— Вася, тебе нужно отдохнуть.

— Эх, Наумет, сейчас не до отдыха.

Мы еще не использовали, как надо, тактику партизанской войны. Как нужны нам сейчас люди...

Раздались глухие далекие взрывы... Мы выскочили из избы и вскинули бинокли.

С десяток фашистских бомбардировщиков кружили над лесом. Бомбы бывшую стоянку нашего лагеря. Великаны-деревья вспыхивают как солома. Искры снопом. Ветер разносит клочья пламени. Повезло нам...

— Не жалеют свои бомбочки,— усмехнулся Шупахин.— Теперь-то ты понял, что нельзя отдыхать? Где мы сейчас были бы со своим отдохном,— страшно подумать.

— Это ты верно.

Короткий условный свист дяди Николы.

Мы поспешили в свою избушку. Около нее стояло несколько человек.

— Миша?!

— Вернулся!

— Так точно, товарищ командир. Еле нашел вас, спасибо деду Николе. А вот наши новые товарищи. Знакомьтесь: врач Мария Григорьевна, два Вани: Ваня большой и Ваня маленький. Отбились птенчики от своей части.

Партизаны смеются: ничего себе птенчики, когда Миша им еле-еле по грудь.

— Хорошо, хорошо! Не смущайтесь, располагайтесь, как у себя дома, товарищи,— радовался гостям Шупахин.

— Идите ужинать,— пригласил их к столу дед Никола.

— Партизанский суп из фашистских круп,— подмигнул ему Ваня большой.

Все смеются.

За столом Миша рассказывает о встрече со знаменной партизанкой — Лизой Чайкиной. Мы много слышали об этой девушке и были приятно ошеломлены, когда Миша сообщил, что Лиза завтра будет у нас.

— Придет договариваться насчет совместной операции,— сказал он.

Ваня большой и Ваня маленький пока сидели скромно, но по их смеющимся глазам можно было догадаться, что это веселые ребята, шутники и заводилы.

— Что это вы сотворили с нашим Мишой,— спросил я,— он совсем изменился.

— Ничего, просто побрили,— ответил Ваня маленький.

Мы посмотрели на Мишу. И как это сразу не заметили? Где же его золотистый пушок!

— Да! Интересная новость,— оглядел Миша нас торжествующе.— Вчера ночью на шоссе пятьсот неизвестных патриотов уничтожили полк вооруженных до зубов гитлеровцев.

— Может неизвестных патриотов было не пятьсот, а тридцать семь, а гитлеровцев — не полк, а батальон,— улыбнулся Шупахин.

— Так это, может, вы устроили засаду?— спросил Миша.

— А ты как думаешь?

Миша оглядел знакомые, будничные лица товарищей.

В руках у них ложки, все молча уткнулись в свои миски и как будто ничего не слышат. Неужели они? Нет, не может быть... их слишком мало. Миша, опасаясь подвоя, слабо выдавил:

— Что-то не верится...

— Плохой из тебя провидец, засаду устроили все-таки мы,— сказал Шупахин.

— Вот здорово!— изумился Миша.

— Это только цветочки, ягодки будут впереди,— пообещал Шупахин.

...Так прошел еще один день нашей партизанской жизни. Он был прожит не зря.

На другой день погода выдалась ненастная. Небо в свинцовых тучах. Опавшие листья взлетают желтыми стаями и кружат, кружат на ветру. Лес безмолвствует.

До рези в глазах всматриваемся вперед.

Идут, указал рукой Миша на приближающиеся в тумане силуэты людей.

Чайкины или враги?— думаем мы.

Вот уже можно различить отдельные лица.

— Стои!— сказал я и вскинул автомат. Они остановились. От группы отделился худощавый, стройный подросток в маскалате.

Где ты стоишь? Выходи!— прозвенел мелодичный голос.

— Кто вы?

— Я Лиза Чайкина, ищу отряд Шупахина.

Так состоялась наша встреча с Лизой. Она познакомилась со всеми партизанами, для каждого она находила хорошие, простые слова. Дошла очередь и до меня.

— Ты казах?— спросила она.

— Да,— ответил я.

— Откуда родом?

— Из Гурьевской области.

— А, потомок Исатая и Махамбета.

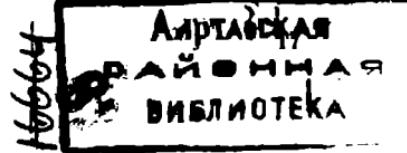
Я удивился: откуда она их знает?

Лиза продолжала.

— Мне нравится ваша поэзия, особенно Абай. Я получила большое удовольствие, когда прочла его книжку стихов.

Мы разместились в просторной избе.

— Положение следующее,— начала Лиза.— Взбешенные потерей батальона фашисты в селе Макаренко

сгоняют людей для увоза в Германию. Необходимо сегодня же ночью их освободить, иначе будет поздно. Я уже послала в село разведчика. Поскольку нас мало, мы обратились к вам за помощью. Что скажете вы? — Лиза вопросительно посмотрела на меня и Шупахина.

— Моя группа выступит хоть сейчас, — промолвил я. Шупахин одобрительно кивнул головой.

— Действуй.

Я отобрал семнадцать человек и ночью, вместе с партизанами Лизы Чайкиной вышел на задание.

По дороге меня догнал запыхавшийся Миша.

— Земляк, — еле переводя дух, обратился он ко мне. — Отдай свои и мои документы.

Только сейчас я вспомнил, что до сих пор не вернул ему документы.

Теперь пришла очередь Миши провожать меня на задание. Попрощавшись с ним, я нагнал свою группу.

Ночь такая темная, что и в двух шагах ни зги не видно. Отряд идет по извилистой узкой тропинке. Мороз. Из рта при каждом выдохе клубится сизая струйка пара. Возле большого трухлявого пня Лиза остановилась и заухала филином. Из темноты вынырнули четыре человека. Разведчики. Получив сведения, Лиза разбила нас на четыре группы и объяснила задачу.

Первая группа во главе с ней уничтожит крупный вражеский пост, охраняющий арестованных. Моей группе поднять в воздух фашистский штаб, третьей поджечь немецкий склад с боеприпасами и медикаментами, четвертой залечь у обочины дороги со станковыми пулеметами и встретить гитлеровцев свинцовым дождем, если побегут назад.

Все ясно. Мы молча разделились. Каждую группу вел один из четырех разведчиков. Мы вошли в село слева.

Немецкий штаб находился в самом центре села в здании бывшей школы. К школе мы подобрались садами и огородами. У входа взад-вперед печатают шаг часовые.

— Двое, — прошептал Ваня большой. — Разрешите.

Я молча пожал ему руку. Ваня кивнул своему напарнику, и оба исчезли в темноте. Сработали чисто. Часовые не успели промолвить ни звука. В одно мгновение мы очутились у парадного.

— Иванов, Грачкин... — ждать у дверей. Остальные за мной.

В окна полетели гранаты.

Быстро ворвались в комнату. Офицеры не успели даже оказать сопротивление. Я навел пистолет на бледного как полотно полковника.

— Руки вверх!

Кто-то прыгнул на меня сзади и сильно ударили по голове. Очнулся на улице в медвежьих объятьях Вани большого.

— Да,— улыбался он.— Здорово он вас рукояткой.

— Кто?

— Офицер. Да теперь его нет, пришлось его кокнуть за ваше здоровье.

Я огляделся кругом.

Окраина села была охвачена ярким пламенем. Начал собирать людей. Все были на месте, кроме Михаила.

— Миша! — крикнул я.

— Иди сюда,— раздался его голос. Гляжу, он просовывает в окно маленький железный сейф. Подбежал к нему.

Что это?

Сувенир от немецкого штаба! Помоги мне.

Качнувшись под тяжестью сейфа, Миша направился к лесу.

Собрав группу и захватив пленного полковника, мы пошли на соединение с чайкинцами. Там все обстояло как надо. Группа Лизы освободила заключенных и выдавала им продукты из немецкого продовольственного склада. Освобожденные жители деревни обнимались и плакали. Мы попрощались с ними и стали уходить в лес. Позади как факелы пылали вражеские казармы, машины, склады. На рассвете мы все выстроились на поляне. А перед строем на невысоком холмике стояла Лиза Чайкина.

— Большое спасибо казахстанцам, оказавшим нам боевую помощь.

Никогда не забыть мне этих ее слов. Стояла она подтянутая, простоволосая, хорошая русская девушка. Такой я ее запомнил на всю жизнь.

Наумет замолчал. В комнате стало тихо. В раскрытое окно доносился шум машин да звонкие голоса мальчишек.

ОДИН ИЗ МНОГИХ

Это было в 1942 году, на Украине. После ожесточенных боев с наступающими немецко-фашистскими захватчиками батальон, в котором служил Мукан Кульсейтов, отступил.

К утру гитлеровцы предприняли новую атаку. Батальон отбил атаку и пошел в контратаку. Потеряв двести человек убитыми, враг отступил.

Ночью немцы подтянули крупные силы и окружили батальон. Батальон бросил все силы в одном направлении, прорвал кольцо немцев и вырвался из окружения. Половина батальона погибла в боях, остальные бойцы ушли в леса и вскоре присоединились к партизанам Ковпака.

Мукан Кульсейтов был в первых рядах партизан, участвовавших в уничтожении Рославльского гарнизона и разрушении железнодорожного узла, в результате чего на целый день было задержано продвижение новых сил противника.

Мукан Кульсейтов.

Однажды двенадцать разведчиков, среди них был и Мукац, пустили под откос вражеский эшелон, везший различные машины, продукты.

Мукац прошел большой путь вместе с партизанами, был в Польше, форсировал Буг и Вислу. Вместе с партизанами Западной Украины и Чехословакии громил гитлеровцев.

ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНЕНО

Галим Омаров был призван на действительную службу в Красную Армию из Каркаралинского района. Война застала его на западной границе. Под Белостоком его часть попала в окружение. Вместе со многими другими бойцами и командирами он ушел в партизаны, героически сражался с врагом. Вот несколько записей его воспоминаний...

Наш небольшой партизанский отряд располагался в шести-семи километрах от небольшого белорусского села. Было уже поздно, когда к нам прибежала девушка по имени Лена и сообщила страшную весть. Гитлеровцы согнали в один дом семьдесят шесть жителей села и собираются поджечь его. Нужно было срочно оказать помощь, освободить из лап фашистов советских людей.

Было далеко за полночь. Разделившись на три группы, по пять человек в каждой, мы под покровом ночи вошли в село. Одна группа подожгла стог сена на западной окраине села, вторая начала стрелять улицу. Среди гитлеровцев началась паника. И тогда третья группа, сняв часовых у дома, взломала окна и двери. Старики, женщины, дети были спасены. Пока фашисты и полицай пришли в себя, все они скрылись в лесу...

После этой операции наша группа присоединилась к отряду известного партизана товарища Сухова, действовавшего в местных лесах.

Однажды меня вызвал командир отряда и приказал взорвать в нескольких местах полотно железной дороги,

по которой проходили к фронту вражеские эшелоны через село Н. Я стал готовиться к выполнению задания.

Ночь. Дорога тяжелая. Грязь, слякоть после сильного дождя. С четырьмя боевыми друзьями идем к железнодорожному полотну. До него остается всего несколько метров. Оставляю людей у дороги, а сам вбираюсь на рельсы. И вдруг неожиданность— после самого полотна передо мной лежит немецкий часовой. Я так и не узнал: то ли выпил он крепко, то ли просто заснул. Во всяком случае он уже не проснулся. Заложив в нескольких местах мины, мы отошли немного и залегли.

Лишь к утру послышался шум приближающегося поезда. Паровоз и двенадцать-четырнадцать вагонов взлетели на воздух. Около двухсот солдат и офицеров нашли себе здесь могилу. А мы захватили много так необходимого нам оружия и боеприпасов.

На розыски виновников взрыва фашисты бросили целый батальон карателей.

Ночью, когда немцы спали крепким сном, мы сняли часовых и проникли в расположение врага. Гитлеровцы спросонья так и не смогли оказать сопротивления. Многие из них погибли, а двадцать шесть солдат сдались в плен. Мы потеряли в эту ночь лишь одного товарища...

Галим Омаров.

ПАРТИЗАНСКАЯ СУДЬБА АРЫСТАНА

Наш танковый батальон еще за полмесяца до общего наступления советских войск на Берлин вышел во второй эшелон на западный берег Одера. Батальон расположился в глухом лесу, на стыке шоссейных дорог. Солдаты получили возможность отдохнуть, привести себя в порядок.

После завтрака связной от комбата позвал меня на командный пункт. Майор Булгаков и его адъютант сидели над картой.

— Лейтенант Туарбеков по вашему приказанию прибыл!

Возьми с собой восемь человек из своего взвода и через полчаса, в четырнадцать ноль-ноль отправляйся в хозяйство подполковника Алтухова.

Помтех нашей части капитан Червяков показал мне на карте домик дорожного мастера, расположенный на стыке шоссейной дороги из Франкфурта на Кюстрин и автострады, ведущий на Берлин. Домик этот служил нам ориентиром. Затем позвал помощника и приказал выделить пятитонные машины. Тут я узнал о «гостинце», который должен был привезти: это были обыкновенные рельсы и шпалы...

Ехать нам нужно было километров пятнадцать. Я сижу в кабине первой машины. Водитель оказался родом из Камышина на Волге. Он всю дорогу только и говорил о Волге.

А у меня не выходила из головы фамилия командира, к которому мы направлялись за грузом. Я вспомнил кур-

сы подготовки политработников Красной Армии и коман-дира роты Алтухова. «Не тот ли Алтухов?»

И вот уже слабо освещенная подвальная комната. За столом горбоносый сухощавый человек. Виски его тронуты сединой. Я чуть не крикнул от радости: Алексей Георгиевич... комроты...

Да и подполковник вскочил с места.

— Туарбеков, здравствуйте! — он обнял меня. Мы вышли на улицу. Я отдал ему конверт и коротко доложил о деле.

— Хорошо. В какое время возвращаться? — спросил подполковник, пробегая глазами записку.

— Часа через два бы...

Подполковник отправил двух солдат с запиской к командиру роты, у которого мы должны были забрать груз, а сам остался со мной.

Скромный, серьезный и разговорчивый — таким мы знали шесть лет назад капитана Алтухова. И ничего не изменилось в характере и поведении этого уважаемого человека.

— Да, кстати, — сказал он, — ты же знаешь младшего политрука Арыстана Ажигалиева. Он в этом полку. Командир взвода, лейтенант, как и ты... Только встретиться вам сейчас вряд ли удастся. Он на другом берегу Одера. Могу передать от тебя привет.

Затем подполковник рассказал, что после окончания курсов Арыстан Ажигалиев был взят на армейскую работу. После боев на юго-западных границах Арыстан вместе с группой бойцов попал в плен... Полтора года был он на грани смерти, в лагере для военнопленных. Затем бежал из плена и попал к партизанам в польских лесах. Почти год он был в партизанском отряде, который с приходом Советской Армии влился в полк Алтухова. В боях на польской земле Арыстан показал себя находчивым, храбрым воином.

Я слушал и вспоминал своего друга. Вот как, оказывается, сложилась его судьба. Но подробностей я не знал...

* * *

Примерно через месяц в боях на Берлинском направлении я был ранен и попал в полевой госпиталь, оттуда вскоре нас перевели в армейский госпиталь в Лансберге.

...Если не ошибаюсь, был День Победы. Мы сидели на скамейке возле госпиталя. Привезли новую группу раненых. И вдруг я увидел чье-то очень знакомое лицо.

— Ты Арыстан? — спросил я.

— Да, я Арыстан, — ответил он. Левая рука его была в гипсе.

Как ни был строг начальник нашего госпиталя, мы так и не уснули в эту ночь...

В начале войны Арыстан Ажигалиев был политруком роты. Под Бердичевым попал в окружение. С группой солдат Арыстан пытался прорваться к своим войскам. Но в пути он тяжело заболел. Усталые, изголодавшиеся товарищи оставили его у старика, собиравшего хворост на краю леса.

— Полтора месяца я лежал между жизнью и смертью в землянке у деда Богдана, — рассказывал мне Арыстан. — До конца своей жизни буду хранить в памяти образы деда и его жены Пелагеи Андреевны, которые спасли меня от неминуемой смерти. Ухаживали за мной, как за родным сыном. В начале ноября встал на ноги. В ответ на мой вопрос «куда идти» дед показал мне в сторону леса. Ходили слухи, что там есть партизаны. Бабушка Пелагея положила в дорогу две лепешки, картошки и немного свиного сала. Взял я пистолет с двумя обоймами да палку в руку и двинулся в путь.

К вечеру второго дня пути, когда я отдыхал, вдруг услыхал шорох листвьев. Оглянулся. Человек или зверь? В густых сумерках в лесу трудно сразу разглядеть что-нибудь. Наверное, человек. Я кашлянул. Держа наготове пистолет, обернулся на шорох. Где-то рядом раздалось: «Кто?» — «Стой, стрелять буду!» — крикнул я. «Не сможешь», — спокойно ответил кто-то невидимый.

Услышал я, что это русский, и сердце немного успокоилось. Ответил, что охотник, решил отдохнуть. Как из-под земли выросли двое. Они быстро отобрали у меня пистолет и повели в партизанский лагерь.

Так впервые я стал партизаном. В лесу жил в одной землянке со своими товарищами: с Цыбулей, Михайловым, Айкеном, Аннаклычом, Абеу. В отряде сначала были лишь местные жители, а с приходом таких, как я, солдат и офицеров Советской Армии, партизанский отряд стал многонациональным. Если не ошибаюсь, в нем

были представители семнадцати национальностей. Казахов было двое: я и Айкен.

...В этом отряде я пробыл девять месяцев. Когда набрались опыта и освоили партизанскую тактику, меня назначили командиром разведчиков. Действия партизан стали заметны и для жителей, и для врага. Мы были неприметны для немцев, потому что лагерь наш был постоянно на колесах.

Однажды командир отряда вызвал Цыбулю, Михайлова и меня, дал нам особое задание. Предстояло прорваться в партизанское соединение севернее Львова и договориться о согласованных действиях. Это был долгий и опасный путь.

Партизанское соединение, куда мы пришли втроем, действовало в пограничном районе Западной Украины с Чехословакией и Польшей. В соединении были чехи, мадьяры, словаки, поляки, даже немцы. Были в нем и представители почти всех национальностей нашей страны.

Штаб соединения, использовав шифровку, доставленную нами в письме, установил радиосвязь с нашим отрядом и попросил у командира разрешения оставить нас у себя. Я стал связным в этом соединении. По заданию командования мы обеспечивали связь с партизанами Чехословакии и Польши для совместных действий...

В сентябре 1943 года на южной окраине города Тарнова мы столкнулись с немцами, охотящимися на партизан. Противник превосходил нас в силе, но мы приняли бой. После трех часов сражения решили отступать в лес, но тут ранило двух наших товарищей. Неожиданно с тыла появились немцы и прижали нас к земле. Патроны кончились, ранило еще троих, в том числе и меня...

Очнулся я в немецком штабе. Меня перевязали и посадили перед фашистским лейтенантом. Лейтенант допрашивал меня по-русски. Документов у меня не было, поэтому я назвался Аркадием и сказал, что по национальности румын. Видя, что из меня ничего не выжать, они послали меня в лагерь для военнопленных в окрестностях Бреслау. Там я пробыл я больше года. Тяжело говорить о злодеяниях, которые творили там фашисты...

В начале 1945 года мы впятером бежали из лагеря и с помощью польского ксендза нашли приют в заброшенном замке. Обеспечив себя продовольствием, двинулись

на восток. В середине января пересекли фронт и присоединилась к Советской Армии. Об остальном ты уже сам знаешь из рассказа командира.

Через несколько дней заместитель начальника госпиталя по политической работе майор Кудрявцев вручал раненым ордена и медали. Среди награжденных был назван и Арыстан Ажигалиев. Ему вручили сразу три награды: медаль «Партизану Великой Отечественной войны I степени», орден Грюнвальда за освобождение Польши, орден «Боевого Красного Знамени» за образцовое выполнение приказа командования при взятии Берлина.

Однажды, говоря с Арыстаном, я сказал ему, что подполковник Алтухов называет его героем. А в его рассказах ничего героического нет.

— Где взять этот героизм? — улыбнулся Арыстан. — Если друзья надежные, верные, то можно добиться многое. А у меня именно такие друзья: украинец Крачко, чех Франтишек, поляк Довжик... Я тебе называю лишь друзей по одной партизанской операции. Это было за месяц до моего плена. Мы пошли на разведку шоссейной дороги Краков—Львов. По данным командования, по этой дороге должна была к вечеру пройти большая немецкая автоколонна. Мы с Довжиком установили за пригорком пулемет, подготовили гранаты. Франтишек с Крачко укрылись в густых зарослях со стороны деревни.

Когда солнце уже склонилось к горизонту, показалась голова колонны. По договоренности мы с Довжиком должны были пропустить мотоциклистов вперед и обстрелять колонну, а те двое забросать ее ручными гранатами. Так оно и вышло. Не успели проехать три мотоциклиста, как раздались взрывы гранат, и первые три машины с цистернами запылали. Когда до нас дошла середина колонны, я метнул гранату, а Довжик резанул из пулемета по растерявшимся фашистам. Летели в воздух бензоцистерны, в панике метались гитлеровцы. А мы уже пробирались через лес, так и не показавшись гитлеровцам...

Да, это была лишь одна небольшая операция... — задумчиво повторил мой друг Арыстан.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ

Июль 1942 года.

Тихий украинский вечер. Небо безоблачно. Но над передовой дымовая завеса от разрывов снарядов и ружейных выстрелов. Дымовая пелена и над позициями 4-й стрелковой роты, расположенной на высоте «194».

Политрук роты Жумагали Сайн, проверив посты наблюдательных пунктов, направился в блиндаж. Лицо его сурово, брови нахмурены. Последние два дня бои немногого поутихи. Но неизвестно почему настроение бойцов не особенно бодрое. Как бы то ни было, Жумагали доволен стойкостью бойцов, их выдержкой.

4-я стрелковая рота была сформирована в Казахстане в 1941 году. Жумагали Сайн немало потрудился в подготовке роты. И за один год войны солдаты закалились и окрепли. А встретились впервые с фашистами они в пятидесяти километрах от Северного Донца.

Позиции от Переездного до Лисичанска занимал 410-й полк 112-й дивизии. О расположении его батальонов и рот Жумагали ничего не знал. К тому же командир роты, вызванный на военный совет батальона, до сих пор не вернулся. От него-то и ждал вестей Жумагали.

Жумагали проснулся от взрыва снаряда у входа. Схватив автомат, он выбежал из землянки. Рассвет еще только занимался, но уже можно было рассмотреть фигуры людей. Часовой лежал убитый. Вокруг грохот, гул, свист снарядов.

Немцы начали артподготовку.

Жумагали собрал командиров взводов.

— До подхода противника не тратить ни одной пули!

Жумагали Сайн.

Приготовиться и ждать моего приказа! — коротко распорядился он.

Солнце уже поднялось высоко. И вот показалась вражеская пехота. Немцы шли во весь рост.

Послышалась команда: «Приготовиться к бою!»

Фашисты подошли так близко, что можно уже различить их злые лица. На ходу они строчат из автоматов. Наши бойцы не могут поднять голов из окопов. Расстояние до вражеских цепей сократилось до трехсот метров. Вдруг воздух взорвала команда: «Огоны!» Фрицы, не выдержав кинжалного огня с наших позиций, залегли, а затем в беспорядке отступили.

Одна атака фашистов следовала за другой. Наши бойцы отбивали их яростные броски один за другим. Видя, что атаки не удаются, фашисты воспользовались наступившей темнотой и стали рыть окопы.

Немцы укрепились.

Положение не улучшалось: рота понесла значительные потери. К тому же вражеские самолеты время от времени бомбили наши позиции. Со штабом связи нет. Только на четвертый день пришла неприятная весть от командира батальона капитана Хайдуддина: «Вы попали в окружение. Справа и слева враг прорвал оборону. Остатки батальона в Марин-роще. Отходите в этом направлении». Жумагали принял решение: отступать ночью.

Под покровом темноты, оврагами, редким лесом, вел Жумагали свою роту двадцать пять километров до Марин-роши. Здесь он узнал, что от всего батальона осталось около сотни человек. Среди них есть и тяжелораненые. Теперь предстояло переправиться через Северный

Донец и догнать части своего фронта. Во все стороны были посланы разведчики. После полудня бойцы привели старика-лесника. Несмотря на свои семьдесят лет, он выглядел бодро. Старик провел отряд по нехоженым тропам к реке и ночью переправил на другой берег.

Но соединиться со своими частями батальон не мог.

После семи дней блуждания по лесам и безлюдным местам батальон подошел к Ворошиловграду. К вечеру разведчики привели человека, который сообщил, что город в руках врага, наши войска, переправившись через Дон, ушли в сторону Сталинграда.

— Что предпримем? — обратился к бойцам Хайруддинов.

Русый, плотного телосложения парень белорус Луковников поднял голову.

— Я думаю так, — начал он степенно. — К своим войскам мы не пробьемся, это ясно. Короче, теперь надо думать о партизанской войне. Надо добывать продукты. Без этого нельзя. С голодным брюхом далеко не уйдешь.

— Правильно! — поддержал Луковникова Жумагали. — Надо установить связь с местными жителями, ведь земля наша, родина наша.

Хайруддинов, слушавший обоих внимательно, одобрительно кивал головой.

— С сегодняшнего дня мы переходим на партизанский способ борьбы с врагом, — сказал он, обращаясь к солдатам. — Будем держать курс на Кременский лес. Где и какой это лес, поведал нам приведенный разведчиками человек. Теперь схватки с врагом войдут в наши будни.

Так было положено начало партизанскому отряду. С местными жителями была установлена тесная связь. Они передавали партизанам о вражеских силах, о предателях, которые потом получили по заслугам. Каждая удачная вылазка против фашистов придавала людям силы, вдохновляла бойцов.

15 августа. Партизаны расположились на отдых в небольшом лесу на берегу реки Боровое. Каждый был занят своими делами.

В это время Жумагали Сайн с двумя разведчиками, пулеметчиком Абдешем Кабдоловым и командиром отделения лейтенантом Щербаковым обходили край леса. Оставил пулеметчика в укромном месте, с разведчика-

ми и Щербаковым они двинулись дальше. Вдруг позади раздались выстрелы. Жумагали кинулся обратно. Абдеш, оставленный у пулемета, на миг встал, схватившись за голову, упал замертво.

Партизаны столкнулись с карательным отрядом фашистов. С большим трудом Жумагали добрался до пулемета Абдеша, который фашисты держали под огнем. Припав к гашетке, он начал косить врагов. В это время на помощь подоспели партизаны.

Бой длился два часа. Каратели отступили, оставив убитыми пятнадцать солдат и одного обер-лейтенанта. Партизаны потеряли семь человек. Среди них два лучших друга Жумагали — лейтенант Щербаков и пулеметчик Абдеш Кабдолов.

18 августа партизаны разбили лагерь в небольшом лесочке невдалеке от стеклозавода. Разведчики привели ночью двух вооруженных людей, которые назвали себя партизанами. Это были дозорные партизанского отряда Якова Ивановича Сиворонова, в основном состоящего из жителей города Сватово — людей крепких, закаленных в многочисленных схватках с врагом. Узнав от местных жителей об отряде Хайруддина, партизаны пошли специально на розыски батальона.

В ту ночь партизаны слушали Москву (в отряде Сиворонова чудом сохранился приемник). Даже самые выдержанные партизаны прослезились, слушая бой кремлевских курантов. Москва жила и боролась.

После ряда нелегких схваток с врагом объединенный партизанский отряд достиг Кременского леса. Здесь к нему присоединились четыре небольших отряда (по тридцать-пятьдесят человек каждый), во главе которых были Ищенко, Петтеряло, Агафонова. Так в Кременских лесах объявился большой партизанский отряд. Сколько ни пытались полицаи окружить и уничтожить его, их попытки кончались неудачами. Жители сел доносили о малейшем движении врага. Поэтому партизаны действовали смело и свободно.

Однажды разведчики донесли: отряд полицаев продвигается к стану партизан по неизвестной партизанам тропе. Дорогу карателям показывал один из местных охотников.

Партизаны спали. Бодрствовали лишь часовые да пулеметчики, выдвинутые вперед. Появившихся внезапно

фашистов они встретили дружным огнем. От тревожного стрекотания пулеметов и автоматов проснулся и Жумагали.

— Атака противника! Всем по местам! — скомандовал он. Партизаны быстро организовали оборону. Прячась за толстые деревья, немцы беспрерывно вели огонь. Жумагали брал на мушку фашистов один за другим. К полудню каратели, понеся заметные потери, стали отступать. Партизаны бросились в контратаку. Жумагали тоже выскоцил из окопа и, пробежав немного упал. Пуля прошла сквозь легкие. Подбежавшему к нему на помощь партизану он крикнул:

— Не задерживайся, вперед!

Жумагали был ранен тяжело. Четыре месяца партизаны возили с собой командира и только после того, как рана стала опасной для жизни, укрыли его в хуторе Пшеничный у старика Михаила Маслова. Громадного роста, восьмидесятихлетний Михаил Маслов выглядел еще бодрым. Он проработал шахтером в Донбассе тридцать пять лет и только передвойной ушел на пенсию. Дед принял Жумагали как родного сына. Вместе с дочерью Ефросиньей Михайловой он смог в самые трудные моменты скрыть партизана от вражеских рук. Написав на двери «тиф», Масловы не допускали фашистов к дому.

Жумагали покинул дом Михаила Маслова в 1943 году с приходом армии генерала Толбухина. Генерал попросил своего лечащего врача азербайджанца Абдуллева выходить Жумагали Сайн...

...Поэт Жумагали Сайн свои лучшие стихи посвятил боевым соратникам-друзьям по оружию.

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Алма-Ата, глубокая осень 1943 года.

Лейтенант Ажигали Жумагалиев шел на работу после ночных дежурства в министерстве. На лице его заметна глубокая озабоченность. Третий год идет война. Судя по последним сводкам, наши войска кое-где продвинулись вперед. Но... до победы еще далеко.

С этими мыслями он вошел к себе в кабинет.

Зазвонил телефон.

— Алло!.. Слушаю вас.

Ажигали Жумагалиев

Вызывал майор, начальник политического отдела.

— Садись, старший лейтенант, — сказал он спокойно вошедшему Ажигали.

«Зачем вызвал? Может, что случилось в мое дежурство?» — не успокаивался Ажигали.

— Как дела, товарищ Жумагалиев? — спросил майор серьезно.

— Неплохо, товарищ майор! — ответил Ажигали, встав с места.

— Сиди, — сказал майор, посмотрев на лейтенанта. — Я вызвал тебя вот по какому поводу: знаешь сам, наша армия

сейчас пошла в наступление. Теперь мы не должны давать врагу передышки, гнать и гнать. А для этого необходимо усилить удары в тылу. Поэтому мы думаем направить тебя в Западную Украину. В твоем подчинении будет шесть человек, они дали согласие. В тылу врага ты должен организовать партизанский отряд. Это особое задание! Каково твое решение?

Смутила ли неожиданная новость, или подумал о своих стариках-родителях, Ажигали ответил не сразу:

— Если родина требует, я согласен. Другого решения быть не может — ответил Жумагалиев спокойно и уверенно.

— Тогда готовься, завтра едешь.

* * *

Ноябрь 1943 года. Лес в междуречье Западного Буга и реки Стер, носящий название Черный, тих и спокойен. С заходом солнца все погрузилось во мрак, словно засыпая. Тихо беседуют бойцы отряда в двадцать пять человек во главе с Гринко.

До войны Гринко был секретарем областного комитета партии. В этот лес он попал по особому заданию. Начале их было всего девять человек. Теперь же это небольшой партизанский отряд. Сегодня должны подойти на помощь еще семь человек. Об этом Гринко знал заранее. И вот они ждут их.

Слишком рокот самолета. По времени должен быть наш с ожидаемыми людьми.

Товарищ командир, наши!

Надо зажечь огни,— предложил один из партизан.

Гринко задумался. Вдруг не наши, что тогда? Как бы то ни было, нужно дать какие-то сигналы.

Жгите костры.

Они были потущены, когда самолет, сделав круг, ушел обратно. Он сбросил людей. Вот один за другим парашютисты удачно приземлились и собрались вместе. Не спая, в какую сторону идти, десантники стояли, озираясь по сторонам. Партизаны окружили их, а Гринко, лежа на готовое автомат, властно потребовал:

Паролы!

Вонга! — ответил Ажигали, шагнув вперед.

Гринко подошел и осветил карманным фонарем лицо высокого чернокожего парня-казаха.

Ажигали смотрел на него в упор. Перед ним стоял среднего роста, плотного телосложения человек, но лица его не увидел. Только смутно чернеют борода и усы.

Будем знакомы. Гринко, командир партизанского отряда, — протянул он руку.

Пока два командира знакомились, партизаны тоже обнимались с прибывшими и расспрашивали о новостях на Большой земле.

Так Ажигали стал партизаном. Он был назначен заместителем Гринко. Вдвоем они сколотили партизанский отряд имени Чанаева. Поначалу людей в отряде было мало, затем их число увеличилось до двухсот пятидесяти. Уже проведены многочисленные бои с карательями, полициями, эсэсовцами, уничтожено немало вражеских солдат в деревнях близ городов Луцк, Ковель, Сарны, пущен под откос один вражеский эшелон.

...Февраль 1944 года. Черный лес покрыт снежным найлоком. Непроходимые топи затянуло крепким льдом, пригодным для продвижения.

Ночь. Спят в землянках партизаны. Ажигали провел посты разведчиков, часовых из отделения младшего лейтенанта Хамзы Козыбаева, назначенного в эту ночь в наряд. Доложив обо всем, Гринко ушел к себе. Но заснуть не удалось...

— Можно войти? — послышался чей-то встревоженный голос.

— Кто это? — отбросив шинель, вскочил Ажигали. — А, это ты, Хамза? Что случилось?

— Тот парень, который приехал из Эстонии, убил часового и сбежал, — торопливо доложил Хамза, — найти его не смогли. Видно, он был подослан немцами.

По тревоге партизаны были подняты на ноги. Если он действительно предатель, то, безусловно, жди атаки противника. Надо срочно приготовиться к бою.

И в самом деле, чуть забрезжил рассвет, карательный отряд напал на партизан. После пятичасового боя враг вынужден был отступить. В этот же день отряд имени Чапаева покинул свое место расположения и ушел в глубь леса.

...Село Песчаное — самое ближнее к Черному лесу. Жители его вызвались помочь партизанам продуктами. Здесь чапаевцы оставили своих связных. Одно из немецких подразделений, именуемое «лжеотрядом», узнав о связях жителей села с партизанами совершило облаву. Фашисты начали истреблять мирное население, не щадя ни стариков, ни младенцев.

Как раз в это время небольшой отряд во главе с Ажигали шел к Песчаному. Разведчики доложили: «В селе слышны ружейные выстрелы, крики людей». «Все это неспроста, что-то неладно», — решил Ажигали и, подозвав Сейтхамзу Мусаханова и Петра Яценко, приказал:

— Берите по двадцать человек и заходите в село с тыла, я ударю в лоб. Ждите моего сигнала.

Как только группа Ажигали вступила в бой с фашистами, Мусаханов и Яценко ударили им с тыла. «Лжеотряд» был застигнут врасплох. Началась паника. «Нас окружили!» — истощенно вопили они. Вдруг партизаны увидели у карателей белый флаг. Что это? Сдаются? Или хитрость? Ажигали на миг задумался. Нужно подождать. Человек пять, держа белый флаг, поднялись на небольшую возвышенность.

Пойдем и мы,— сказал Ажигали.—Враг сдался.

Партизаны обезоружили карателей и взяли в плен около семисот человек. В большинстве это были поляки. Почти все они дали согласие влиться в партизанский отряд. Ну, а с теми, кто был против, разговаривать долго не пришлось...

Март. Вечероет. Гринко с Ажигали, накинув на плечи шубы, стоят у входа в землянку. Они говорят о дальнейших планах отряда. Наши войска уже приблизились к Западной Украине, теперь врагу нельзя давать покоя ни днем ни ночью.

В этот момент младший лейтенант Козыбаев привел одного из жителей села Оврага.

К нам, коротко сказал Козыбаев и ушел.

Командиры повернулись лицом к вошедшему. Перед ними стоял бедно одетый старик.

Я из села Овраг,— начал он, теребя свою реденькую бородку. Командир оунских карателей женится на дочери нашего старосты. Свадьба состоится в доме старости. Насколько я знаю, этого изверга из Оунского отряда вы давно не можете изловить. Они убили моего сына. Я сам поведу вас, взволнованно закончил старик.

Не горюй, дедушь, мы сделаем все возможное,— ответил Гринко уверенно и спокойно.

Под покровом темноты старик привел два взвода партизан на шоссе, которое соединяет Ковель и Ровно. Облаченные в белые халаты партизаны залегли вдоль дороги. По ней расхаживали немецкие патрули. Старик показал на большой дом старости с краю села. Добраться до него мешали патрули.

Вдруг послышался лай овчарок. Неужто почуяли людей? Патрульные начали оглядываться по сторонам. Когда фрицы поравнялись с партизанами, Ажигали подал сигнал двум парням. Вооруженные ножами здоровые ребята бесшумно прыгнули на фашистов.

Вперед! — негромко произнес Ажигали. Грязнули магниты. В окна и двери ударили автоматные очереди партизан, устроив переполох в свадебной компании. Однико, опомнившись, некоторые из немцев стали беспорядочно отстреливаться. Но вскоре с ними было покончено.

В этот рейд партизаны полностью уничтожили вражеский отряд вместе с командиром, захватили четыре

станковых пулемета, двадцать лошадей, два миномета, много автоматов, винтовок.

В этом же году партизаны совершили рейд к Львову с тыла. Боясь попасть в окружение и не выдержав натиска, фашисты покинули Львов.

В КАРПАТАХ

В мае 1944 года вместе с двумя боевыми товарищами старший лейтенант Сатимбек Тулешев был сброшен по особому заданию в Старо-Любовном районе, на земле Словакии. По заранее известному адресу они отыскали старого учителя. Это был человек, испытавший на себе всякие злодеяния немцев. Он рассказал Сатимбеку о положении дел.

— Правительство Чехословакии сбежало,— говорил он гневно.— Армия распалась, большинство солдат разъехались по домам. Мы слышали, что Советская Армия наступает по всему фронту, верно ли это?

— Да, немцы бегут,— ответил старший лейтенант Тулешев.— И мы пришли сюда неспроста. Надо бить врага с тыла, для этого нужна ваша поддержка.

С помощью старого учителя Сатимбек сколотил партизанский отряд в сто человек и ушел в Карпаты. Задача одна — не давать покоя врагу.

Отряд Сатимбека состоял, в основном, из словаков, советских солдат, бежавших из плена, и местных рабочих.

Ночь. Только легкий шелест листвы нарушает тишину. Со стороны Старо-Любовного слышен лай собак и гул моторов машин. Тихо в четырех заставах словаков, которые находятся в подчинении немцев. Зверства и насилия, учиненные словацкими националистами над мирными жителями села, известны всем. Сатимбек отдал приказ уничтожить эти заставы. Бесшумно передвигаясь в ночи, партизаны направились к заставам в Велико-Каменце.

План операции, разработанный Сатимбеком, таков: один из партизан очень хорошо знаком с начальником заставы. И вот он приглашает своего «друга» на свадьбу. Когда начальник заставы со своим заместителем ушли на свадьбу, партизаны напали на заставу. К одиннадцати часам застава была разгромлена. Партизаны за-

хватили пять станковых пулеметов, восемнадцать автоматов, одиннадцать пистолетов, шестьдесят две винтовки. А в это время перед командиром партизанского отряда Сатимбеком сидели, понурии головы, начальник гетто и его заместитель.

Имя Сатимбека Тулешева стало популярным среди словацкого населения. Узнав о героических делах партизанского отряда, руководимого им, местные жители сами формировали партизанские группы и вели борьбу с фашистскими захватчиками.

В Старо-Любовном была только одна пекарня. Пять дней в неделю она выпекала хлеб для фашистов, а два дня для местных жителей. Старо-любовчане большую часть хлеба переправляли в отряд Сатимбека.

...12 декабря 1944 года. Сатимбек прибыл в Ново-Солнеческий район, что в окрестностях Кракова, по вызову командира партизанского отряда Ивана Федоровича Золотаря. Когда Сатимбек вошел в землянку, за столом сидели Иван Федорович со своим заместителем Петром Романовичем Пельменовым и о чем-то оживленно разговаривали. Сатимбек вошел и чуточку замялся у двери, а Иван Федорович, увидев Тулешева, приветливо кивнул:

— Проходи, Сатимбек Омарович,— и он, показав на стоявшую рядом скамейку, протянул Сатимбеку какую-то бумажку.

«Что это может быть?— подумал Сатимбек.— Наверное, опять что-нибудь случилось? Вчера вечером враже-

Сатимбек Тулешев

ские самолеты бомбили лагерь. Сегодня надо менять место расположения. Видимо, приказ связан с этим событием».

Но оказалось другое. «Приказ»...и дальше: «Командира партизанского отряда старшего лейтенанта Сатимбека Омаровича Тулешева с этого числа назначаю начальником штаба партизанского соединения». Внизу стояла подпись майора Золотаря.

— Ну как, товарищ старший лейтенант? — спросил молчавший до сих пор Иван Федорович.

— Благодарю за доверие, Иван Федорович, — ответил четко Сатимбек, встав с места.

Середина января. Вчера солнце стало припекать и снег немного растаял. А сегодня ранним утром из лагеря вышел небольшой отряд партизан. Разведчики, побывавшие в Польше, донесли: «Сегодня по шоссейной дороге, вдоль горной речки, пройдет колонна фашистских автомашин». Золотарь, узнав об этом, вызвал Сатимбека и поручил возглавить операцию по разгрому этой колонны.

На одном из поворотов шоссе Сатимбек остановил отряд. По обе стороны дороги ровная долина постепенно сливается с горами, негусто покрытыми молодым смешанным лесом. Здесь можно укрыться. Сатимбек разбил отряд на три группы, отвел две группы на противоположный берег реки, а третью расположил по одну сторону дороги, расставил постовых. Партизаны приготовились...

Вскоре послышался гул моторов.

— Вражеские машины! — доложил, спрыгнув с дерева, один из партизан.

— Приготовиться к бою! — раздалась команда Сатимбека.

Партизаны пропустили колонну фашистов немного вперед. В ней насчитывалось семь автомашин. Фрицы не думали о какой-либо опасности. Когда машины приблизились к двум группам партизан на том берегу речки, с трех сторон застroчили станковые пулеметы. Машины развернулись в надежде уйти от засады, но, поравнявшись с другим отделением, получили порцию из пулеметов и автоматов. Фашисты, побросав машины, ринулись на другую сторону дороги. Но и здесь их ожидала неудача. Навстречу им полетели гранаты, засвистели пули. Враг сейчас только понял, что оказался в «мешке».

Отряд Сатимбека уничтожил в этом бою семьдесят фашистов, двух взял в плен. Они оказались строителями 1063-го немецкого стрелкового полка. Их направили на создание оборонительных сооружений в районе Черного Цуная. Командир их подполковник Вольф, видя безвыходное положение, застрелился.

Из этой операции Сатимбек привез ценные сведения. Партизаны захватили схематическую карту будущих оборонительных сооружений противника и доставили в тот же день штабу Первого Украинского фронта.

ХИТРОСТЬ КОМАНДИРА

На рассвете отряд добрался до деревни Мостицкое. За ночь ходьбы люди устали, и поэтому командир велел им отдохнуть.

С группой своих помощников он вошел в большой срубленный из теса дом, стоящий на краю деревни. И через полчаса велел своему адъютанту:

— Батырхан, скорее приведи сюда Павлика с разведчиками. Дело есть.

Батырхан побежал выполнять приказание.

Командир отряда Тарас Борисович в волнении прохаживался по избе.

— С Халтуриным встретились? — спросил он вошедших партизан.

— По сообщению Халтурина, в деревне Прища засело примерно шестьдесят фашистов, — ответил Павлик. — Головорезы отняли у населения все. Ограбили до нитки. Руководит ими обер-лейтенант. Мы условились с Халтуриным, где встретиться.

Партизаны задумались. Всем было ясно: нельзя этого прощать немцам. Бойцы склонились над топографической картой. Тарас Борисович, вытащив из кармана трубку, набил ее крепким табаком и закурил. Затем, что-то обдумывая, опять стал ходить по комнате.

— По-моему, — вдруг сказал он, подходя к карте, — нельзя нам открыто атаковать немцев в Прище, понесем большие потери. По шоссейной дороге, идущей от Ершичи до Мглинки часто проходят машины, моторизованные части врага. В любую минуту они могут прийти на помощь карательному отряду. Ведь расстояние от шоссе до

Прищи всего восемь километров. Поэтому я предлагаю пойти на хитрость.

...И вот сотня партизан, пересоединяясь в немецкое обмундирование, идет по шоссе. Разбившись на две группы, вместе со всеми немцами они дойдут до развилки, а затем свернут на Прищу. Отряд этот ведет Зарецкий в форме немецкого майора. Родился и вырос он в Польше. Покинул Варшаву в 1940 году, когда немецкие фашисты оккупировали страну. Немецким языком владеет в совершенстве. В отряде Зарецкого идут Алим, Батырхан и Пашев с пониженными полицеистскими. Лесом они подойдут к деревне Прища, окружат ее с двух сторон и, если там обнаружат врага, то атакуют его.

Некоторые партизаны вооружены советскими автоматами и винтовками. Многие одеты в немецкие пилотки, иные по типу немцев, обмотаны платками, косынками, шалями. В этой дескорации помогали им женщины деревни, откуда они вышли на задание. И вот плетутся они, и их нельзя отличить от немцев.

Вскоре отряд достиг деревни Сукромля. При виде немецких солдат жители деревни бросились в лес. Для большей сохранности своей тайны партизаны нарушили тишину короткими автоматными очередями, делая вид, что стреляют по перепуганным жителям деревни.

Достигнув шоссе, колонна «немецких солдат» сбавила шаг. Вид у них усталый. У обочины движутся их сани. Некоторые положили свои автоматы на сани. Навстречу время от времени попадаются группы немецких солдат, неизвестно куда и зачем бредущих. Но разговаривать с ними нельзя — кроме Зарецкого, никто не знает немецкого языка. Увидев майора, немецкие солдаты приостанавливаются, крича: «Хайль Гитлер!». Майор бодро бро-

Ади Шарипов

саёт в ответ: «Хайль Гитлер!» и продолжает свой путь. Вот партизаны достигли деревни Корсико... Завидев колонну немцев, жители и здесь разбегаются кто куда. Не обращая на них внимания, колонна пересекает деревню, сворачивает с шоссе на проселочную дорогу, идущую на север. К счастью партизан, никто из немцев, встретившихся в пути, не старше Зарецкого по чину. Приветствуя «майора» Зарецкого зычным «Хайль Гитлер», они проходят мимо.

Деревня Прища оказалась от шоссе примерно в восемнадцати километрах. Изредка попадались хуторочки. Партизаны ускорили шаги. Прошли два хутора, и дорога привела к реденькому леску, за которым уже виднелись дома Прищей. Партизаны еще ускорили шаг. Вот и окраина деревни. Вскоре на горизонте показалась идущая им навстречу толпа людей.

Тарас Борисович подошел к Зарецкому и, взяв у него бинокль, всмотрелся в эту толпу. В окружении вооруженных фашистов по дороге медленно шла группа людей. По их подавленному виду нетрудно было догадаться, что они обречены.

— Сейчас уже поздно о чем-либо думать,— сказал Тарас Борисович.— Если этих людей ведут на расстрел, ты скажи конвою, чтобы зря не тратили на них патроны, а повесили, а пока пусть отведут von туда,— указал он на сарай, возвращая Зарецкому бинокль.

Партизаны приблизились к этим людям. «Майор» жестом остановил шествие и спросил старшего конвойного, куда ведут пленных.

— Водим их по деревне из конца в конец, чтобы все видели, кого будем расстреливать,— ответил старший конвойный.— Эти сволочи поддерживали связь с партизанами, убивали солдат нашего фюрера.

— На сволочей нечего тратить патроны,— резко оборвал его «майор».— Их надо повесить. Пусть поболтаются на виселице, чтоб другим неповадно было. Отведите их в тот сарай и заприте на замок. А я распоряжусь насчет виселиц. Ступайте!

— Слушаюсь, господин майор. Хайль Гитлер!

— Хайль Гитлер!

Конвой погнал обреченных людей к указанному сараю. Алим, Павел и Батырхан отделились от колонны и присоединились к конвою. Чтоб окончательно войти в до-

перие к немцам, они стали прикладами и пинками подгото-
вить отстающих пленных.

Колонна «немецких солдат» во главе с «майором» на-
правилась прямо к немецкому штабу.

Партизаны волнуются. Как бы не раскусили их.
По все готовы в любую минуту сразиться с немцами.
Деревня словно вымерла. Ни души. Даже детей не
видно.

Вскоре в конце улицы возле большого деревянного
дома партизаны увидели немецкого солдата. Похоже,
что он стоит на часах. Подошли к этому дому, ос-
тановились.

— Подождите здесь,— велел «майор» и, крикнув
«Хайль Гитлер!» часовому, вошел в немецкий штаб. Едва
он переступил порог, как обер-лейтенант вскочил с мес-
та, громко приветствуя. «Майор» ответил на приветствие
и протянул свою книжку офицера «СС». При виде чер-
ного удостоверения обер-лейтенант вытянулся в струнку
и заплетающимся языком начал объяснять, что он при-
был сюда, чтобы изловить сорок жителей, помогавших
партизанам. Майор заложил руки за спину и, дымя па-
ниросой, стал ходить взад-вперед по комнате. Затем по-
дошел к двери, повесил шинель и на чистейшем немец-
ком языке обратился к обер-лейтенанту:

— Соберите здесь всех своих людей. Я проведу с ни-
ми беседу,— и уселся за длинным столом.

Обер-лейтенант живо распахнул дверь в другую ком-
нату. Сидящие там немецкие солдаты при виде «майора»
состошли с мест.

Зайдите в эту комнату,— попросил обер-лейтенант
и приказал одному из солдат:— Быстро позови сюда
всех солдат.— И уставился на «майора», ожидая даль-
нейших распоряжений.

И вот, гремя сапогами, солдаты явились.

Онтий обер-лейтенант вытягивается в струнку, докла-
дывая «майору», и крик: «Хайль Гитлер» потрясает избу.

По разрешению «майора» немецкие солдаты стали
присаживаться за длинный стол. Только этого и ждали
партизаны. Они тихо стали входить в избу. Не дожи-
даясь, пока они все войдут, Зарецкий приказал: «Огонь».
И пошли прошивать насмерть автоматные очереди ниче-
го не подозревавших фашистских солдат. Они даже не
 успели снять с предохранителя свои автоматы. С ними

было покончено. Повеселевшие партизаны стали укладывать на сани немецкое обмундирование, оружие.

Вдруг «майор» Зарецкий вспомнил про немецкого часового.

— Он тоже готов! — смеясь, доложил один из партизан, показывая на солдата в зеленой шинели, лежавшего в углу дома.

В это время возвратилась и группа партизан, посланная за предателем-старостой. Фашистский прихвостень успел куда-то скрыться.

Тарас Борисович очень огорчился, узнав, что предателя Андрея Топорова не нашли.

— Возьми с собой с десяток ребят, освободи заключенных крестьян, — велел он Зарецкому.

Зарецкий с ребятами подошли к сараю. Но никого из немецких солдат здесь не оказалось.

Около сарая ходили только наши «полицейские».

— Где конвойные? — спросил Зарецкий.

— Соскучился? — смеясь, ответил Алим. — Вон они лежат, — и ткнул пальцем за угол сарая, где на снегу валялись убитые фашисты.

— Молодцы, — похвалил Зарецкий, — чисто сработали. По-партизански.

Довольные успешным окончанием дела улыбающиеся партизаны подошли к сараю и открыли двери. Навстречу солнечному зимнему дню высыпали люди. У многих на глазах были слезы благодарности. Крестьяне бросились обнимать и целовать партизан. Нахлынувший восторг был так велик, что люди от растерянности не в состоянии были произнести слова.

Но вот они опомнились, заговорили:

— Большое, большое вам спасибо!

— Теперь мы не вернемся в деревню. Теперь мы сведем с немцами счеты. Возьмите нас с собой.

Узнав, что в деревне нет немцев, народ со всех сторон потянулся к партизанам. Радости людей не было границ, сии не знали, как отблагодарить партизан, вернувших кому отца, кому братьев, кому мужа, кому сыночка.

Партизаны зря не теряли времени. Разбившись на группы, они стали возвращать жителям деревни награбленное фашистами добро: зерно, скот, домашний скарб. Третья группа партизан запаслась продуктами, доставшимися им от немцев.

СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА

Солнце уже поднялось высоко. Партизаны, как обычно, отдыхали после завтрака и читали принятую радиостом сводку из Москвы. От разведчиков было известно, что в отряде ждут прибытия Сидорова — секретаря подпольного райкома партии — и членов бюро. И вот в штаб вызывают командиров отрядов.

Землянка, где разместился штаб отряда, полна народа, негде сесть, многие стоят. Когда последний вошедший в землянку с трудом прикрыл за собой дверь, сидящий за столом среднего роста бородатый мужчина приподнялся со своего места и, вытащив из кармана листок бумаги, долгим взглядом оглядел собравшихся.

— Товарищи! — начал спокойным, ровным голосом Сидоров. — В вашем отряде немало коммунистов и комсомольцев. Большинство собравшихся здесь коммунисты или кандидаты в члены партии. Здесь сидят все члены бюро райкома. По решению бюро мы и проводим это собрание.

Сидоров говорил долго. Но партизаны слушали его внимательно. Потому что речь была основательной, фундаментальной, он как бы ставил на железные рельсы дело партизанской борьбы. Он подверг критике политко-воспитательную работу, проводимую среди партизан. Сказал, что наладить ее можно и нужно. Объяснил, как сложно вести агитационно-массовую работу среди населения. Но она необходима. В близлежащих деревнях немало молодежи, самоотверженно помогающей партизанам. Надо, чтобы эта помощь была постоянной. Молодежь в деревнях чаще всего помогает тем, что предупреждает о продвижении вражеских частей, доносит о бесчинствах фашистов. Но она совсем не оказывает боевой помощи партизанам, да и как она может оказать, если совсем не вооружена. Задача: поднять весь народ на борьбу с ненавистным врагом. А для этого надо вооружить людей. Достать оружие можно разными путями. Прежде всего необходимо перехватить вражеский эшелон. В самих деревнях тоже должно быть спрятанное оружие. Нужно найти его. Сидоров поведал о том, что на берегу озера Десна закопано оружие. В городах Дубровское, Ершичи немецкое командование организовывает из местных жителей полицейских. Партизаны должны

направить туда проверенных людей для проведения среди населения агитационной работы. Для безопасности им следует выдать соответствующие документы, мол, был судим, подвергался репрессиям.

— Кстати, среди нас находится и районный судья,— сообщил Сидоров к удивлению ребят,— у него и бланки, и печать под рукой. Может вынести вам любой «приговор». Подпольщики, вошедшие в доверие немецкому командованию, могут стать полицаями и даже бургомистрами. Это опасный рискованный путь. Для этой цели надо выбрать самых достойных, сообразительных.

Сидоров сказал, что способы борьбы с фашистами должны быть разными. Кроме уничтожения живой силы врага, партизаны должны сносить под откос немецкие эшелоны, выводить из строя железные и шоссейные дороги, взрывать мосты и аэродромы. В некоторых городах фашисты восстанавливают наши заводы. Их нужно взрывать.

Дальше он напомнил, что в руках фашистских захватчиков немало наших пленных. Положение очень тяжелое. Большинство еще не излечилось от фронтовых ран, их морят голодом, избивают и группами расстреливают. Они все советские граждане. Партизаны должны помнить о них и помочь им перебежать к нам.

Сидоров пояснил, что для выполнения этих задач нужно выделить каждому коммунисту и комсомольцу ответственный участок. Нужно наладить регулярный выпуск листовок. Районный комитет партии предлагает сегодня же в каждом отряде провести партийные собрания и принять в члены партии партизан, наиболее отличившихся в борьбе с врагом.

В землянке стояла тишина. Слова секретаря райкома доходили до сердца каждого партизана. По их молчаливым, сосредоточенным лицам было видно, что они полностью согласны с ним. Тишину нарушил сильный голос Тараса Борисовича:

— Коммунистам оставаться, остальные свободны!

Не дожидаясь, пока люди выйдут из землянки, Сидоров подсел к оставшимся и продолжал:

— Товарищи! Эти дни ставят перед коммунистами особо сложные задачи. Коммунисты должны быть примером для беспартийной массы. Среди партизан могут оказаться люди, которые будут обижать местных жите-

лей, отбирать у них одежду, пить самогон. Долг коммунистов и комсомольцев повести беспощадную борьбу с этими элементами. Надо усилить дисциплину. Держать в чистоте честь партизана — первый долг коммуниста.

Бюро подпольного райкома партии предлагает в каждой роте и в каждом взводе провести партийные и комсомольские собрания и избрать парторгов и комсоргов.

Слова секретаря райкома партии заставили каждого коммуниста отряда задуматься, а решение районного комитета партии явилось для них программой действий.

Это партийное собрание надолго запомнилось им. После него они с жаром взялись за дело.

Ряды партизан росли с каждым днем. Командир отряда Тарас Борисович приступил к выполнению решений райкома партии. Прежде всего он стал создавать несколько взводов подрывников.

Партизанский лагерь походил в эти дни на растревоженный улей. Все готовились, запасались боеприпасами, чистили оружие.

ЗАСАДА

Поздняя ночь. Тихо в лагере. Крепким сном спят партизаны. Как бы охраняя их сон, по небу медленно проплывает месяц. Погашены огни, лишь в одной землянке светится окно. Эта землянка — штаб отряда. Здесь не спят. За столом, над топографической картой с красными пометками склонились Сидоров и Карпенко.

Их лица озабочены.

— Андрей Петрович,— говорит Карпенко,— по данным разведки карательный отряд вышел из города Ершичи сегодня вечером. Сейчас идет снег, он поможет нам: к утру все дороги будут занесены, идти будет невозможно. Фашисты заберут лошадей у местных жителей и поедут на санях. Конечно, найдут проводников. Обойдут деревни Корсико, Прища и завтра к утру будут здесь. Их не менее двухсот человек.

— Да, враг серьезный! — сказал Андрей Петрович.— Я предлагаю выйти навстречу фрицам и устроить засаду. Лучше всего это сделать у деревни Мостицкое. Немцы не будут знать, что мы там. Возле деревни проходит дорога через большую поляну. С обеих сторон лес. Возле поляны поставим два «максима», чтобы встретить ка-

рателей огнем в лоб. А в лесу по обеим сторонам засядут наши стрелки, чтобы лупить их перекрестным огнем. Ни один не уйдет живым.

— Полностью согласен с вами,— ответил Тарас Борисович после небольшого раздумья.

Они вышли из землянки.

Тарас Борисович обратился к начальнику штаба Красновскому.

— Мы с Андреем Петровичем осмотрим место засады и уточним детали. А вы оставайтесь в лагере.

В сопровождении взвода автоматчиков Карпенко и Сидоров скрылись в темноте. Вскоре они вышли на большую поляну, ярко освещенную светом луны...

Карпенко указал места для расположения каждого отряда, для установки пулеметов.

— Ладно, согласился Сидоров.— Неплохо продумано. Пойдемте в штаб. Может быть, разведчики вернулись?!

Когда они пришли в лагерь, в штабе их ожидали вернувшиеся разведчики. Начальник разведки остроглазый Володя Хомяков сухо доложил, что каратели, не менее двухсот человек, в три часа дня прошли деревню Артемовку. Забрали лошадей с санями. Силы свежие, не измотаны боями. Вооружение: автоматы, два станковых пулемета и два ротных миномета. Едут быстро. По сообщению жителей Ершичи, видимо, започуют в деревне Прища, на рассвете двинутся к нам.

Да, вести, конечно, неутешительные. Есть над чем задуматься.

Опять послали группу разведчиков в Прищу. Надо было узнать, добрались каратели до деревни или нет.

На рассвете в лесу, возле деревни Мостицкое, партизаны заняли указанные рубежи и установили станковые пулеметы. С наступлением утра вернулись и разведчики. Они подтвердили, что каратели находятся в Прище и вскоре будут здесь.

Полдень. Трескучий сухой мороз обжигал лица притавшихся в засаде партизан.

Тарас Борисович с нетерпением поглядывал на дорогу.

Мороз все крепчал. Партизаны стали переминаться с ноги на ногу. Вскоре в морозной дымке на дороге замаячили дозорные каратели. Следом за ними показалась и

основная колонна фашистов. Они ехали смело, видимо, не ожидая партизан около деревни. От крепкого русского мороза карателям было не по себе. Многие, положив на сани автоматы, бегут рысцой, чтоб согреться. Некоторые солдаты, как печные трубы сгоревшего дома, уныло торчат в санях.

Каратели все ближе и ближе. Вот уже слышен скрип полозьев. Партизаны молчат, ждут команды. Когда передние фашисты подошли к сараю примерно на сорок метров, не отрывавший глаз от бинокля Андрей Петрович скомандовал.

— Огоны!

Дружно заработали оба партизанских «максима». С двух сторон из-за деревьев затрещали автоматные очереди.

Отряд немцев смешался, кони взвились на дыбы и, шарахаясь от выстрелов, понеслись в разные стороны. А партизанский огонь все косил и косил. Однако немцы быстро опомнились и открыли ответный огонь. Тарас Борисович отдал приказ минометчикам уничтожить пулеметный расчет противника, притаившийся за трупом лошади.

— За родину! За партию! — и точно посланная мина смешала с землей пулеметный расчет врага.

Пальба со стороны немцев стала постепенно затихать.

Почувствовав, что партизаны берут отряд в кольцо, фашисты начали пробиваться назад, усыпая дорогу трупами своих солдат. Настал черед и тех, кто ожидал отхода немцев. Они обрушили на врага шквал автомата гения. Тут и там, как подрубленные деревья, падали солдаты в зеленых шинелях. Вдали от своей родины, в сухих лесах Белоруссии они нашли себе могилы. Стрельба прекратилась внезапно, так же, как и началась. Андрей Петрович обратился к автоматчикам:

— Фашисты прекратили огонь. Но будьте начеку!

Автоматчики по одному стали перебегать от сарая к поляне. Вдруг раздалась автоматная очередь. Одна, другая, третья. Это стреляли недобитые фашисты. Партизаны открыли ответный огонь. Но враг не унимался. Он держал под обстрелом поляну и не давал партизанам возможности выйти из леса.

— Оставайтесь здесь, — сказал разозленный Павел автоматчикам. — Мы с Алином обойдем их с тыла.

Немцы не заметили, как двое партизан подошли к ним сзади. Павлик и Алим одновременно бросили гранаты. Фашисты перевернулись вместе с санями. Теперь стрельба раздалась в другом месте. Но странно. Совсем не было слышно миномета. Огляdevшись, партизаны увидели в отдалении с десяток немецких солдат, залегших на снегу.

— Ребята,— крикнул Андрей Петрович,— забросайте их гранатами, а мы автоматным огнем не дадим им приподняться.

Точно брошенные гранаты уничтожили и остальных фашистов.

Карпенко приказал собрать вражеское оружие, унести с поля боя все, что в силах унести каждый. Партизаны не только собрали все оружие, но и сняли с немцев обмундирование.

Довольные исходом боя партизаны уселись на сани и поехали на базу.

Только сейчас, когда склынула горячка боя, стал ощутим лютый мороз. Пролежав в снегу несколько часов, партизаны совсем промокли. К тому же они крепко устали и были голодны. Многие были одеты в латаные шинели, задубевшие на морозе полушибки. Только сознание своего долга согревало души партизан.

Разведка доложила, что еще один карательный отряд прибыл в деревню Морозовка.

Но Карпенко и Сидоров решили, что нужно быстрее добраться до базы. Партизаны голодны, со вчерашнего вечера у них ничего не было во рту. Если еще одну ночь провести здесь, то все погибнут. Сейчас нужно отдохнуть, обсушиться, а утром выступить против карателей.

Но отряд еще не успел дойти до базы, как навстречу выехали разведчики. Володя доложил, что прибывший второй карательный отряд расположился в деревне Артемовке.

— А как вы об этом узнали? — спросил Андрей Петрович.

— Земля слухами полнится! — ответил Володя.— Об этом мы узнали у жителей Артемовки, убежавших в лес. По дороге встретились с Новиковым, отцом нашего Анатолия. Он покинул деревню последним. Новиков говорит, партизаны покинули базу. Старик никогда не зрит.

На базу возвращаться нельзя, нужно изменить маршрут, — заключил Андрей Петрович.

Что же будем делать? — спросил Тарас Борисович. Люди все как устали!

Пойдем в Борковичи на резервную базу, — ответил Андрей Петрович.

Все согласились с этим. Разведчики Володи опять покакали, на этот раз к резервной базе. Путь партизан к деревне Борковичи был нелегким. Стояла глубокая ночь. Мороз прошептал через заиндевевшую одежду. Голод тоже доимал измученных людей. Чтобы немного согреться, люди бежали за санями, но это мало помогало. Врач Петрович Павел Денисович, сам превратившийся в сосульку, окапывал людям посильную медицинскую помощь. Сидоров и Карпенеко, шедшие во главе колонны, с болью оглядывались на сле двигающихся партизан.

Тарас Борисович вытащил из кармана трубку, стал набивать ее табаком. Вгляд его упал на Сидорова:

Андрей Петрович, у тебя нос белый, замерз, что ли?

Сидоров непослушными руками взял горсть снега и начал тереть лицо.

Крепните, ребятки! До резервной базы осталось пять шесть километров, подбадривает людей Карпенко.

Андрей Петрович, — обратился он к Сидорову, — ты проходи к голове колонны, я останусь здесь, присмотрю, чтоб никто не отстал.

Андрей Петрович ускорил шаг и направился к голове колонны, где шли автоматы. Впереди, прокладывая им дорогу, ползли сапи. Поравнявшись с ребятами, Андрей Петрович спросил:

Как дела? Не устали?

Устать не устали, товарищ командир, — ответил за всех острослов Харитоненко. — Вот только малость вспомнили!

Все заулыбались.

Партизаны подошли к резервной базе, когда неожиданно раздалась автоматная стрельба. Колонна остановилась. Стреляли вроде с противоположной стороны базы.

В двух километрах отсюда проходит лесная дорога, скорей всего они подошли к базе и наткнулись на наших разведчиков.

— Я тоже так думаю. Но откуда немцы узнали про резервную базу? — удивленно спросил Андрей Петрович?

— Бессспорно, карателей ведет человек, знающий ее. Скорей всего это тот старик, которого встретили в лесу наши разведчики.

Партизаны вспомнили, как несколько дней тому назад группа разведчиков наткнулась на одинокого старика в затрапанном полушибке, бог знает чем занимавшись в лесу. На их вопрос: что он здесь делает? — старик ответил, что он из деревни Морозовки, пришел сюда за дровами. Партизаны увидели стоящие поодаль сани и отпустили старика. Когда по возвращению в лагерь они рассказали об этом командиру, тот почувствовал не-доброе, велел захватить старика, но того и след простыл: в лесу лежали лишь вываленные из саней дрова. След от саней привел разведчиков к дороге на деревню Корсико и затерялся. Разведчики дошли до деревни Прища и расспросили местных жителей, не проезжал ли кто-нибудь через деревню. Ответ был отрицательный. Старик как в воду канул.

— Каратели ни за что не решатся идти лесом ночью,— сказал Андрей Петрович,— вероятно, это регулярные немецкие войска.

Впереди показались два всадника. Они торопливо приближались к партизанам.

Не успели они сойти с коней, как Тарас Борисович спросил их:

— Что это за перестрелка?

Володя рассказал, что они пришли на базу, осмотрели ее кругом и, не заметив ничего подозрительного, оставили там десять человек, чтобы они развели огонь в землянках, а сами отправились на большую дорогу. И вдруг напоролись на вражеский разъезд. Немцы быстро свернули с дороги и направились на базу. Поняв, что немцы заметили их, ребята открыли огонь. Несколько фашистов было убито. Остальные отступили. Скорей всего это были разведчики карательного отряда. Вел их человек, похожий на того старика, которого тогда отпустили партизаны. От первого же выстрела Володи он замерло свалился на землю. Когда немцы отступили, ребята рассмотрели труп и опознали в нем убежавшего старосту деревни Прища Андрея Торопова.

Собаке собачья смерть! — сказал Тарас Борисович.
Андрей Петрович обратился к автоматчикам:

Ну как, хватит сил у наших автоматчиков встретить непрошеных гостей?

Они ж нас не ждут здесь, немцы-то,— ответил один из разведчиков, — побегут, должно быть. А у наших пороху хватит!..

Слышиите, это наши стреляют.

Ни один из фашистов не должен отсюда уйти живым, — заговорил Андрей Петрович. — Как только они ушлют, что их разведчики напоролись на партизан, больше не сунутся ночью в лес. И потом они лишились проводника. Так чтоничего их бояться, переноочуем здесь. Нужно согреться, обсушиться, немного отдохнуть, а завтра падим бой. Сейчас нужно отправить в помощь разведчикам третью роту, а самим быстрее идти на базу.

Когда Сергей, Павлик, Алим и другие ребята в составе третьей роты, держа автоматы наготове, осторожно шли по лесу, впереди них послышались ружейные выстрелы.

Наверное наши окружили немецких разведчиков, — высказал свое предположение один из партизан. — Выстрелы раздаются с двух сторон.

Партизаны добрались до резервной базы, стреножили коней и разошлись по землянкам.

Здесь уже был готов ужин. Многие партизаны не стали снимать с себя закоченевшую одежду, в нос ударили шапки и налили кашу, и они, кто в чем были, облепили большой дымящийся котел. Кто не пробовал партизанской каши, тот никогда не узнает ей цены. Как она была вкусна в короткие минуты затишья перед боем! Многие, может быть, ели ее в последний раз. Но сейчас никто не думал об опасности. И как бы в подтверждение этого прекратилась стрельба. Вскоре в штаб отряда зашел Павлик с тремя автоматчиками.

Разрешите доложить, товарищ командир, — обратился он к Карпенко, — отряд вражеских разведчиков полностью уничтожен. Трофеи при нас.

Партизаны разомлели от горячей пищи и тепла и успокоили богатырским сном.

По короток партизанский сон. Настало утро. Оно привнесло новые заботы...

И вот группа минеров во главе с Павлом Смирновым идет по обочине дороги. Тяжелый груз так и давит на плечи. Отделившись от базы на семь километров, минеры подошли к развилке двух дорог и установили электрические мины. Электрические шнуры, идущие от мин, провели на двести метров и держали наготове, соединив один конец с батареей. Как только вражеская колонна полностью выйдет на заминированный участок, нужно только замкнуть второй конец шнура.

Группа партизан залегла слева от дороги, другая группа справа от нее вырыла снежные окопы и, сделав подстилки из сучьев, залегла в ожидании врага. Маскировка была полной. Дремучий лес с обеих сторон дороги поглотил партизан. Надежным щитом были и снежные сугробы.

Тишина. Вдруг в этой напряженной тишине стал доноситься звук приближающихся шагов. Партизаны молчат. Но вот показалась колонна идущих колхозников. Они шли хмурые, подавленные, ведь каждый шаг грозит им смертью — за ними, держа автоматы наготове, идут немецкие солдаты.

Когда середина вражеской колонны вступила в заминированный участок, Павел Смирнов едва заметно кивнул Батырхану.

И вдруг тишину потряс мощный взрыв. Он раздался в середине немецкой колонны, когда колхозники уже прошли вперед, на безопасное расстояние. Батырхан, пропустив их, замкнул второй конец шнура. Фашистские солдаты взлетели в воздух, на оставшихся в живых партизаны обрушили град пулеметного и автоматного огня. Попяв, что они попали в засаду, фашисты бросились в лес и оттуда стали отстреливаться.

Вскоре подоспели с резервной базы и оставшиеся партизаны во главе с Карпенко и Сидоровым. Тарас Борисович прекрасно знал тактику лесного боя: сделал большой крюк и зашел к немцам в тыл.

Немцы не ожидали этого. Беспорядочно отстреливаясь, они стали отступать к деревне Борковичи. Партизаны покинули свои окопы и, поливая врага автоматным огнем, стали преследовать его.

Каратели бросились бежать по дороге и попали под дружный огонь разведчиков Володи.

Перестрелка была короткой.

Партизаны быстро собрались и скорым маршем двинули на главную базу.

ТОЛЯ

Наступила ранняя весна. Была пора, когда, как говорят казахи, толстый худеет, а тонкий не выдерживает. На опушках и полянах снег уже растаял и только в глубине леса под деревьями все еще лежал почерневший от грязи. Сюда пока не заглядывала весна. Раскисшие дороги затрудняли движение, мешали связи.

Для отряда Карпенко настало трудное время. Кончились запасы продовольствия. Каждый кусок сухаря был на счету. Партизаны потуже затянули ремни. Конечно, и к этому можно привыкнуть, и не такое доводилось переносить партизанам. Но вот кончились боеприпасы. Как быть? Нагрянет враг, ведь не встретишь его голыми руками. В поисках боеприпасов разведчики обшарили все окрестные деревни, но без толку. Если что и было у людей, так они давно уже сами отнесли партизанам.

И вот однажды дошло до партизан, что в деревне Сергеевке тринацатилетний пацан по имени Толя запрятал у себя в саду много оружия и боеприпасов.

Эта весть обрадовала партизан.

На одного бойца приходится по двадцать-тридцать патронов, сказал комиссар отряда Андрей Петрович Сидоров сидящему рядом Карпенко. У минометчиков совсем не осталось мни. Если нагрянет карательный отряд, мы даже не сможем принять бой.

Положение, чего греха таить, катастрофическое. Поэтому я предлагаю нынче же ночью направить в деревню Сергеевку группу людей с Павликом. Пускай они найдут этого Толя и его заначку. Если слухи подтвердятся, это будет здорово. А вторая группа партизан пойдет на тот берег озера Десна. На юго-восточной окраине города Жуковки в лесу зарыты боеприпасы. Третью группу партизан пустим в лес около Воргинского стекольного завода. Есть сведения, что там тоже зарыто кое-что из огнива...

Поздно вечером горстка ребят во главе с Павликом подалась в деревню Сергеевку. Ночную темень то и дело

прорезали мощные лучи немецких прожекторов. Раздавался грохот разрывов бомб. В двух километрах от Сергеевки находился немецкий аэродром. Его и бомбили наши бомбардировщики. Время от времени слышны были гулкие залпы зениток.

Вернулись разведчики и рассказали, что в самой Сергеевке немцев нет, но по дороге между деревней и аэродромом беспрерывно патрулируют мотоциклисты.

Партизаны оставили у окопиц деревни два взвода автоматчиков, на случай нападения немцев со стороны аэродрома, и пошли в деревню.

Деревня спала. Даже не слышно было привычного лая собак. Война давала о себе знать всюду. Глухо закрыты ставни домов, плотно прикрыты калитки. Ни огонька. Беспросветная темень. Наконец партизаны добрались до нужного им дома.

Коротко постучались в дверь. За дверью послышались торопливые шаги и заспанный голос:

— Кто там?

— Свои, русские, не бойтесь,— ответил Павлик.

— Проходите, только побыстрее,— открыла дверь женщина.

— Свет зажигать нельзя, немцы ходят. Говорите, что вам нужно,— сказала женщина и подвинула партизанам лавку.

— Некогда рассиживаться, мамаша. У вас есть сын Толя?

— Есть,— испуганно ответила хозяйка.

— Мы к нему. Где он?

— Здесь я,— послышалось сверху.

Привыкшие к темноте глаза партизан различили силуэт мальчика, лежащего на печи.

— Откуда вы меня знаете? — удивился он.

— Спи давай,— прикрикнула на него мать. И продолжала беспокойно смотреть на непрошенныхочных гостей.

Но Толик уже спрыгнул с печи.

— Кто вы? Что вам от меня надо?

— Толик, ты меня знаешь? — спросил его недавно присоединившейся к партизанам юноша Вася.

— Ты... Васька! — по голосу узнал его Толик. И, приблизившись к партизанам, прошептал: — Я знаю, зачем вы меня ищете. Вам нужно спрятанное оружие?

— Молодец, угадал,— Павлик похлопал его по плечу.— Веди, малец, показывай, где спрятал.

— Если возьмете меня с собой, покажу,— поставил условие Толик.

— Хорошо, возьмем,— согласился Павлик.— Только скорей веди...

Через полчаса из Толиного сада в ночную темень ушли две тяжело груженные подводы.

Партизаны благополучно миновали деревню и на рассвете прибыли на базу.

Их с нетерпением поджидали Карпенко и Сидоров.

Доверху нагруженные подводы подошли к землянке штаба.

Тарас Борисович осмотрел подводы и руками развел от удивления.

В Толькином «тайнике» оказалось два станковых и четыре ручных пулемета, тридцать автоматов, сорок ящиков патронов, около сотни мин. Радости партизан не было конца.

Откуда у тринацатилетнего мальчишки нашлось столько силы, чтобы все это перетаскать к себе в сад? Наверное, ему помогали наши отступающие бойцы, не желавшие, чтобы это оружие досталось немцам.

Вечером следующего дня часовые привели к Карпенко неизвестного мальчика, искавшего партизанский штаб.

На вопросы дозорного он не стал отвечать, потребовал, чтобы его доставили к самому главному командиру.

Такой пастырный,— возмущался приведший его партизан,— от горшка два вершка, а туда же, подавай ему начальство, с нами не желает и разговаривать. Дал ему подзатыльник, а ему хоть бы что, на своем стоит. Привел к вам, товарищ командир.

Мальчишка оглядел присутствующих. Кто же командир отряда? Наверное, вот этот бородатый.

— Ну, что же, будем знакомы,— улыбаясь, проговорил Карпенко.— Я буду командир отряда. А ты кто такой?

— Я Толя. Из Сергеевки. Вчера ночью у нас партизаны были, я им оружие дал. А когда они ушли, какой-то гад донес немцам. Как только они стали подходить к дому, я испугался и убежал. Куда мне деваться? Ваши

обещали меня с собой взять, а сами обманули. Теперь вот я сам пришел.

Этим вечером партизанский отряд увеличился еще на одного человека.

СМЕРТЬ ПРЕДАТЕЛЯ

...С каждым днем становилось теплее, и снег совсем растаял. Дни стали длиннее. Все вокруг радовалось солнцу.

С наступлением темноты люди ушли по деревням. Группа партизан во главе с Андреем Петровичем направилась в деревню Трасно-Исаево.

В условленном месте, на восточной окраине дремучего леса, партизан должна была ждать связная, местная учительница Тамара.

Томительно тянулись минуты ожидания, но Тамара не появлялась. Прошел час, за ним другой. Партизаны начали беспокоиться.

Может быть, ее схватили? Что делать? Ждать? Уже глаза устали смотреть в ночную темень. Деревья и кустарники слились в одну темную глыбу. Наконец послышался шорох. В кустах скользнул силуэт человека.

— Стой! Пароль! — вскинул автомат Андрей Петрович.

— Винтовка! — ответил осторожный женский голос.

— Кто ты? — все еще не опуская оружия, спросил Сидоров.

— Андрей Петрович, это я, Тамара. Вас окружают! — волнуясь, сказала Тамара. — Кто-то выследил. Меня арестовали, заперли в сарае. Полицай, который охранял, оказался нашим человеком. Как только немцы, побыв в деревне, двинулись дальше, он отпустил меня, чтобы я предупредила вас. Полицаев таких восемь человек. Они решили прорваться к вам.

— Немцев много?

— Точно не знаю. Но отряд большой, — все еще волнуясь говорила Тамара.

Раздумывать было некогда. Сидоров принял решение вернуться на базу. Он знал, что встреча с большим отрядом немцев ничего хорошего не сулит. Их было слишком мало.

— Возвращаемся на базу, — тихо отдал он приказ.

Двинулись обратно. Партизаны миновали лес, вышли на дорогу, как вдруг перед ними замаячили какие-то тени. Тотчас ночную темень прорезала ракета.

Партизаны залегли. Как только вновь стало темно, они бросились обратно в лес. Но фашисты, видно, уже заметили их.

Судя по частым выстрелам и густоте ракет, их было много. С очередной вспышкой ракеты ночную тишину нарушила дробная автоматная очередь. За ней вторая, третья... Стреляли со всех сторон.

— Вы окружены, сдавайтесь! — послышались вражеские голоса.

Вместо ответа заговорили партизанские автоматы.

Судя по приближающейся стрельбе, кольцо окружения сжималось. Все реже и реже стреляли партизаны: кончались боеприпасы.

— Скорей в лес,— приказал комиссар,— беречь патроны.

Не отвечая на стрельбу, партизаны углубились в лес.

Неожиданно совсем рядом раздалось по-русски:

Идите за нами.

«Кто это? А вдруг ловушка?» — мелькнуло у комиссара. Но раздумывать было некогда.

Идите вперед,— решился Сидоров. «Если ловушка, не уйдете живыми», — подумал он.

Взяв на мушку неизвестных помощников, партизаны побежали за ними. Через несколько минут спустились в овраг. Выстрелы и ракеты остались в стороне.

Неизвестные помощники оказались «полицаями» деревни Трасино-Исаево. Среди них был и освободитель Тамары.

Партизаны начали осторожно выбираться из оврага. Небо опять осветилось вспышками вражеских ракет, вновь раздалась стрельба. Стреляли из тыла немцев. Сомнений быть не могло, стреляли наши. Комиссар двинул свою группу к месту боя. Подошли к немцам, открыли стрельбу.

Немцы попали в окружение, начали отступать и вдруг побежали в панике.

Обойдем деревню Трасино-Исаево с востока и проледим, куда ушли немцы,— предложил Андрей Петрович. Может быть, они не будут здесь задерживаться

и прямиком махнут в Ершичи. Там у них сильный гарнизон. Надо выяснить. Пошли.

Стараясь не шуметь, партизаны двинулись в обход. Опять перед ними показались темные тени. Руки партизан сильнее сжали стволы автоматов. Но в это время послышались приглушенные русские голоса.

— И куда они подевались?

— Пароль! — громко крикнул Сидоров.

— «Винтовка», — настороженно ответили ему.

Оказывается, это были наши разведчики.

— «Винтовка» винтовкой, но шуметь, конечно, не следует, ребята, — недовольно сказал Андрей Петрович.

В темноте не заметили, как подошли к деревне. Ни одного огонька. Только в одной крайней избе тускло светилось окно. Разбившись по группам, партизаны пошли вперед. Вошли в деревню, прислушались. Тишина.

— Павел, Алим! — позвал к себе двух разведчиков Сидоров. — Видите вон дом. Подберитесь осторожно и выясните у хозяев, есть ли фрицы в деревне.

Алим и Павел юркнули в темноту. Спустя несколько минут, они вернулись с одним бородатым человеком.

— Немцы есть в деревне? — спросил его Андрей Петрович.

— Здесь нет, — ответил бородатый.

Партизаны вошли в деревню. Подошли к одному дому.

Хозяин дома, дряхлый старик, впустил нежданных гостей, но, увидев «полицаев», растерялся и залепетал испуганно:

— Пр-ро-хо-дите, вп-перед, гос-пода.

Андрей Петрович объяснил ему, что они партизаны, а сам он секретарь райкома партии.

Старик, не зная, верить ему или нет, вопросительно глядел то на одного, то на другого.

— Напугали вы меня, милые. А откуда среди вас полицаи? — все еще допытывался он.

— Это наши ребята, дед. А у фрицев они были временно.

— А... теперь я узнал тебя, сынок, — обрадованно сказал он. — Присаживайтесь, небось проголодались, — и, нашупав на столе нож, стал нарезать хлеб.

— Эй, старуха, принеси ребятам соленых огурцов, — крикнул он хозяйке дома.

Андрей Петрович приблизился к старику.

— Спасибо, дедушка... нас слишком много, всех не накормишь, к тому же нам нельзя засиживаться. Лучше скажите, вы знаете учительницу Тамару?

— А кто же ее не знает! Она же наша училка. Вот только вчера ее фрицы схватили,— ответил старик, не замечая стоящую впереди партизан Тамару.

— Вы не знаете, кто мог выдать Тамару? — спросил Андрей Петрович.

— Соседка наша вчера вечером зашла по какому-то делу к старосте Дурнову. Он как всегда пьяный, набросился на нее со словами «ты тоже партизанка, старая карга, погоди, доберусь и до тебя. Арестуют тебя, как училку эту». Соседка направилась к Тамаре, чтобы предупредить, но ее, оказывается, уже схватили немцы. Начерное, Дурнов и выдал ее.

— Так, — Андрей Петрович прошелся по избе.

— Приведите его сюда, — приказал он партизанам.

Товарищ комиссар, — обратился к нему Павлик, — Тамара совсем обессилена, видно, немцы пытали ее.

Андрей Петрович приблизился к Тамаре и погладил ее по голове. Волосы ее занеклись от крови. От жалости к девушки сердце комиссара сжалось в комок.

Группа партизан во главе с Павликом подошла к белому дому, стоявшему на окраине деревни.

Вот этот белый дом, дом старосты. Войдите со стороны сада. А я дальше не пойду; если кто увидит, завтралонесут немцам.

Спасибо, дедушка. Теперь мы сами что-нибудь придумаем. Можете идти.

Партизаны разбились на три группы, двинулись к дому старосты. Окружили его, а Павел, Алим и Виктор прорвались в сад и замерли. Затем, осторожно ступая, подошли к двери и прислушались.

Вскоре открылась дверь. Кто-то, еле держась на ногах, вышел во двор и, прислонившись к двери, начал рыгать. Его рвало. Он настолько был занят самим собой, что не заметил, как партизаны осторожно приблизились к нему. Сильный удар прикладом лишил его чувств.

Партизаны заткнули ему рот, отнесли в сторону. Это был Дурнов.

Неожиданно из дома раздались выстрелы. Схватив Дурнова, партизаны бросились бежать...

После ухода Павлика Андрей Петрович собрал жителей деревни и рассказал им о необходимости усиления борьбы с фашистскими захватчиками и призывал умножить ряды партизан.

Подозвав к себе двух шустрых мальчишек, он дал им листовки для раздачи жителям деревни.

Партизаны вернулись на базу только на следующий день.

— Что будем делать с этим псом?

Услышав этот суровый голос, Тарас Борисович вышел на крыльцо.

— Предателей надо вешать,— брезгливо посмотрев на Дурнова, бросил командир отряда.

Дурнов, точно затравленный зверь, озирался по сторонам.

Лица партизан были суровы.

В это время, расталкивая толпу, к Дурнову подошла Тамара. Голова ее была перебинтована, все лицо исполосовано ударами плетки.

— Сколько людей натерпелось от него,— гневно заговорила она.— У многих советских людей он высосал кровь, иуда! Сколько сирот пустил по миру! Доносил фашистам на жителей деревень Артемовки, Исаево и вешал за связь с партизанами. Даже трупы повешенных не разрешал снимать, мерзавец! — Тамара с отвращением плюнуло Дурнову в лицо.

— Он же выдал в Артемовке и Ивана Михайловича Емельянова! — добавил худощавый крестьянин в дырявой шинели.

Дурнов понял, что это конец. Глаза его заметались, на лбу заблестел пот. Почувствовав приближение смерти, он дико закричал, брызгая слюной, прося пощады.

Но партизанский приговор был неумолим. Через несколько минут все было кончено. На дереве висело безжизненное тело предателя.

ИЗ ДНЕВНИКА ПАРТИЗАНА

В марте 1941 года Иван Сергеевич Савельев был принят в ряды Красной Армии для прохождения воинской подготовки. До этого он работал в Совете Народных Комиссаров Казахской ССР.

Часть, в которую был направлен И. С. Савельев, располагалась в пограничном районе Минской области. За несколько дней до начала Великой Отечественной войны он был назначен политруком роты, строившей пограничные оборонительные сооружения.

С первого же дня службы в армии И. С. Савельев вел дневник.

Вот выдержки из этого дневника.

21 июня 1941 года

Сегодня мы поработали здорово. Намерены завтра好好睡一觉。Легли спать пораньше. Со времени начала строительства — это первый отдых.

22 июня

Часа в четыре проснулся от грохота взрывов. Сосед мой, капитан, тоже поднял голову. Решили, что саперы на строительстве орудуют. Однако взрывы участились. Рассудили: видимо, проводятся маневры соседних частей.

Часов в шесть утра дежурный по роте объявил о получении приказа: «Командирам и политрукам срочно явиться в штаб батальона».

Быстро собрались и пошли. Начальник участка сообщил о начале войны. Командиру батальона было пору-

Иван Сергеевич Савельев

ченко как можно быстрее получить оружие и боеприпасы из пулеметного батальона. Но люди вскоре вернулись ни с чем: там уже ничего не осталось. После этого наша первая рота, погрузившись в автомашины, направилась к месту расположения 172-го полка в Красный лес, что в пятнадцати километрах от города Снядово. К счастью, здесь мы получили оружие и боеприпасы. Думая вернуться обратно в лагерь, мы ничего, кроме вещевых мешков, не взяли. Все осталось в палатах.

Из Красного леса направились в сторону Снядово. В четырех километрах восточнее города заняли оборонительную позицию.

23 июня

Утром получили приказ отступать в направлении Снядово. Не останавливаясь в городе, проследовали к Белостоку.

В этот день прошли пешком около девяноста километров.

24 июня

Утром на правом берегу реки Царев заняли оборонительные позиции. До Белостока двенадцать километров.

Быстро укрылись в вырытых окопах. Ждем появления противника, думаем наступать. Но среди ночи получили приказ об отступлении.

Не прошли и десяти километров, как над нами повисли вражеские самолеты. Посыпались бомбы, будто трях-

шум грушевое дерево, засвистели пули. Кто остался в живых — попрятались за деревья.

28 июня

Увидели место первых сражений. Деревня сгорела полностью. Кругом валяются трупы фашистских солдат, разбитые автомашины, мотоциклы. Наших солдат не видно. Возможно, их подобрали местные жители и похоронили.

К вечеру, когда приблизились к городу Мару, нас настигли машины, в которых ехали немцы. Пропустив одну машину, я приселлся в кабину второй и выстрелил. Та рванулась и остановилась. Завязалась ожесточенная стрельба...

В этом бою меня тяжело ранило. Пришел в сознание, увидел лицо красноармейца Шварева, несшего меня на руках. Он осторожно перебегал от дерева к дереву, чтобы пулеметная пуля не задела обоих. Так он углубился далеко в лес, откуда мы долго не могли выбраться. Несколько дней прошли без горячей пищи. Наконец после долгих мучарств паднулись на только что организованный партизанский отряд. Видя серьезность моей раны, заместитель командира отряда товарищ Шпаковский приказал доставить меня в деревню.

Темная непроглядная ночь, густой лес. Сменяясь по очереди, товарищи несут меня на носилках. Слышен грузел ломающихся под ногами веток. За полночь добрались до какого-то села. Послали разведчика. Вскоре мы доставили в дом. Я был среди своих людей. Врач, прочищая и перевязывая рану, подбодрил:

Рана не тяжелая, поправитесь быстро.

Я неслко переживал вести о том, что происходило на фронтах, рассказы жителей о зверствах, чинимых немецко-фашистскими захватчиками. И одна мечта была у меня: пока еще далеко не ушли товарищи, побыстрее присоединиться к ним.

Фашистские захватчики добрались и до этой деревни. Назавтра они объявили приказ: «Земля, воды, леса, все орудия и транспорт должны быть возвращены прежним владельцам — помещикам и кулакам. Колхозное имущество объявляется собственностью немецкого командования».

Колхозное зерно, скот и отобранную у крестьян живность фашисты начали отправлять в Германию. Затем приступили к поголовному уничтожению евреев. Немецкие солдаты грабили их имущество, расстреливали мирных жителей за малейшее подозрение, сжигали дома, насиловали девушек и женщин.

Несмотря на трудности, жители села Песочного смогли уберечь меня от фашистов. Немного поправившись, я начал вести среди них агитацию против захватчиков. Одновременно задумался над организацией партизанского отряда.

2 января 1942 года

Получена скорбная весть. В Минске фашисты уничтожили около шестнадцати тысяч военнопленных красноармейцев. Чудовищное преступление!

16 мая

Вторая половина месяца, а еще прохладно. Сегодня лег спать раньше обычного. Среди ночи проснулся от стука в окно. На мой вопрос «Кто это?» хозяйка шепотом ответила: «Наверное партизаны».

Вошли три вооруженных человека. Один сразу узнал меня. Он оказался из того же отряда, в котором я был осенью 1941 года. Беспредельно рад этой встрече.

На этот раз я ушел с партизанами в лес. В отряде встретил Шмаковского. Мы обнялись, словно родные братья. Он рассказал о том, как в боях героически погибли многие из тех партизан, которых я знал, среди них бывший командир отряда.

17 мая. Старицкий лес.

Сегодня в отряде состоялось партийное собрание по организационным вопросам. У нас двенадцать коммунистов. Они избрали меня секретарем партийной организации.

18 мая. Телядовский лес.

Начальник Гроцинской волостной полиции, изрядно выпивший, вышел на прогулку со своей любовницей. Не далеко от Старицкого леса, где мы располагались, он выстрелил в воздух. Мы устроили засаду, захватили полицейского и тут же его расстреляли. Женщина успела

скрыться. Она могла донести немцам о нашем местонахождении, поэтому мы спешно перебрались в Телядовский лес.

На новом месте объединили все отряды в одну крупную бригаду, которой мы дали имя Клиmenta Ефремовича Ворошилова. Совет командиров утвердил и комиссара бригады. Бригада состояла из трех отрядов. Комиссаром отряда имени Котовского назначили меня.

20 мая

Разведчики, прибывшие из города Копль, сообщили, что фашисты проводят массовую мобилизацию местного населения в возрасте от шестнадцати до сорока лет для отправки на работу в Германию.

Вскоре мы послали в Копль двадцать партизан-коммунистов и комсомольцев для агитации против вражеской мобилизации.

27 мая

Группа партизан во главе с командиром роты Кондратенко вернулась с задания. Партизаны нарушили телефонную связь села Могильного с районным центром, привезли с собой два телефонных аппарата, изуродовали здание почты. Из магазинов они раздали населению все товары, предназначенные для отправки в Германию.

По пути в деревню партизаны захватили вражескую автомашину, в которой был один немецкий солдат и четверо советских человека. Солдат не показал никакого сопротивления. Он признался, что желания воевать против Советов у него нет и что он на стороне Эриста Тельмана. Человеческим он показал письмо жены из Германии. Партизан, хорошо знавший немецкий язык, прочитал его. В письме говорилось о тяжелой жизни немецкого народа, о жестоком терроре фашистского правительства и многое другое. Наши ребята обезоружили немецкого солдата и отпустили его на все четыре стороны...

Иногда группа партизан встретила в одном из сел инвалида гражданской войны. Староста ему откровенно сказал: «Какую власть ты защищал, пусть та власть и окажет тебе помощь». Партизаны оставили ему продукты питания месяца на три. Жаль, что староста не попался им в руки...

27 мая

Из села Савичи вернулась группа партизан. Вместе с ними пришли двадцать человек. Четыре из них — женщины. Теперь стал волновать нас недостаток оружия.

...С «добытчиками» продовольствия пришли еще три человека. Наши ряды растут изо дня в день.

29 мая

Вчера вместе с комиссаром бригады написали текст «Клятвы красных партизан». На совещании комиссаров отрядов и ротных политических руководителей он был обсужден и утвержден. Завтра — день принятия «Клятвы».

31 мая

Вчера мы не смогли принять «Клятву». Этот день явился испытанием нашего мужества, наших воинских способностей — состоялось первое серьезное сражение с врагом.

Вместе с группой партизан я отправился на операцию. По пути к нам присоединились партизаны из отряда имени Чапаева.

Поселок Любковщина. Двух партизан отправил на велосипедах в соседний хутор. Они должны привести изготовленное там оружие и обмундирование. С остальными приступил к розыску двух предателей, выдавших врагу двух наших раненых солдат (их фашисты расстреляли). Одного из предателей вскоре нашли и расстреляли на месте. Второй подонок скрылся.

...Возвращаемся в лагерь. Из-за поворота дороги у края леса выскочили две машины. В одной немцы, в другой — полицаи. Завязалась схватка. Их больше пятидесяти, нас же тринадцать человек. Отстреливаясь, хотим уйти в лес. Фашисты стараются окружить нас. Пришлось разбиваться на две группы. Со мной остались только четыре партизана. Все вооружение — три винтовки, один пистолет да ручной пулемет с двадцатью патронами, к несчастью оказавшийся неисправным. Стремимся экономить патроны, целимся точно. Не подпуская близко карателей, добрались до леса. Противник преследует нас по пятам. Примерно в середине леса стрельба прекратилась с обеих сторон. Мы вышли из леса уже с противо-

ножной стороны. Кажется, гнавшиеся за нами фашисты повернули обратно.

Благополучно добрались до села Мосевич. Зашли в краиний дом, чтобы перекусить. На улице оставили одного из наших. И только мы было начали есть, как часовой крикнул: «Фашисты!» Тотчас послышалась стрельба. Мы подумали, что нас окружили, и стали искать выход. Перемахнули через невысокую изгородь и увидели полицая с автоматом и немецкого офицера. Стреляя с двух сторон, они стали наступать на нас. Мы открыли ответный огонь. Струившийся полицай скрылся за угол дома, а офицера мы застрелили.

Под пулеметным огнем мы пробирались к лесу. Оказывается, фашисты из села успели сообщить о нас, и каратели бросились наперевес нам на двух машинах. Мы постарались опередить их. Сразу же уложили одного полицая с автоматом и одного солдата с пулеметом. Каратели растерялись. Воспользовавшись этим, я послал вперед партизан, а сам прикрывал огнем их отход.

Предстояло пройти метров триста по открытой местности Дашице — лес. И только мы вышли на поляну, как немецкий пулемет застрочил снова. Головы не поднять. Нас стали окружать.

До леса я добрался один. Дожидаться остальных немцев, конечно, мне не дали возможности.

Все в лагерь. Поднял на ноги всех партизан. Быстро прошли лес и снова оказались в селе Мосевич. Немцы и погнали успеть убраться оттуда. Мои товарищи остались живы и невредимы. Жились и те партизаны, с которыми я расстался. Погиб только часовой-партизан Разин. Похоронили его с почестями. У изголовья поставили звезду. На могиле тоже выложили звезду из камней. Возложили цветы с красными лентами. Сделали ограду. Уход за могилой поручили местным жителям.

1 июня. Рудниковский лес.

Ночью двинулись в село Песочное. Наша цель: забрать с собой ребят, которые прошлый раз не смогли уйти с партизанами, уничтожить предателей Сретанского и Крылова, распространить листовки.

Крылова вытащили из дома и расстреляли. Сретанский сбежал.

Четверо юношей, оставшихся в селе, с большой радостью присоединились к нам.

Расклеили несколько листовок. Вот одна из них:
«Смерть захватчикам!

Рабочие, крестьяне и советская интеллигенция! Немецко-фашистские захватчики оккупировали, хотя и временно, нашу священную землю. Она полита кровью народа.

Расстрелами, висилицей, истязаниями фашисты хотят запугать наш свободолюбивый народ и обратить его в рабство. Понимая, что им долго не продержаться на нашей земле, они истребляют сынов и дочерей народа — коммунистов и комсомольцев, советский актив. Под видом отправки в Германию фашисты заключают в лагеря ваших братьев и сестер, морят голодом, убивают их.

Товарищи! Ваша почетная задача — организовать всемерное сопротивление немецким захватчикам и их наемникам — предателям Родины!

Не верьте обману фашистов, не поддавайтесь их провокациям! Сопротивляйтесь отправке на работу в Германию! Берите в руки оружие, создавайте партизанские отряды! Где бы ни были, безжалостно бейте врага, не давайте ему покоя!

Да здравствует наша Родина!

Да здравствуют народные мстители — красные партизаны!

Смерть фашистам!

Командир партизанского отряда имени Котовского — Еременко.

Комиссар отряда Савельев».

3 июня

...Село Песочное мы посетили еще раз, чтобы забрать оттуда продовольствие, оружие, собранное для нас обмундирование. Листовки наши никто не снял. Читали их все. Сретенский исчез. Население с большим одобрением встречает наши действия против предателей.

5 июня

Вчера провели организационное собрание комсомольцев. Создали первичную комсомольскую организацию, избрали секретаря и членов бюро.

Перед партизанами были зачитаны два приказа. Первый — о назначении командиров в отряде, о присвоении званий соответственно должности, второй — о введении в отряде воинской дисциплины, как в Красной Армии.

8 июня. Пусковский лес

...Сегодня принимаем «Клятву». Каждому коммунисту было дано задание разъяснить партизанам текст ее, организовать обсуждение.

17 июня. Венешинокский лес.

Вместе с десятком партизан побывали в селе Слободчинское. Наша цель: успеть до прихода немцев раздать жителям из колхозных амбаров оставшееся зерно и картофель. К нам приходили они советоваться, как к представителям советской власти.

...На обратном пути зашли в сельскую начальную школу. Здесь были директор и три учителя. А учеников всего в трех классах насчитали двенадцать. Собрав учителей и учеников, рассказал им, кто такой Гитлер и фашисты, почему они стали нашими ярыми врагами...

20 июня. Печуранский лес.

Вчера впервые слушали передачу из Москвы! Голос нашей любимой столицы придал нам силу.

На следующий день слушали сообщение о сессии Верховного Совета СССР, о подписании договора о взаимной помощи между СССР, Англией и США. Успели записать краткое содержание доклада. По нему я составил текст листовки. Затем, разделившись на группы, пошли по селам для проведения митингов и распространения листовок.

23 июня. Лавсеский лес.

До нас дошло, что немецкие захватчики за помощь партизанам полностью сожгли селения Цезовку и Сланчинку, сожгли живьем пятнадцать «подозрительных» жителей. Всех мужчин из этих двух сел угнали насильно. Остались только женщины и младенцы. В нас кипит ненависть.

1 июля

Сегодня в лагерь доставлен тяжелораненый, потерянный нами партизан Чекан. Пять дней он полз без пищи и добрался до села Ново-Полье. Лежавшего при смерти в сарае его нашли партизаны из отряда имени Фрунзе.

Он вырвался из когтей смерти и не бросил своей винтовки и гранаты.

21 июля

Нашей давней мечтой было уничтожить немецкий карательный отряд из Копыльского района, который сжигал наши деревни, творил зверства и насилие над мирным населением.

Сегодня часов в двенадцать партизан, находившийся в секрете, сообщил, что в село Раевка прибыли три автомашины немецких карателей, население уходит в лес.

Все четыре отряда бригады были подняты на ноги. Вдоль дорог расставили сильные засады, чтобы сразу же разгромить фашистов по выходе из села.

...Пять часов мы ждали карателей. И только они показали нос, мы бросились в атаку. В рукопашной схватке почти полностью уничтожили фашистов. Сбежал только один шофер. Насчитали пятьдесят девять трупов фашистов. Наших было убито шесть, пятеро тяжело ранены и четыре человека получили легкие ранения. Захватили много оружия, в том числе один миномет.

18 августа

Сегодня создали первую в отряде диверсионную группу из десяти человек.

24 августа

Диверсионная группа действует неплохо. Недалеко от деревни Перевоз нарушили телефонно-телеграфную связь между Минском и Слуцком. Свалили двенадцать телеграфных столбов, сожгли пятьдесят кубометров строительного леса, заготовленного немцами, разрушили четыре моста.

25 августа

Главная наша задача — не дать врагу ни зернышка из нового урожая. Сжечь посевы ничего не стоит. Но и без того голодное население может оказаться на краю гибели. Поэтому в бывшие совхозы и колхозы, превращенные в немецкие имения, мы направили агитаторов. Цель: организовать в районе вместе с сельскими тружениками обмолот зерна скрытно от немцев.

26 августа

Нам очень понравилось то, что сделали рабочие бывшего совхоза имени Дзержинского. Сначала они связали всю инженерную в споны. Количество снопов немцы знали. Всю ночь рабочие молотят зерно, а пустые снопы опять ставят на место. Количество снопов не уменьшается, а зернышка в них ни одного...

Этот прием мы стали распространять и в других местах.

3 сентября

Вышел первый номер «Боевого листка»...

Сегодня расстреляли Семена Середу — немецкого шиона в селе Несочное.

7 сентября

Во второй половине дня люди из отряда выступили в соседние села для проведения культурно-массовой работы.

В каждом селе политруки выступали с докладами о положении на фронте. После них партизаны организовали вместе с местными жителями различные игры, пляски, пели песни. Этот наш почин особенно горячо поддержала молодежь села. Население получило небольшую разрядку...

20 сентября.

Командир бригады поставил перед нашим отрядом и отрядом имени Чапаева задачу: уничтожить немецкий гарнизон в городе Узда. Точно установили, что там насчитывается около двухсот фашистов.

...Бой длился три часа. Оставив более шестидесяти человек убитыми, враг бежал. Если бы не два самолета,

вызванные немцами на помощь, фашисты вряд ли ушли бы от нас.

Но тем не менее мы захватили оружие, один радиоприемник, много обмундирования.

30 сентября

Мы явились свидетелями потрясающего зверства немецких фашистов. Гитлеровцы спешно начали жечь деревню Прусы. Они поймали не успевшую спрятаться девушку, отрезали ей груди, уши и бросили в огонь. Однако она смогла выскочить из огня и бежать. Эта жестокость и зверство фашистских молодчиков вызывает еще большую ненависть, из уст вырываются проклятия. Увидев эту несчастную девушку, каждый поклялся в душе отомстить за нее, за десятки и сотни невинных людей, загубленных фашистами.

4 октября

Разведчики сообщили, что в село Кнотово прибыло много фашистов и что жители села Братково полностью уходят в леса.

Бригада полным составом вышла на бой... Сражение шло до наступления темноты. Противник выставил около тысячи солдат и офицеров. Только почная темнота и автомашины (а их было пятьдесят одна) помогли им бежать.

На поле боя оставалось лежать около ста пятидесяти вражеских трупов. У нас убит один партизан, двое ранены.

21 октября

Сегодня командир роты Гориевский вернулся с боевого задания. С собой он привез 76-миллиметровую пушку, сто снарядов для 45-миллиметровой пушки, станковый пулемет, тридцать винтовок. С ним пришли около двадцати человек. Сейчас в отряде двести семьдесят три человека, имеется на вооружении три пушки, двадцать пулеметов, одиннадцать автоматов.

Наша сила в людях, которые изо дня в день пополняют партизанские отряды. Они сильны не только оружием, а той неукротимой жаждой и ненавистью сокрушать врага, мстить за поруганный дом, за родную землю. Вот по-

чему небольшой в своем начале отряд стал в огне сражений несокрушимой силой...

Ганцевичи — Колки — Чудин.

Ганцевичи — Денисковичи — Чудин.

Слуцк — Старобин — Яцкович — Лузичи.

Лунинец — Синьковичи — Микашевичи — Ленино.

Давыд — Городок — Микашевичи — Ленино.

Это схемы партизанских организаций и боев с противником.

После сражения в Гоцки партизаны вынуждены были, отступая, переходить из одного места в другое. Пройдя двадцать пять километров по сплошной грязи, кое-как вышли из окружения...

* * *

В эти тяжелые для партизан дни прибывают член Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии товарищ Земянин и командир соединения товарищ Капуста. Их приезд для уставших и измотанных партизан явился хорошей поддержкой.

По указанию товарища Земянина партизанские отряды соседних областей начали помогать бригаде. Все отряды, объединив свои силы, провели операцию против расположившихся на отдых в деревнях фашистов. От трех вражеских дивизий осталось только название...

После ожесточенных боев эти районы стали называться «Партизанским краем». Опираясь на них, партизанские отряды еще больше усилили удары по немецко-фашистским захватчикам.

В 1944 году знаменитое партизанское соединение имени К. Е. Ворошилова, имея тесную связь с командованием подступающей с востока славной Красной Армии, находит ряд сокрушительных ударов по тылам врага.

В эти годы Иван Сергеевич Савельев на должности комиссара партизанской бригады.

28 июня 1944 года партизаны слились с войсками германской Советской Армии...

За мужество, проявленное в партизанской войне, за верность партии в самых тяжелых условиях, за заслуги в создании восьми партизанских отрядов в Минской области советское правительство наградило Ивана Сергеевича Савельева орденом Боевого Красного Знамени, ор-

деном Отечественной войны II степени, медалью «Партизану Отечественной войны I степени».

В партизанских боях Иван Сергеевич был ранен трижды. Эти ранения сильно подорвали его здоровье. В связи с этим в августе 1944 года И. С. Савельев, как инвалид Отечественной войны, был зачислен в запас.

В этом же году он прибыл в Алма-Ату. Иван Сергеевич явился в Совет Министров республики на свою прежнюю работу.

28 февраля 1955 года перестало биться сердце верного сына советского народа, преданного солдата Коммунистической партии Ивана Сергеевича Савельева.

БОЕВАЯ ПОДРУГА КОМИССАРА

Студентка Минского мединститута Людмила Михайловна Зенюк (ныне Савельева) отдыхала во время летних каникул в родном селе Старица Копыльского района Минской области, когда фашисты напали на нашу страну. На четвертый день войны гитлеровцы подошли к селу. Людмила оказалась свидетельницей ожесточенных боев. Вместе со своими подругами она помогает советским солдатам устанавливать пулеметы на чердаках домов, оказывает первую помощь раненым бойцам, подносит красноармейцам пищу, воду, патроны.

Деревня держалась несколько дней.

Когда части Красной Армии стали отступать, Людмила со своими сверстницами ушла на восток. Но немецкие фашисты обошли их, преградили им путь и заставили вернуться обратно.

Гитлеровцы полностью сожгли деревню, обвинив жителей ее в помощи Красной Армии. Затем стали истреблять население.

Поначалу люди растерялись. Однако, узнав, что в лесах действуют партизаны, они (особенно молодежь) воспрянули духом. В их числе была и двадцатилетняя Людмила Зенюк.

Вместе со своей подружкой Еленой Малышевич она узнала, что большие силы немцев собираются на прочесывание партизанского отряда в соседнем лесу. Подружки посоветовались и решили сообщить об этом партизанам. «А сможем ли найти их?» — сомневались они. И все-таки решились на этот шаг.

Долго пришлось блуждать девушкам в поисках партизан. Наконец повстречали дозорных отряда. Партизаны отвели их к командиру. Девушки рассказали о готовящейся операции гитлеровцев. Действительно, не прошло и двух дней, как каратели большими силами выступили против партизан. Но фашисты были разгромлены на голову.

После этого Людмила и Елена завоевали у партизан большое доверие, неоднократно получали самостоятельные задания. Девушки обеспечивали отряд медикаментами, помогали добывать партизанам оружие, узнавали численность вражеских гарнизонов в деревнях, доставляли сведения о предателях, их фамилии и адреса. И партизаны незамедлительно принимали меры. Подруги ухаживали за ранеными партизанами, распространяли листовки, собирали различные сведения о передвижении вражеских подразделений. Позже девушки были назначены постоянными разведчицами отряда.

Одевшись поближе, вымазав лица, с мешками за плечами, мы обходили деревни. Так узнавали о замыслах гитлеровцев и полиции. Мы немедленно сообщали отряду о том, куда собираются полицаи и с какой целью. Часто проводили беседы с жителями деревень, поднимая их дух. В нашу обязанность входило установление связи подпольных работников с партизанским отрядом. Вскоре над нами нависла опасность. За пами установили слежку прятатели, поэтому партизаны отзовали нас к себе, — рассказывает Людмила Михайловна. — Так мы попали в партизанский отряд.

Часть женщин в отряде ухаживала за ранеными партизанами, готовила пищу, стирала, чинила одежду. Большинство же их, особенно девушки, участвовали вместе с мужчинами в разведке, в боях, в диверсиях.

— Я познакомилась с Иваном Сергеевичем в отряде, — говорит Людмила Михайловна. — Здесь же мы стали супругами. При разгроме вражеского гарнизона в Узде я была с мужем. Мы нагрянули ночью на сонный гарнизон. Иван Сергеевич первым вступил в бой и последним ушел из города.

Десятого августа 1943 года немцам была объявлена «рельсовая война». В ту ночь по всей Белоруссии по плану Центрального штаба в одно и то же время взлетели в воздух рельсы на сотнях железных дорог. По всей Бело-

руссии поезда стали на несколько дней. В этих операциях участвовала и Людмила Михайловна.

При отступлении немцев партизаны во главе с И. С. Савельевым стали оборонять мосты, чтобы не дать взорвать их фашистам, громили караваны их судов.

— Мы превратились в настоящих охотников,— продолжает свой рассказ Людмила Михайловна.— На путях отступления противника ставили мы «капканы»— укладывали мины, а сами из-за деревьев ждали его. Случалось, что в наши «капканы» попадались и генералы...

За героизм, проявленный в боях с немецко-фашистскими захватчиками, партизаны называли Людмилу Михайловну боевой подругой комиссара.

После Великой Отечественной войны Людмила Михайловна Савельева оканчивает Алма-Атинский медицинский институт. С 1956 года она работает главным врачом городской больницы.

УДАЧНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Партизанский отряд имени Железняка начал свои боевые действия в Жлобинском районе Гомельской области с осени 1942 года. Город Жлобин — речной порт на Днепре, железнодорожный узел, от которого расходятся ветви на север — к Могилеву, на запад — к Минску, на восток — к Гомелю, на юг — к Полоцкому. Нескончаемым потоком идут через Жлобин воинские эшелоны немецко-фашистских захватчиков с войсками, пушками, танками, боеприпасами, которые нужны гитлеровцам для самых трудных участков северо-германского фронта и под Сталинград.

Перед партизанами-железняковцами стояла задача не давать покоя важному железнодорожному узлу.

Вчера железнодорожникам был зачитан приказ главного штаба Белорусского партизанского соединения. В нем говорилось, что «каждый партизанский отряд должен обеспечить себя зимней одеждой, продуктами питания, оружием». Это были годы тяжелых испытаний, выпавших на долю нашей родины.

Лейтенант Василий Ильич Шаруда утром перед строем партизан назвал фамилии примерно пятнадцати человек. Среди них был и Жусуп Наметов — небольшого роста, широкий в плечах, плотно сбитый парень. Его жесткие, торчащие ежиком волосы словно говорили об упрямом и энергичном характере. Жусуп смотрит на своих товарищей. Вот Василий, кряжистый парень. Рядом с ним — Сергей Коваленко. Когда он делает какое-нибудь движение, трещит по швам его одежда. И все остальные партизаны как на подбор, сильные, здоровые ребята.

Жусуп Наметов

И кажется, что при ходьбе земля дрожит у них под ногами. Но для чего отобрана эта группа партизан, Жусуп еще не понял. Попытался узнать у Коваленко, тот только пожал плечами.

Шаруда собрал вокруг себя партизан и сказал:

— Товарищи! Командир отряда дал нам особое задание. Для его выполнения прежде всего нужна наша спаянность. Не забудьте захватить кроме всего прочего еще и ножи. Через час выступаем,— и отпустил ребят.

В условленный час партизаны вышли в путь. Жусуп еще раз оглядел своих друзей. Все аккуратно

одеты, подтянуты. В хвосте отряда телега, запряженная парой лошадей. Идущего рядом с Шарудой небольшого роста человека Жусуп видит впервые, в лагере его не было. Может быть, весь секрет похода именно в нем? — размышлял Жусуп. Пока командир сам не расскажет, никому вопросов не задавать, никого не беспокоить — таков закон партизанской жизни.

Перед заходом солнца партизаны остановились в небольшом лесу. По подсчету Жусупа, они отмакали километров двадцать пять. Только тут Шаруда обратился к партизанам.

— Товарищи! — начал он. — В связи с последним приказом штаба Белорусского партизанского соединения мы должны захватить у немецкого подразделения, расположенного в селе Страшен, оружие и боеприпасы. Об этом подразделении вам расскажет член подпольной организации села. И Шаруда предоставил незнакомому человеку слово.

— В селе находится около семидесяти немецких солдат и офицеров. Вот примерный план дома, в котором

расположились фашисты,— рассказывал подпольщик, чертя на земле схему.— В нем три комнаты, в меньшей живут офицеры, в двух остальных — солдаты. В средней комнате с тремя окнами набито до сорока человек. Запас боеприпасов фашисты хранят под полом передней комнаты.

— Как охраняется дом? — спросил Коваленко.

— Ночью охраняют четверо: двое у входа и двое на улице.

— Таким образом, наша сегодняшняя цель — этот дом,— начал объяснять план операции Шаруда.— У каждого окна встанут по два партизана. Один из пары должен влезть через окно в комнату и в упор расстреливать сидящих гитлеровцев. Второй остается у окна и бесшумно расправляется с высакивающими. У каждой двери должны стоять один партизан с фонарем. В это время, воспользовавшись суматохой, двое должны унести оружие из пирамиды, а двое забраться в подполье и вынести оттуда боеприпасы и погрузить на телегу. Но в первую очередь нужно бесшумно снять часовых. Отходить по сигналу...

Жусуну досталось правое окно комнаты, где сорок фашистов.

Ну, земляк, верю в тебя, как в себя,— сказал Шаруда Жусуну.

...Жусун всматривается в темноте в «свое» окно.

По сигналу партизан, которые ушли снимать часовых, он должен, словно кошка, броситься в окно. Сможет ли он выбраться обратно? Фу, откуда такая неприятная мысль! Нет, нет, и здесь выручит опыт полуторагодичной партизанской жизни. Главное — не терять связи со своим напарником...

Со стороны дома подошел один из участников операции и доложил: часовые сняты. Партизаны разбились по двое и, мягко ступая, подошли к дому.

Вот окно Жусуна, оттуда слышится храп гитлеровцев. У соседнего окна стоит Сергей Коваленко, дальше Василий. Рядом с ними еще по одному человеку. У Жусуна в одной руке пистолет, в другой — нож.

Резкий свисток. Жусун рванул окно и вмиг очутился в комнате. Кто-то в белой рубашке схватил его сильной рукой за горло. Не растерявшись Жусун приставил к его животу пистолет и выстрелил. Фашист упал замертво.

Навстречу поднялся второй. Партизан приблизился и, когда тот приблизился, всадил ему в живот нож и через себя выбросил тело в окно.

В дверях вспыхнул фонарь и погас. Вслед за этим послышалось:

— Еська! — Так звали партизаны Жусупа.

— Да, — коротко ответил тот.

Этот же голос точно так же перекликнулся с Коваленко и Василием.

Решив орудовать только ножом, Жусуп сунул пистолет за голенище, но в это время на него набросились человека четыре. Не разгибаясь, он нырнул под ближнюю кровать и, выйдя с другой стороны, стал бить их ножом в спину...

Некоторые гитлеровцы что-то кричат по-своему. Слышны предсмертные стоны. Среди всего этого шума Жусуп уловил усталое дыхание Василия и Сергея. Крики фашистов слышны то у двери, где они натыкаются на ножи партизан, то за окном.

Вот Жусуп снова оказался у окна. Отходить далеко от него нельзя, об этом строго наказывал Шаруда. Не успел он повернуться влево, как один из гитлеровцев навалился на него, но так и повис. Жусуп подставил нож. Только хотел партизан сбросить этого, как спереди один из немцев занес руку. Жусуп заметил блеск ножа и подставил тело еще висящего на нем убитого фашиста... В этот миг Жусуп уловил короткий приказ «всем выходить!» Толкнув труп фашиста на нападающего, он выскочил в окно. Не успел оглянуться, как кто-то из партизан сунул ему гранату. Швырнув ее в комнату, Жусуп бросился с товарищем к условленному месту сбора. В доме раздались один за другим взрывы гранат.

Приказ штаба партизанской бригады был выполнен без единой потери.

Через два-три дня группа Шаруды, в которую входил и Жусуп Наметов, получила приказ разрушить железнодорожную дорогу между станциями Жлобин и Морман. Эта операция была проведена успешно: выведена из строя трехкилометровая железнодорожная ветка.

ОПЕРАЦИЯ НА ДОРОГЕ

Дремучий непроходимый лес словно страшное обиталище сказочной бабы Яги. Каждый пенек, каждый сук в сумраке кажутся чем-то удивительным. Годами здесь не ступала нога человека, поэтому трудно идти по мягкому голстому слою гниющих веток и листьев. Белорусские леса таят в себе много опасностей: попадешь в какую-нибудь трясину и останешься в ней навсегда.

Зарядивший с утра дождь не прекращается. Тяжелая свинцовая туча заволокла небо. Оттого сумрачно кругом. Партизаны группы, возглавляемой Токтагали Жангельдиным, промокли до нитки.

В партизанский отряд, расположившийся в окрестностях деревни Лысой горы, из соседних деревень поступают просьбы о помощи. Немецко-фашистские захватчики и белорусские националисты не дают покоя местному населению. Особенно тяжело приходится жителям деревень, расположенных близ центральной шоссейной дороги Борисов - Минск, Тадулино — Лагойск.

Житья от них нет, — жаловались они.— Приезжают днем на манинах, насилуют наших девушек, грабят имущество, увозят скот, а тех, кто оказывает сопротивление, убивают.

Сегодня утром командир партизанского соединения вышел к себе заместителя комиссара бригады по комсомолу Токтагали Жангельдина.

Нужно напомнить этим стервятникам, что есть у народа защитники, — сказал он.

Выделенной группе партизан — одиннадцать человек было дано дополнительное задание разбросать на одном из участков центральной шоссейной дороги ежи «Вашка-веташка», разрушить коммуникации врага.

Партизаны вышли на окраину леса, увидели деревню Тадулино.

— Зайти бы в дом, подсушиться,— нарушил тишину один из партизан.

Никто ему не возразил. Видимо, каждый подумал об этом.

...— Ведь есть же там надежные люди...

Все обратили взоры на Токтагали. Его слово — закон. Если он скажет, что будем ночевать здесь, люди будут согласны.

— О нашем связном в деревне не должно быть речи,— сказал после некоторой паузы Токтагали.— Но ночевать под небом не будем.

— Кто из вас знает старосту деревни?— спросил Токтагали.

— Я знаю,— ответил кто-то из темноты.

— Местовский?

— Да, товарищ командир?

— Дом его найдешь?

— Найду.

— В таком случае войдем в деревню с южной стороны. Будем ночевать у старосты. О задании никто ни звука.

Партизаны двинулись вперед вслед за командиром. Они будто прочли мысли Токтагали. Во-первых, немцы никогда не ночевали в деревнях близ лесов. Поэтому командр уверенно вел партизан в деревню. А полицаи носа не показывают, если нет немцев в деревне. Во-вторых, ночевка у старосты обезопасит нашего связного от преследования. К тому же у старосты можно сътно поесть.

...Дверь открыл сам староста. Это был среднего роста человек. В движениях его чувствуется уверенность. «Довolen своей службой»,— подумал Токтагали. Как бы ни старался он держаться спокойно при виде вооруженных людей, бледность лица и дрожащий голос выдавали его.

— Мы партизаны,— сказал Токтагали без всякого приветствия и сделал паузу, словно ожидая, какое впечатление произведут его слова на хозяина.— Сегодня мы будем ночевать у вас.

— Проходите, проходите,— натянуто улыбаясь, проговорил тот.

Партизаны прошли в гостиную и стали располагаться. Кто-то пошел рубить дрова. Нужно было высушить мокрую одежду.

— Ну, хозяин, накрывай на стол,— сказал один из партизан.

Жена старосты засуетилась, готовя обед. А староста, одевшись, собрался идти куда-то.

— Куда это вы?— спросил его Токтагали. Тот остановился у двери.

— Хотел принести горилки, ведь ребята-то, паверное, продрогли.

— Ничего, не беспокойтесь,— сказал Токтагали.

Партизаны провели эту ночь у старосты, по очереди лежуря у двери, а ранним утром двинулись в путь. Они вернулись в лес, откуда пришли вчера, и взяли курс на юг. Обойдя село Лагойск с западной стороны, партизаны вышли на дорогу.

Асфальтированная лента, мокрая и блестящая от прошедшего дождя, видна издалека. Партизаны расположились поближе к дороге. С какой стороны появятся машины, со стороны Борисова или Минска? До полудня партизаны пролежали недвижимо, стараясь не показываться противнику. Вскоре послышался гул моторов. Из-за поворота, со стороны Борисовки, показались две машины. Видимо, фашисты были пьяны. Они пели, кричали.

Когда машины приблизились, партизаны, метнув под колеса гранаты, открыли огонь из всех видов оружия по затихшим фашистам. Одни из них попадали, сраженные пулями, другие повыскакивали из машин и, стреляя беспорядочно, бежали куда глаза глядят. Перестрелка длилась недолго. На помощь фашистам подошла еще одна машина с вооруженными солдатами. Выстроившись в цепь с автоматами наготове, они двинулись на партизан. Цельнейшее сражение было бессмысленным, и Токтагали увел партизан сквозь густые заросли. Часа через полтора они укрылись в стоящем маленьком островком лесочке. Но вот Токтагали увидел, как немцы длинной цепью направлялись в лес. Он предвидел это. Разве фашисты могли подумать, что партизаны спрячутся среди лесятка деревьев, ведь их стихия — густые леса.

II Токтагали не ошибся. Немцы начали прочесывать лес. Им на помощь подоспела еще одна машина с по лицаями.

Командир группы пересчитал партизан. Не оказалось двоих: Местовского, который указал дом старосты, и Папковича.

— Мы окружены, — сказал Токтагали ребятам. — Если гитлеровцы оставят в покое этот островок, наше счастье. Если же будут прочесывать и здесь, живыми не сдаваться. Приготовиться к обороне!

Ночь — союзник партизана. Вот и сейчас, готовясь к обороне, партизаны с нетерпением ждут наступления темноты. Беспокоит и отсутствие Местовского и Папковича.

Вечер. С дороги сверили два человека. Все взоры обратились к ним. Когда те подошли, партизаны узнали в них Местовского и Папковича.

— Где вы были? — спросил Токтагали.

— Мы ведь местные, товарищ командир, и хорошо знаем места. Мы шли по оврагу. Сигнализировать вам не имели возможности. Видели, что вы вошли в лес. Ждали темноты, чтобы не попасть немцам на глаза, — доложил Местовский.

Ночью партизаны на расстоянии двух-трех километров дороги разбрасывали «Ванек-встанек». На этом же участке пути разрушили связь, свалив телеграфные столбы. Ушли они в направлении деревни Лысой горы.

ПОЛЕЩИНСКАЯ БИТВА

— А-а, Галим, проходи, проходи, — заговорили все разом, когда в комнату вошел высокий мужчина, со жгуточно-черными кудрями.

На столе лежали топографическая карта, компас, линейка и карандаш.

— Товарищи, прошу поближе к карте, — сказал командир партизанского отряда Захаров. Внимание его привлекал один населенный пункт, изображенный на карте черным прямоугольником. В четыре стороны от него уходят шоссейные дороги. Самая ближняя к этому пункту железнодорожная станция Двинск. А черный прямоугольник — Полещина, расположена на границе с Латвийской ССР. Город не зря привлек внимание освейских партизан. В Полещине часто формируются полицейские отряды и отправляются в деревни. Здесь находятся и базы, обеспечивающие немецко-фашистских захватчиков продуктами питания, боеприпасами. Отсюда полицейско-административное управление Полещины угоняет в Германию советских людей.

Май 1942 года. Трудное было время. Освейские партизаны еще не успели окрепнуть, закалиться в боях. Связь с Большой землей нарушена. Жители деревень, расположенных в этих заболоченных местах, терпят беды от немецко-фашистских захватчиков. Голод и отсутствие санитарно-гигиенических условий вызвали в деревнях вспышки различных заболеваний. Молодой партизанский отряд, насчитывающий около ста семидесяти

человек, должен спасти население от гибели. Исходя из этого, командир партизанского отряда Захаров поставил перед командирами групп следующую задачу: разгромить гарнизон Полещины, ликвидировать волостное управление, сжечь контору со всеми имеющимися документами, захватить и вывезти продовольствие и медикаменты.

Галим с нетерпением ждет задания Захарова, неотрывно следит за картой. Конечно же, командир поручит ему разгром гарнизона. Разумеется, нападение на контору управления тоже потребует максимума сил. Но как бы то ни было, какое бы задание ни дали, он будет в центре жаркого боя.

— Товарищи командиры,— поднял голову от карты Захаров.— По последним данным разведки численность гарнизона Полещины составляет около трехсот человек. Судя по огневым точкам, расположенным вокруг, похоже, что они постоянно ожидают нападения партизан.— Затем Захаров указал на карте, где и какие вражеские огневые точки расположены, начал давать задание каждому командиру в отдельности. Галим ждал. «Чего доброго, оставит меня в охране лагеря», — с тревогой думал он. Но этого не случилось.

Галим Ахмедиярович,— сказал Захаров,— вы оседлаете со своим взводом шоссейную дорогу, идущую со стороны города Двинска. Задача: любой ценой не допустить в Полещину вражеские силы, вызванные на помощь гарнизону.

В душе Галим был недоволен. Ведь мог же командир послать на это задание другой взвод, а ему дать объект в городе. Однако решительное и суровое «любой ценой не допустить» не дало Галиму возразить. Он понял важность этого участка.

Командиры групп выходили из землянки возбужденные. Ведь со дня сформирования отряда это была первая крупная операция.

На улице к Галиму подошел улыбающийся Петренко. Положив руку ему на плечо, он спросил:

— Галим, помнишь наш первый бой?

— Еще бы!

Слово за словом они вспомнили первую операцию, проведенную три месяца назад.

...Партизанский отряд тогда состоял из тринадцати

Галим Ахмедияров

человек. Все они были руководителями: Захаров — командир отряда, Петренко комиссар, Ахмедияров — исполняющий обязанности начальника штаба отряда, далее командир взвода, начальник по продовольствию, по санитарной части... Основной работой маленькой группы партизан было рытье землянок. Но это никак не удовлетворяло Галима, мечтавшего о большем. Однажды он явился к Захарову.

— Товарищ командир, — заявил он, — не лучше ли с этой группой выходить на задания? Людей, видать, больше не прибавится, да и отряд не нюхал еще пороху.

Его тогда поддержал Петренко.

— Какие у вас конкретные предложения? — спросил Захаров.

— Ну, например, в деревне Кахановичи можно вспугнуть полицаев, сжечь волостную контору, уничтожить пункт заготовки молока.

— Сколько людей потребуется?

— Скажем, пять, шесть человек...

— В отряде всего-навсего ручной пулемет с одним диском да винтовка. А остальные что, камнями будут забрасывать врага?

— Тогда вдвоем можно идти, — ответил Галим.

— Третьим могу пойти я, у меня пистолет, — вставил Петренко.

В этот же день Галим, Петренко и еще один партизан вышли на задание.

— Тебе больше подходит пулемет, — сказал Галиму Петренко при распределении оружия.

К вечеру, отмахав километров тридцать, они были у

деревни Кахановичи. Это самая большая в округе деревня, насчитывавшая около двухсот дворов. Расположена она в лесу. Третий партизан был жителем этой деревни, поэтому он как пять пальцев знал объекты нападения.

— Будем пробираться по темным закоулкам,— сказал Галим.

Время уже перевалило за полночь, когда трое партизан на расстоянии тридцати метров друг от друга подошли к полицейскому зданию — большому белому дому. Здесь должно быть человек двадцать вооруженных полицая. У дома маячит часовой. Галим выстрелил. Тот свалился замертво. Петренко справа, партизан слева открыли огонь по окнам. В доме свет то зажжется, то погаснет. Поднялась паника. В это время раздался нарочито громкий голос Галима:

— Первый взвод, приготовиться к бою! Третий взвод, окружить дом справа!

— Второй взвод, приготовить гранаты! — не отставали от него Петренко и третий партизан, отдавая приказы «своим взводам». Завязалась перестрелка. Через некоторое время партизаны уже у здания волостной конторы. Вскоре оно заныпало ярким пламенем. В это время партизаны уже громили молочный пункт. Разбита машина, предназначенная для перевозки молока.

Стрельба в деревне еще не прекратилась, когда партизаны направились в лес. Вид у них был бодрый. Петренко, взваливший на себя ящик масла («пригодится и нам») не почувствовал даже его тяжести. Войдя в лес, партизаны решили передохнуть.

Вскоре двинулись дальше.

По пути Петренко предложил:

— Что если в деревне Семеново добыть списки людей, отправляемых в Германию?

— А как посмотрит на это командир? — спросил Галим.

— По-моему, он ничего не скажет, — поддержал третий партизан.

Деревня Семеново лежала в стороне от дороги. Но несмотря на это, партизаны приступили к осуществлению предложения Петренко. По его словам, в деревне находится только два полицая, да и те боятся показаться ночью. Часам к четырем утра партизаны вошли в деревню.

ню. Постучались в крайний дом и узнали, где живет староста. Он страшно испугался, увидев партизан.

— Ты не бойся,— сказал ему Петренко,— мы не тронем тебя. Придет день, и народ потребует от тебя ответа. А сейчас ты отдай нам списки отправляемых в Германию людей.

Староста и рта не раскрыл, немедленно исполнил просьбу.

Вот об этом первом боевом крещении в Полесчине и рассказал Петренко.

...В поход партизаны двинулись к вечеру. Трудно идти по густому лесу ночью. Кто-то спотыкается и падает, кто-то забирается в топи. Но партизаны не унывают.

Народ, страдающий от немецко-фашистских захватчиков, ждет их помощи. Это обязывает их ко многому.

К обеду следующего дня партизаны добрались до леса под Полесчиной. В город были посланы разведчики для выяснения обстановки и расположения постов. Были посланы также люди для установления точных адресов объектов нападения. С получением необходимых данных командиры взводов собирались, чтобы еще раз уточнить задания, установить сигналы наступления и отхода.

Отряд Галима Ахмедиярова часов в десять вечера вышел на западную окраину города. Слева — шоссейная дорога, связывающая город со станицей Двинск. Она-то и нужна партизанам. Если операция будет удачной, размышлял Ахмедияров, из Полесчины враг побежит по этой дороге. Поэтому одно отделение надо расположить у входа в город, а два других — на холмах по обеим сторонам дороги. Галим так и распорядился. Вперед метров на семьдесят были посланы минеры, которые заложили мины на дороге...

Тишина. И хотя взоры партизан устремлены на дорогу, они чутко прислушиваются к городу. Оттуда должен быть подан сигнал к началу операции. Мучительно долго тянутся минуты ожидания. Партизаны ждут.

Вдруг раздался страшный взрыв, будто разверзлась земля. Партизаны обернулись назад. Некоторые из них повскакали с мест.

— Ложись! — послышались отовсюду приглушенные голоса.

Ночное небо над городом разрезала яркая ракета и медленно погасла. Слышны еще взрывы. Галим мыслен-

по представил себя в городе: склад продовольствия, здание комендатуры. Один за другим взлетают в воздух эти объекты. Через некоторое время послышалось мощное «ура» и стрельба. В городе становилось все темнее и темнее.

Галим весь в напряжении. Да и как же не переживать за товарищем, находящихся в самом пекле операции. Хочется быть с ними, помочь.

Товарищи Галима ворочаются в нетерпении. Ему, конечно, понятно их недовольство.

И вот со стороны первого отделения раздались выстрелы. Галим вздрогнул и, полусогнувшись, побежал на выстрелы. Командир отделения доложил, что встретил отступающего небольшими группами противника. Галим задержался здесь ненадолго. До боли в глазах всматривается в дорогу, ведущую из Полесшины. Оказалось, что движутся три группы людей по два-три человека. Время от времени они стреляют в сторону города, в темноту. Слышен переборчливый говор. Галим приказал командиру отделения уничтожить группу гитлеровцев.

К Галиму кто-то подбежал запыхавшись.

Товарищ командир, со стороны Двинска показались машины, доложил он.

Галим по голосу узнал своего связного. Впереди, то появляясь, то исчезая, тускло мерцал свет фар. Вскоре послышался мощный гул моторов. На пригорке появились силуэты трех машин, всем своим видом будто говорят «идем на помощь».

Партизаны ждут.

Раздался взрыв. Галим всем телом почувствовал его. Это подорвалась на мине головная машина. Погасли фары, и опять мрак. Фашисты, повскакивавшие с машин, пошли на прочесывание, предполагая, что здесь должны быть партизаны. Вот они длинной цепью идут на холмики, где скрываются отделения. Партизаны ждут их приближения. Когда уже можно было различить отдельные фигуры, то есть на расстоянии пятидесяти метров, Галим во весь голос крикнул:

— Огонь!

С левого холма, где лежал Галим, на вражескую цепь обрушился град пуль. Середина цепи залегла, а правое крыло продолжало наступление. Тогда Галим выпустил зеленую ракету в сторону правого крыла, что означало

для партизан с правого холма открывать огонь по врагу. Те не замедлили с выполнением приказа. Но и противник, поначалу молчавший, вдруг разразился шквалом огня. Особенно усердствовала середина цепи, и солдат там, кажется, больше. Галим, оценив обстановку, послал к первому отделению связного.

— Срочно прикрыть пространство между двумя холмами.

Галим приказал усилить огонь в этом секторе. Не успел он распорядиться, как на помощь прибыло отделение и открыло сильный огонь. Галим обрадовался — помощь пришла вовремя.

Стрельба не прекратилась, когда послышался еще рокот мотора. Машины пока не видно, а вражеская цепь, отстреливаясь, стала отступать. Шум мотора затих где-то вдали. Ночная темнота поглотила все окружающее. Таким образом, враг, не прошел на Полещину, отступил обратно.

Известно, что партизаны сами себя обеспечивают всем необходимым. И на этот раз Галим со своими партизанами вышли на поле боя, чтобы собрать оставленное гитлеровцами оружие и боеприпасы. На дороге они увидели подорвавшуюся на мине бронемашину. Фашисты унесли из нее все оружие. Из-за Полещины одна за другой взметнулись в небо две ракеты. Это был сигнал к отходу. Галим собрал своих партизан: все на месте, потеря нет. Задание командира отряда выполнено.

С 1942 по 1944 годы Галим возглавлял отряд партизан Освейского района Витебской области Белорусской ССР, а в последние годы войны, до слияния с частями Советской Армии, был начальником штаба партизанской бригады.

Грудь Галима Ахмедиярова украшают двенадцать орденов и медалей Советского Союза. Семь из них, вместе с орденом Ленина, говорят о его героических делах в рядах партизан в период Великой Отечественной войны, а пять — о трудовых подвигах в послевоенные годы.

ПЛЕМЯ ОТВАЖНЫХ

Только-только забрезжил рассвет. В лесу еще темно. Тихо. Не слышно даже шелеста листвьев. Всю ночь не сомкнул глаз Василий Федорович Целуйко. Прилег было у старой березы недалеко от землянки, как подошел начальник караула.

— Товарищ комиссар, патруль поймал девять человек. Точнее говоря, не поймал, а задержал искавших партизанский отряд людей...

— Хорошо, хорошо. Садись, Коля,— сказал Василий Федорович спокойно. Комиссар был скромен, вежлив и доброжелателен к подчиненным, но сурово спрашивал за нарушение дисциплины, за невыполнение задания.

— Всегда у тебя «поймали», «задержали». Это, наверное, не фашисты, раз ищут партизанский отряд?

— Кто их знает, наши или чужие?

— Что ж, проверим. Как они выглядят?

— Одни кости остались. Лица желтые, без кровинки, а на теле рубцы. Что и говорить, изможденные люди,— говорил начальник караула.

— Откуда они пришли?

— Говорят, что бежали из концлагеря, товарищ комиссар!

— Не будем их беспокоить сегодня с проверкой, Коля. Накормите их хорошенъко, пусть спят. Но чтобы охрана была надежная.

— Есть, товарищ комиссар! — отчеканил Коля.

После ухода начальника караула Василий Федорович прилег. Но он долго не мог уснуть. Почему-то вспомнил-

Василий Федорович Целуйко

ся день вступления в пионеры. Тогда он был просто Васей.

Жил он с сестрами и родителями в селе Пучин. В тот день Вася пришел домой радостный, возбужденный. На груди алел красный галстук. Сестры, Евдокия, Анна и Катя, окружили его. Младшей, Кате, очень понравился галстук, и она без конца трогала его рукой. А старшие сестры пожимали ему руку, будто взрослые. Вася был героем дня.

Только вчера Вася играл с ребятами года на три младше его, потому что они слушались беспрекословно. Любые предложения Васи мальчишки

всегда поддерживали. Особенно нравилась им игра «в красные и белые». Командиром нензменно был Вася.

В день вступления в пионеры старшая сестра сказала ему:

— Теперь ты большой. Хватит играть с маленькими. Дружи со своими сверстниками.

Кто знает, в шутку ли, всерьез сказала она, но Вася принял всерьез. Вечером прибежал соседский малыш Коля.

— Идем, Вася, играть «в красных и белых». Коля всегда был помощником «командира», поэтому чуть что — он бежал к Васе.

— Нет, теперь я с вами не буду играть,— ответил Вася, с гордостью посмотрев на свой галстук.

Но Коля не отставал. Да и Вася хотелось поиграть, а заодно и посмотреть, как будут восхищаться мальчишки его красным галстуком. Забыв наставления сестры, Вася убежал с другом на улицу. С красным галстуком на груди он почувствовал себя настоящим красным командиром.

С тех пор прошло много лет. В 1933 году Вася окончил семь классов Савицьевской школы. Осенью того же года поступил в зооветеринарный техникум в Климовичах Могилевской области. По окончании его, в 1937 году, приехал на работу в Казахстан. Был зоотехником в Нарынкольском земельном отделе Алма-Атинской области. Находясь вдалеке от родных мест, он не чувствовал себя одиноким, работая рука об руку с гостеприимным казахским народом.

В 1938 году Вася был направлен в Алма-Ату на учебу. В декабре 1941 года Центральный Комитет комсомола Казахстана направляет студента четвертого курса Алма-Атинского зооветеринарного института Василия Целуйко по путевке в специальную школу в Москву.

Это был период героической борьбы народа советской страны против немецко-фашистских захватчиков. В 1942 году с большим подъемом и энергией, окончив специальную школу, Василий был отправлен в Белоруссию для организации партизанского движения в тылу врага.

Вначале он был в рядах партизанского отряда В. В. Власова, действовавшего в Могилевской области. Позже Василий стал командиром одного из отрядов бригады имени Доватора. Теперь он командир партизанского отряда «За советскую Беларусь».

Так маленький Вася, страстно желавший в детских играх быть красным командиром, стал Василем Федоровичем, настоящим командиром. Ну, а человек, который только что стоял перед ним, тот самый Колька, его помощник в играх «в красных и белых». Судьба свела их в одном отряде. Для Василия Федоровича он все тот же Коля. Но еще ближе и родней.

Вспоминая картины детства, задремавший Василий Федорович вздрогнул: что-то зашуршало поблизости. Оказалась самая обыкновенная лягушка. Он опять закрыл глаза. «И это может напугать», — подумал он про себя, чуть улыбнувшись. Уже вставало солнце. Сон как рукой сняло.

Сколько событий, больших и малых, пережил Василий Федорович за один минувший год! Участвовал в пятнадцати жарких боях, сам не раз водил партизан на операции. За это время отряд пустил под откос около десяти вражеских эшелонов, взорвал множество мостов,

уничтожил сотни гитлеровцев. Всё это результат тщательной подготовки операций, в разработке планов которых принимал участие и комиссар. Некоторые планы разрабатывал он сам. А сколько дел в отряде! Массово-политическая работа среди партизан. Надо суметь подойти к каждому человеку, найти с ним общий язык, привлечь в отряд новых людей. Эта работа отнимает очень много времени. Бывают дни, когда Василию Федоровичу некогда сомкнуть глаза. Что ж, он вместе с командиром несет одинаковую ответственность за отряд, за его дела, за каждого партизана. И Василий Федорович старается выполнять свои обязанности четко, аккуратно и с душой.

Василий Федорович приподнялся, посмотрел вокруг. Уже светло, дует свежий ветерок. Небо облачно. Чувствуется, что погода портится. Подошел Коля. Наклонившись к комиссару, он сказал:

— Что-то глаза у вас потускнели, товарищ комиссар. Не спали, наверное? Карабул сменился, и я свободен.

— Ничего не слышно тревожного? — спросил Василий Федорович.

— Нет. Да разве они осмелятся войти в такой дремучий лес!

— Фашисты могут в любое время появиться, они во круг нас. Точно известно, что они послали людей на поиски партизан. Охрана должна быть начеку. Да, кстати, от разведчиков вести есть какие-нибудь?

— Чуть не забыл, т-товарищ комиссар, — растерялся Коля. — Руководитель разведки разбудил командира и что-то докладывал ему. Оба они торопились куда-то, и командир просил вызвать тебя.

— Чего же ты молчишь до сих пор? Командир вызвал срочно, значит, какая-то новость. А ты, дружище, ложись отдыхать, — сказал комиссар и вскочил с места.

* * *

Уже часа два идет беспрерывная перестрелка партизан с гитлеровцами. Из-за стволов деревьев на миг появляются только головы, затем исчезают. Кто-то перебегает от одного дерева к другому, ложится, и стрельба продолжается.

Василий Федорович с автоматом в руках, оглядываясь по сторонам, устремился к передним рядам парти-

зан. Самое страшное, если противник ведет стрельбу сверху, с деревьев. Поэтому комиссар бросает частые взгляды на густые кроны деревьев, где, возможно, засели гитлеровцы. Свистят со всех сторон пули. Кажется, что некоторые из них задевают его, но он не обращает на них внимания, словно завороженный. Высматривая противника, экономно расходуя патроны, он ведет прицельную стрельбу.

Вдруг комиссар заметил на дереве фашиста, поливающего огнем партизан. Прицелившись, он сразил его и двинулся дальше...

Вскоре стрельба стала утихать.

- Товарищ комиссар, враг отступил, но закрепляется снова. Видимо, намеревается атаковать. Что прикажете! - начал докладывать связной первой группы партизан. Связные других групп тоже доложили обстановку.

Комиссар на миг задумался, оценивая сложившуюся ситуацию.

Еще утром подпольная организация села сообщила партизанам, что больше четырехсот человек двинулись на прочесывание леса. Противник готовился тщательно и скрыто. Вплоть до начала выступления жители села не смогли узнать ни о количестве гитлеровцев, ни о дне и часе наступления. В связи с тем, что весть запоздала, на совещании командиров и комиссаров было решено заманить врага глубже в лес и дать бой.

После совещания комиссар беседовал с людьми, бежавшими из концлагеря. Они рассказывали о зверствах и насилии гитлеровцев над пленными солдатами и офицерами. Многие из них стали готовиться к бою.

Партизаны усилили охрану лагеря. Разведчики и вестовые следили за каждым шагом противника. Вот они донесли, что фашисты углубились в лес метров на пятьсот, разделились на три группы — две из них, примерно по пятьдесят человек, пошли во фланг, а около трехсот составили ударную группу. Часть партизан ушла на оружение и разгром двух фланговых групп, человек двадцать — на уничтожение отступающего противника. Остальные партизаны выступили для лобового удара. В четыре часа началась ожесточенная схватка.

Часа через два стрельба прекратилась. Гитлеровцы отступили и залегли, ждут чего-то. Видимо, хотят подсчитать свои возможности, перестроиться и снова ринуть-

ся в бой. Связные всех групп партизан с нетерпением ждут приказа комиссара.

Нельзя терять ни минуты, нужно принять срочное решение. Мысленно оценив обстановку, он приказал:

— Наступление не прекращать ни на минуту, ни на секунду. Не давать врагу передышки!

И снова наступление. Комиссар через связного доложил о своем решении командиру. Тот одобрил его.

Враг неудержимо отступал к краю леса. Комиссар стрелял из автомата, из револьвера, продвигаясь вместе с партизанами. И тут кто-то схватил его сзади за плечи и толкнул. Оглянулся — Коля.

— Ложись, Вася, быстро! Вражеский снайпер уже трижды стрелял в тебя, но не попал. И мои пули что-то не берут его.— Сказав это, Коля сбил с ног сопротивляющегося комиссара, а сам стал целиться во вражеского снайпера. Вместе с выстрелом он упал сам. Вскочивший комиссар увидел падающего с дерева фашиста, а Коля лежал с пробитым виском, откуда, пульсируя, стекала алая кровь. Василий Федорович разорвал свою рубаху и наклонился, чтобы перевязать голову друга. Коля дрожащими губами произнес:

— Прощай, друг! Передай... родным. Похорони сам... Прощай... Не давайте пощады проклятым...— Глаза его медленно закрылись.

Все еще надеясь спасти друга, Василий Федорович стал наскоро перевязывать его голову. Но в его обмякшем теле сердце уже не билось.

Гибель друга детства, друга-партизана настолько потрясла Василия Федоровича, что слезы невольно застилали глаза, скатывались на угасшее лицо Коли. В это время подошло несколько партизан. Никогда не видевшие комиссара со слезами на глазах, они застыли в напряжении. Василий Федорович, собравшись с силами, поднялся и продолжал выполнять обязанности.

К восьми часам вечера враг уже потерял человек триста. Оставшиеся с трудом вырывались из окружения и удирали в село.

У братской могилы погибших партизан комиссар произнес речь.

Наутро партизаны оставили лагерь и ушли дальше в леса.

ГЕРОИЧЕСКИЕ ДНИ

Главным препятствием для партизан были многочисленные военно-полицейские комендатуры, насажденные во всех населенных пунктах. Вот почему перед партизанскими отрядами стояла первейшая задача — уничтожить эти вражеские гнезда.

Расскажу об одной операции.

Нас было трое: я, комиссар отряда Петренко и еще один партизан. Ночь. В небе ни облачка. Воздух напоен ароматом весенних цветов и трав. Подходим к селу. Время около двух часов. Ползком подбираемся к зданию гарнизона. Нас отделяет метров сто-сто пятьдесят. Справа и слева притаились мои товарищи. У меня ручной пулемет с одним диском. Продвинулись еще немного, и тут я заметил часового. Короткая очередь из пулемета — и с ним покончено. Следом комиссар метнул гранату. Поднялась паника, шум. Воспользовавшись этим, я, как можно громче стал отдавать приказы несуществующим своим «взводам», а сам дал две длинные очереди по окнам дома. Фашистов было, видимо, со взвод. Вот они разбегаются во все стороны.

Были убиты два солдата, один полицай, разгромлены заготовительный пункт молока, волостное управление, захвачены документы и несколько ящиков масла.

На обратном пути в селе Семеново мы сожгли волостное управление.

* * *

День и ночь народные мстители не давали покоя неправистному врагу. Гитлеровцы избегали мелких населенных пунктов, собирались в больших деревнях, на желез-

нодорожных станциях, в городах. Одним из осиных гнезд фашистов и их приспешников — предателей родины была деревня Полещина. Перед освейскими партизанами стояла задача: разгромить вражеские силы, склад продовольствия и другие объекты Полещинского гарнизона.

В один из погожих майских дней 1942 года наш партизанский отряд численностью около ста семидесяти человек прибыл в Полещинские леса. Еще день не угас. До наступления темноты провели разведку, командиры групп и взводов еще раз уточнили свои объекты нападения, собраны дополнительные сведения. Разведчики доложили, что гарнизон насчитывает около четырехсот человек.

В первую очередь были взяты под контроль дороги, ведущие в деревню. По ним могли прийти на помощь вражеские силы. По установленному сигналу партизаны двинулись небольшими группами в деревню. Вскоре загорелись продовольственный склад, военные казармы. Бежавшие по два-три человека немецкие солдаты и полицаи попадали под перекрестный огонь партизан, сдавались в плен.

Вот уже час, как идет бой. Со стороны Двинска идут три автомашины. Гитлеровцы торопятся на помощь разгромленному гарнизону. Хорошо, что мы заминировали дорогу.

Ждем. И вот раздался оглушительный взрыв. Первая машина подорвалаась, остальные резко затормозили. Попытавшись из машин, немецкие солдаты стали беспорядочно стрелять. А мы ни звука, что толку что они стреляют в ночи, хотя нас разделяют сто пятьдесят метров.

Но вот они стали продвигаться вперед. И когда осталось метров пятнадцать, я выпустил красную ракету. Три пулемета, семь автоматов, один миномет, десятки винтовок обрушили всю мощь огня на гитлеровцев. Они в беспорядке бежали, оглашая окрестность криками, стонами умирающих и раненых.

В темноте ночи мы увидели двух ползущих в нашу сторону людей. Вскоре они скрылись в кювете. Думать некогда, надо сблизиться с ними и уничтожить. Приблизившись к ним, приказал: «Сдавайтесь, сохраним вам жизнь!» Но в ответ просвистели трассирующие пули. Пришлось пустить в ход гранаты. С одной стороны Ти-

мофеев, с другой я бросили сразу три гранаты. Капитан жандармерии и немецкий солдат нашли бесславный конец.

Так за три часа сражения были разгромлены вражеский гарнизон, два продовольственных и один вециевой склады, волостное управление, почта, телеграф. Двадцать два гитлеровца убиты. Мы же не понесли никаких потерь.

До прихода регулярных частей Советской Армии мы решили захватить шоссейную дорогу на Москаленко.

7 июля 1944 года в лесу у деревни Намытки мы с командиром бригады собрали командиров отрядов. После обмена мнениями был зачитан приказ штаба бригады. В нем говорилось:

«Наши доблестные войска, разгромив основные силы врага, гонят его остатки на запад. Каждый день освобождаются десятки и сотни населенных пунктов, городов. Передовые подразделения Красной Армии освободили деревню Дерновики в двадцати пяти километрах от нас.

Противник, получая удар за ударом, стремится вывезти свою технику, людей, награбленное у советских людей имущество по дорогам, контролируемым нами. Наша задача — не дать врагу осуществить его замыслы. Для этого необходимо срочно занять дорогу Полоцк — Освейск и до утра не давать отступать врагу».

Затем было дано задание каждому партизанскому отряду. Установлены средства связи между отрядами, сигнализация, уточнены задания минеров и групп заграждения.

В десять часов вечера бригада пошла в наступление. Увидев нас, противник открыл сильный огонь. Залегли, не поднять головы. А отряды имени Котовского и Симацкого во главе с комбригом продвигаются вперед.

Мы лежим под огнем противника. Посоветовавшись с командирами отрядов, решили: начальник штаба отряда товарищ Шеф с третьим взводом должен перерезать дорогу и ударить врага с фланга, командир второго взвода Крупень со своими людьми подползет к позициям противника и забросает его гранатами. Первый взвод во главе с Брагиным оказывает помощь обоим взводам. Остальные партизаны готовятся к наступлению.

Операция удалась блестяще. Взвод Крупеня подполз

к передним позициям и с двадцати пяти-тридцати метров забросал гитлеровцев гранатами. А партизаны Шефа с криками «ура!» ворвались в окопы и в рукопашном бою выгнали фашистов из траншей. За полтора часа сражения было убито двадцать шесть немецких солдат и офицеров, сгорела одна автомашина, захвачено много оружия. Самое главное — врагу был отрезан путь отступления.

Сражение за дорогу в Москаленском районе было последним в истории освейских партизан.

БОЙ В СЕМУШКИНОМ ЛЕСУ

Не выдержав натиска войск Советской Армии, фашистские захватчики стремительно откатываются к западным границам. Из Гомеля, на станцию Жлобин, день и ночь нескончаемым потоком идут машины. Забиты все железнодорожные пути узловой станции Буда-Кошелево, что в пятидесяти километрах западнее Гомеля.

Фронт близок. Партизаны приднепровских лесов ждут прихода частей Советской Армии. Но фашисты не дремлют. Немецкое командование решило очистить свои тылы от партизан и выделило с этой целью в леса восточного берега Днепра семьдесят пять тысяч пехотинцев и одну механизированную бригаду.

Партизанский отряд Коваля, находившийся в числе других в Семушкином лесу, что в семнадцати километрах от Буды-Кошелево, в полной боевой готовности ожидал прихода гитлеровцев.

— Мы должны усилить разведку и совершить вылазки в тыл противника,— заявил партизанам командир отряда Коваль.

Коваль назначил старшего сержанта Манжоса командиром отделения разведки, дав в его распоряжение двенадцать наиболее смелых и отважных ребят. К вечеру они были готовы к выступлению.

20 сентября группа разведчиков во главе с Манжосом вышла в село Лыхое. Я был рядовым в отделении. Из отряда мы выступили около одиннадцати часов вечера. Не доходя километров пять до села, на краю леса увидели небольшой домик. Командир отправил меня и Сашу на разведку.

Турап Тайшибеков

— При входе, ничего не расспрашивая, просите кушать,— поучал нас Манжос.— Если хозяин примет радушно, между прочим узнайте о наличии в этих местах немцев. Но не выдавайте себя, говорите, что скрываетесь от фашистов.

Дома мы увидели мужчину лет сорока пяти, за ним в испуге пряталась девочка лет семи. После взаимных приветствий хозяин спросил, кто мы.

— Неделю назад бежали из немецкого плена,— начали мы.— В деревню идти боимся, ходим голодные. Если есть чем покормить, не откажемся, правда, расплачиваться нечем...

— Вчера только здесь были немцы и забрали все, что было съестного,— ответил хозяин, подавая нам с десяток сырых картофелин.

— Спасибо, батько,— поблагодарил Саша.

— А есть здесь немцы? — спросил я.

— Я не знаю никаких немцев. Зачем они вам, бежавшим из плена, ищите лучше, где бы найти кров,— ответил он.

— Тогда подскажите, где партизаны обитают.

Чувствуя, что мы что-то хитрим, он коротко ответил, что не знает партизан. Убедившись, что он нам ничего дельного не скажет, мы вернулись к товарищам.

* * *

Вот уже засветились огни Лыхого. Пока мы обсуждали, кому первому идти в село, где-то поблизости послышался кашель.

— Тише, товарищи! — сказал, вставая, Манжос.— Кажется, кто-то идет.

С минуту мы сидели, затаив дыхание.

Действительно кто-то торопливо направлялся в нашу сторону. Мы не успели спрятаться, когда человек приблизился метров на десять. Первой мыслью было задержать его.

— Стой, кто идет!

— А-а... — послышался растерянный звук.

— Дрова собираю...

— Он похож на полицая,— произнес Коротков, вглядываясь в незнакомца.

Пришлось обыскать подозрительного человека. Во внутреннем кармане обнаружили справку о том, что он сотрудник немецкой комендатуры.

— Значит полицай? — спросили его. Человек молчал.

— Сколько немцев в селе? — задал вопрос командир.

— Ни одного нет.

— Что толку вести его в отряд, сами на задании, надо прикончить его здесь,— сказал как можно громче Саша, чтобы тот слышал.— Мы знаем, что село занимают гитлеровцы.

* * *

Мы решили начать разведку с дома, что на западной окраине села. Из него выбежала девушка, отвязала лающего пса и отвела его к сараю. Сама убежала обратно в дом.

Манжос подробно разъяснил задачи разведки, назначив в нее троих: Короткова, Жексембаева и Айсарова. Упросил командира направить меня четвертым.

Приблизились к дому, оттуда слышались веселый шум и смех.

— Видать, какое-то веселье,— бросил Коротков Жексембаеву.

У двери мы расслышали говор немцев. Стараясь без скрипа открыть наружную дверь, мы с Коротковым столкнулись с громадным немецким унтер-офицером.

— Хайль! Руки вверх! — скомандовал я.

Тот визгливо заорал: «Партизаны!» Раздумывать не-когда. Не успел я оглянуться, как Коротков набросился на унтер-офицера и перерезал ему горло. Открыв внутреннюю дверь, мы увидели установленный различной снедью стол.

— Встать, ни с места, бандиты! — сказали мы в один голос.

Высокая белокурая женщина с криком повалилась на землю. Рядом стояли как вкопанные еще две женщины.

— Где остальные? — спросили мы. Одна из женщин взглядела на печку.

— Выходи, а то брошу гранату! — пригрозил я. С печки показался мужчина лет сорока и девушка, которая выбегала на улицу.

— Где остальные?

— Товарищ партизан, это вся наша семья, — заторопился он.

— Поверьте, больше никого нет.

— И тот унтер-офицер тоже из твоей семьи?

— Он же немец, — лепетал мужчина.

— А где тот, что играл на гармони? Мы его видели в окно.

— Это я!

— Кто ты?

— Я... я Иван Семенович Бозняк.

— Кем ты служишь у немцев?

— Они выбрали меня старостой, но я был против. Немцы силой заставили...

— Тогда одевайся быстро. Мы поведем тебя к твоему обер-лейтенанту в Буда-Кошелево.

— Из какого подразделения он знаешь?

— Из карательной экспедиции «СС-Викинг».

— В твоем доме он впервые или вы давно знакомы с ним?

— Нет, я не знаю его. А привел офицера полицией Кривцов. Он тоже работает в полицейском управлении Буда-Кошелева.

— А где Кривцов?

— Вечером он ушел куда-то и не вернулся. Офицер ждал его до ночи.

— Есть еще в Лыхом немцы?

— Были три-четыре солдата. Они пошли собирать по домам молоко, яйца.

— Бери все документы и следуй за нами.

Бозняк взял из шкафа большой портфель и посмотрел на нас.

— Быстрее! — приказали мы.

Забрав у унтер-офицера документы и оружие, а са-

мого спрятав в сарае, мы ушли из дома, уводя старость села.

Бозняк грабил жителей села Лыхое и окрестных деревень. Все награбленное имущество он дарил немецкой конторе под названием «Пакетаукцион». Руководители ее высоко оценили Бозняка и от имени Гитлера объявили ему благодарность. Не довольствуясь благодарностью фюрера, Бозняк жаждал получить крест. И он старался: расстреливал советских людей, отправлял их в Германию. Сейчас этот подлый предатель и холуй фашистов предстал перед лицом сотен партизан. Он не может смотреть людям в глаза.

— Ну вот, Бозняк,— начал Коваль.— Нам достоверно известно, где располагаются немцы, их численность, вооружение, дальнейшие их планы. Если будешь говорить правду, мы сохраним тебе жизнь. Мы не такие изверги, как ты, хотя ты ненавистнее, чем фашисты. Ты предатель родины, и тебе нет прощения. Но мы исполним свое обещание. Если будешь лгать — это твое самоубийство. Три дня назад нам стало известно, что вместе с фашистами ты разрабатывал меры для ликвидации партизан. Если не веришь, зачитаю твое письмо гутману.

— Буду говорить правду, товарищ офицер,— жалобно лепетал Бозняк.— Я искуплю свою вину.

— Точнее?

— Я расскажу все, что знаю.

— Ты дашь нам новые сведения, кроме тех, которыми располагаем. Без вопросов расскажи подробно о плане, разработанном немецким командованием против семушкинских партизан,— приказал Коваль.

По словам Бозняка, немцы распространили слух, будто в Семушкинских лесах собралась целая дивизия партизан, и готовили выставить против них карательный отряд «СС-Викинг». Из Ровно на помощь карателям вышла дивизия под командованием генерала фон Кламма. Гитлеровцы мечтали захватить живьем командира отряда, а всех партизан уничтожить.

— Мы будем держать тебя до выступления генерала фон Кламма против нас,— сказал Коваль.— Если только сегодня-завтра этого не произойдет, будем считать твои сведения ложными, а тебя повесим.

Было решено еще раз провести оперативную развед-

ку станции Буда-Кошелево. Разведчики подтвердили полученное ранее сообщение о том, что батальон немецких солдат будет выступать против партизан.

За день до наступления немцев в лагере была проведена учебная тревога,— проверка боевой готовности партизан.

— Товарищи партизаны! — начал командир отряда.— Самым лютым врагом партизан являются фашисты. Поэтому мы должны завтра оказать достойное сопротивление врагу и победить его. Таков приказ партизанского соединения. В Семушкином лесу мы не одни. Здесь действуют также отряды Зернова и Мамбетова. В трудные минуты мы должны помогать друг другу. Раз уж немцы считают, что нас тут дивизия, то мы должны каждый биться за сотню человек. Предстоит большое испытание.

Партизаны внимательно выслушали командира отряда, вполне уверенные в разгроме врага.

Ночью вокруг лагеря был выставлен усиленный наряд. До пяти часов утра было тихо. К этому времени партизаны уже успели позавтракать.

* * *

— Товарищ командир, к нашему лагерю движется большая колонна немцев,— сообщил солдат из наряда.

Командир отряда срочно связался с соседними отрядами Зернова и Мамбетова, узнал об их готовности встретить врага.

Каждая из трех рот нашего отряда получила задание. Первая рота во главе со старшим лейтенантом Кияшем Кунанбаевым должна встретить противника с фронта. Ей в помощь был придан еще один взвод. Вторая рота под командованием Сергея Пронина уходила в тыл немцев для разгрома их командного пункта и военной техники, третья рота оставалась в резерве.

Не успела уйти на задание первая рота, как часовой доложил, что нас окружают. Первая рота уже вступила в бой, и начальник штаба майор Соловьев повел резервную роту на отражение атаки врага. Гитлеровцы подошли примерно метров на тридцать, как грянула команда Соловьева:

— Огонь, товарищи!

Застрочили пулеметы, автоматы, взорвались гранаты. Завязался ожесточенный бой. Десятки немецких солдат и офицеров полегли здесь, остальные спешно отступили. В этом бою погиб наш товарищ Ботай Алимов.

Жарко приходилось и роте старшего лейтенанта Кияша Кунанбаева. Фашистские головорезы каждые пятьдесят минут предпринимали атаки, но всякий раз натыкались на сильный заслон партизан.

Десять раненых и четверо убитых партизан в начале боя. Погиб командир второго взвода, тяжело ранен сержант Калыков. По его словам, в роте легко раненых человек пятнадцать, но все они готовы биться до последнего дыхания. Военврач второго ранга Гольденберг и медсестра Белякова оказывают раненым партизанам посильную помощь. Благодаря мужеству и выдержке партизан, немцы на этом участке отступили, потеряв убитыми около ста солдат и офицеров. Партизаны захватили одну подводу с боеприпасами, сорок автоматов, четыре крупнокалиберных пулемета, с десяток мин.

В длительном кровавом бою партизаны устали. Первая рота прислала человека за патронами.

«Приходится тяжело, кончаются боеприпасы,— писал Кунанбаев.— Вторая рота ушла давно, но никаких вестей от нее нет. Посланные за ней разведчики вернулись ни с чем. Немцы напирают, вынуждая к отступлению. Много неприятностей от вражеских минометов».

Четыре часа дня. От Сергея Пронина все еще никаких вестей. Коваль запросил помощи у Мамбетова, но тот наотрез отказался.

Стрельба уже слышна в центре лагеря. Третья рота получила приказ об отходе. Коваль мечется между двумя ротами. Над лагерем нависла опасность. Рота Савельева, несмотря на упорное сопротивление, вынуждена была отступить.

...День близится к концу. Фашисты окружили лагерь, но стрельба не утихает ни на минуту.

Партизаны с нетерпением ждут наступления темноты. И вот с тыла врага раздалось раскатистое «ура!» и поднялась стрельба. Разом прекратили изрыгать смертоносный огонь вражеские минометы и пулеметы. Эта шла на выручку рота Сергея Пронина. Оказалось, что днем они не смогли пробраться в тыл противника, и пришлось ждать наступления темноты. Только к вечеру они

захватили штаб гитлеровцев, откуда два фельдфебеля и обер-фельдфебель по рации руководили боем. Группа партизан под командой взводного лейтенанта Дейярова громила немецкие пушки и минометы.

Отчаянно сражались партизаны отрядов Мамбетова и Зернова. Две трети карателей «СС-Викинг» были разгромлены. Сто двадцать немецких солдат и один обер-лейтенант сдались в плен. Было захвачено много оружия, патронов, гранат.

Так провалился план карательной экспедиции «СС-Викинг» против партизан. По сведениям обер-лейтенанта Пауля Герберта, взятого в плен, против партизан был брошен один батальон экспедиции. На карте, изъятой у него, были точно указаны места расположения партизанских лагерей в Семушкином лесу.

Видя, что немецкие каратели не перестанут преследовать партизан, мы в тот же день снялись с места и присоединились к первой Гомелевской бригаде на правом берегу Днепра.

ОПАСНЫЕ ТРОПЫ

...Крепко спят солдаты. А Бекетаю Джумабекову не спится. Он выходит на крыльцо, потягивается. В лицо бьет свежий ветер. Первые лучи солнца золотят далекие вершины гор. Где-то за стройными кипарисами шумит прибоем Черное море. Ничто не предвещало беды. И вдруг...

...Полк подняли по тревоге.

— В воскресенье не дают спать,— заметил кто-то из воинов.

А через несколько минут готов был взять свои слова обратно. Началась война...

Дважды Бекетай Джумабеков, призванный с далекого золотого прииска, что затерялся в отрогах гор Восточного Казахстана, рвался в бой. Дважды война, словно испугавшись чего-то, обходила его стороной. На этот раз она навалилась на плечи солдата всей своей огромной тяжестью, пахнула в лицо жарким пламенем, засвистела пулями и осколками.

Первое боевое крещение Бекетай принял на Украине, под Днепропетровском. Двое суток сдерживали натиск гитлеровцев бойцы. Двое суток стонала земля от взрывов мин и снарядов. Вражеские танки утюжили окопы. В небе коршунами носились самолеты.

Сюда, в украинские степи, долетело письмо из Акжала. Сестренка Бибинур сообщала, что брата Джаку также призвали в армию, что она работает... литейщиком. «Не хмурь брови, Беке. Знаю, что взялась за мужское дело. Но отступать не буду. Не время! Что делать... война...»

Бекетай еще раз пробежал глазами письмо, улыбнулся. Он понял, что на этот раз его черноглазая Бибинур не плакала.

Молодец, карындас!

...Двое суток шел бой! На третьи 434-й артполк, потеряв больше половины людей и техники, отступил. К осени удалось пробиться в Крым, к Турецкому валу. Не хватало боеприпасов, продовольствия. Износилось обмундирование. Но солдаты с каким-то ожесточением продолжали отбивать наседавшего врага. И чем больше было трудностей, тем злее дрались бойцы.

* * *

...Горы, непроходимые леса, бурные речки. На небольшой поляне, окруженней со всех сторон вековыми деревьями, расположился партизанский отряд имени Алима Алдарова. Участник финских боев, коммунист, любимец солдат, он был расстрелян предателями.

На деревьях, у горных тропинок затаились дозорные. Кругом карательные отряды немцев. Надо быть начеку!

Бекетай Джумабеков промстился у поваленного бурей дуба, развернул карту. Четвертый месяц он командует разведывательной группой, куда вошли товарищи по оружию Георгий Безносенко, Василий Сорока, Николай Матюхин. А совсем недавно пришло пополнение: в группу зачислили рабочего Феодосийского порта коммуниста Севастьянова и его восемнадцатилетнюю дочь Анку.

Много дел у Бекетая, много забот. Он только что вернулся из штаба, где имел личную беседу с полковником Галимом Городовиковым, племянником прославленного Оки Городовикова, руководившего партизанским движением на Керченском полуострове. Полковник интересовался жизнью разведчиков, их здоровьем. Потом сказал:

— Завтра в поселок Ортолан на совещание соберутся немецкие офицеры. Ваша задача...

...Ползет по карте карандаш, оставляя кое-где пометки. «Машина с гитлеровцами пойдет от полевого аэродрома вот по этой дороге,— решает Джумабеков.— Засаду сделаем у моста. Часового снимет Сорока. Надо захватить пулемет, что в сарае. Пойдем по реке».

...Холодная вода обжигает тело. Местами она доходит до плеч. Разведчики поднимают над головами автоматы, мешки с гранатами и взрывчаткой. Впереди, прощупывая дно, идет Бекетай Джумабеков. За ним — Севастьянов, Сорока, Матюхин, Безносенко. Колонну замыкает Анка. Девушку решили не брать: кто знает, чем может кончиться эта операция. Но Анка отрезала:

— Пойду! Не удержите. Я — партизанка.

— Не зли ее, Бекетай,— попросил Севастьянов.— В море одна на лодке хаживала.

Джумабеков согласно кивнул головой: пусть идет!

...Под утро похолодало. Далекие звезды перемигивались между собой. Только они видели, как из воды на крутой берег выбрались шестеро. Через полчаса слабо охнул часовой, ходивший до этого по мосту. Две тени метнулись к полуразрушенному сараю, где засели вражеские пулеметчики.

Выглянувшее из-за гор солнце, не заметило перемены: по мосту все так же ходил человек в немецкой форме. Матовым блеском отливала холодная сталь пулемета.

Бекетай Джумабеков лежал на откосе, в зарослях шиповника, сжимая в руках автомат. Где-то рядом затаились Севастьянов с дочерью, Василий Сорока — на мосту, Матюхин и Безносенко — у пулемета. По первому сигналу они откроют огонь, а если понадобится, то и бросятся в атаку.

«А вдруг совещание отменили и машина не придет?» — мелькнула у Бекетая мысль.

Тогда они подорвут мост и уйдут в горы. Хорошо бы захватить языка. Но гитлеровские пулеметчики оказали упорное сопротивление. Их пришлось прикончить. Не уцелел и часовой.

Из задумчивости Джумабекова вывел отдаленный рокот двигателя. Ближе, ближе... Через минуту из-за поворота показался автобус.

— Обжились, сволочи! — ругнулся Бекетай.

На миг вспомнил рудник Акжал, где никогда не было автобусов, сестренку Бибинур. Как-то она сейчас? Справляется ли с работой литейщика? А может, тоже ушла на фронт?

— Бекетай! Командир,— шепчет из-за кустов Анка.— Немцы совсем близко.

А Джумабекову кажется, что это говорит Бибинур.

— Спокойно, карындас. Гитлер-жалмауыз¹. Он не пройдет!

— Жалмауыз. А что это такое? — спрашивает Анка. Бекетай мотает головой:тише, мол!

Автобус подъехал к мосту. Часовой поднял руку: надо проверить документы. Открылась дверца. Василий Сорока шагнул навстречу. Граната «лимонка», пробив ветровое стекло, закружилась у ног гитлеровцев. Ухнула взрыв. Из сарайя длинной очередью хлестнул пулемет. Затакали автоматы.

...Уходили напрямик, через скалистый перевал. Над лесом то и дело пролетали самолеты. Гитлеровцы тщетно искали партизан, совершивших дерзкий налет на автобус. Но попробуй найди иголку в стоге сена!

На этот раз группу замыкали Джумабеков и Севастьянов. Два коммуниста, два бывальных воина. Они отвечали за исход операции, знали, что гитлеровцы могут пустить по следу собак. Правда, разведчики около двух километров шлепали по безымянному ручью. Но все может быть.

У серой, обдутой ветрами скалы, сделали небольшой привал. Бекетай раскрыл тяжелый планшет, захваченный в автобусе. Карты, схемы, исписанные листы. Здесь же фотографии местности. Той самой, где в настоящее время действует Алдаровский партизанский отряд. Вот и река, а вот лес. На одном из снимков угадывается перевал «Брус». Здесь в начале сорок второго партизаны вели жаркий бой с карателями. Разведгруппе удалось тогда захватить сопку, которая впоследствии получила название «Пекарня». Здесь, среди камней, нашли свой конец около тридцати гитлеровцев. Сюда упал вражеский грузовой самолет, сбитый партизанами-пулеметчиками. Бекетай сам ползал к обломкам за консервами, мукой, хлебом. А потом шутил:

— Не «пекарню» захватили, а целый гастроном.

Две недели продержались партизаны на перевале «Брус». Две недели отражали атаки гитлеровцев. Потом отступили, унося с собой два станковых пулемета, захваченные в бою, много автоматов, ящики с боеприпасами...

¹ Жалмауыз — людоед.

И вот перевал попал на фотографию. Не зря кружат над горами самолеты-разведчики. Пройдет немного времени, и весь Крымский полуостров будет у гитлеровцев как на ладони. Обстановка усложняется.

Джумабеков уложил в планшет захваченные в бою секретные документы, коротко скомандовал:

— Поехали!

...Совещание немецких офицеров в Ортолане было назначено на утро первого мая 1942 года. Оно не состоялось. В полдень старшина Бекетай Джумабеков докладывал полковнику Галиму Городовикову о том, что поставленная перед разведгруппой боевая задача выполнена.

— Молодцы! — сказал офицер, принимая из рук старшины планшет с документами и, улыбнувшись, добавил:

Поздравь от моего имени разведчиков с Первомаем. Разрешаю по маленькой. За удачу!

Бекетай рассмеялся.

— Уже чокнулись, товарищ полковник. С устатку.

— Ну, а теперь за победу! За нашу скорую победу!

Городовиков крепко обнял Бекетая, по-отцовски поцеловал его в обветренную щеку.

— Крепись, джигит! Впереди — новые испытания.

На том и расстались.

После обеда Джумабеков, в сопровождении Матюхи-на и Анки, возвращался в отряд. Узкая тропинка петляла меж камней, деревьев, то взбегая на пригорок, то обрываясь круто вниз. Пахло хвоей. Из буйного разнотравья выглядывали цветы: желтые, красные, синие. Порхали бабочки. В лицо с налета ударила божья коровка. Сложила крылья, упала на подставленную ладонь. Бекетай остановился. Бережно опустил божью коровку на полевой цветок, вскинул брови. Перед мысленным взором встали родные казахстанские степи, зеленые перелески. И цветы, цветы... Они кивают Бекетаю своими головками, что-то нашептывают на ухо.

— Задумался, командир,— говорит Анка.— О чем?

Бекетай поднимает голову. На него в упор, не мигая, смотрят девичьи глаза. Большие, светлые. В них и тепло майского солнца, и неподдельная грусть. Пухлые губы слегка вздрогивают. Слабый ветерок, набежавший откуда-то с гор, шевелит русые пряди волос. «Красивая», — думает Бекетай и глубоко вздыхает.

...Шумит листвой девственный лес. Печет солнце. Кивают головками цветы. Тропа то взбегает на пригорок, то круто падает вниз. По ней идут трое. Взволнованные, разгоряченные запахами весны. Идут шаг в шаг. По-солдатски!

* * *

Захваченные в бою у моста документы помогли командованию уточнить обстановку. Алдаровский, а за ним Феодосийский, Судакский и Зуйский партизанские отряды срочно перешли в другие районы. Бекетай Джумабеков видел с перевала, как лесную поляну, где ранее располагался их отряд, бомбили гитлеровские самолеты. Земля дрожала от взрывов. В голубое крымское небо поднимались клубы черного дыма.

— О це шпарят! — заметил Василий Сорока.

Сложил пальцы дулей, ткнул в сторону огня и дыма.

— На-ко, фриц, выкуси!

А через день хоронили комиссара отряда, молодого чернобрового парня Георгия Новикова. С группой солдат он ушел к татарскому аулу в надежде раздобыть немногого хлеба. Когда возвращались назад, из крайней сакли сверкнуло пламя выстрела. Комиссар упал. Солдаты бросились в саклю, но убийцу не нашли. Кто-то предложил поджечь аул. Комиссар открыл глаза, покачал головой: не нужно! В ауле, в основном, жили хорошие люди. Враги ушли к немцам.

Хоронили Новикова на склоне безымянной горы, под разлапистым кленом. Бекетай Джумабеков долго держал в руках медаль участника сельскохозяйственной выставки в Москве, которой перед войной был награжден зоотехник Георгий Новиков, потрепанную тетрадь со статьями о разведении тонкорунных овец в Ростовской области, которые комиссар писал между боями.

Когда над могилой поднялся зеленый холмик, Бекетай достал из ножен финку и вырезал на стволе клена пять слов: «Здесь спит комиссар Жора Новиков». А чуть в стороне плакала Анка.

* * *

К осени 1942 года гитлеровцы, получив подкрепление в живой силе и технике, предприняли против партизан ряд крупных операций. Алдаровский отряд дважды по-

падал в окружение. Тут и там завязывались жаркие перестрелки. Был ранен Николай Матюхин: шальная пуля задела выше колена мякоть. Солдат както неестественно крякнул, привалился к холодному камню. Затем достал из кармана брюк залитый кровью кисет, смачно выругался.

— Ты чего это? — испуганно спросила Анка, доставая из противогазной сумки индивидуальный пакет.

— Прости, сестрица, — смутился Матюхин и тут же пояснил:

— Всю махорку в кармане попортили, сволочи!

Позднее он просил:

— Ты, Анка, старшина не говори. Царапнуло, мол, малость, и все тут. А то лежать заставит.

— Ладно уж, герой. Молчу! — согласилась девушка.

Знала, что Матюхин отлеживаться не будет. А рана? До свадьбы заживет!

Через неделю рана, легкая, затянулась. Николай вместе со всеми ходил делать завалы на дороге между Феодосией и Судаком, подрывал мост у горной деревушки Эльбузы, минировал подступы к старому монастырю, куда фашисты намеревались перевести свой штаб. А потом вел партизанскими тропами к Черному морю большую группу женщин, стариков и детей.

Это было необычное задание. Гитлеровцы, потеряв всякую надежду на успешную борьбу с партизанами, стали расстреливать мирное население, выжигать целые аулы и села. Особенную жестокость они проявляли к русским семьям. Ни днем, ни ночью не умолкали выстрелы. Дым от пожарищ стлался по низинам, обволакивая

Бекетай Джумабеков

горы. С Большой земли пришла шифрограмма: «Эвакуировать женщин, старииков и детей. К берегу подойдут подводные лодки».

Вот тогда-то и была создана специальная группа проводников. В нее вошли почти все разведчики во главе с Бекетаем Джумабековым.

Шли лесом, сторонясь аулов и больших дорог. Голодные, измученные бессонницей, оборванные. Кашляли простуженные на холодном ветру дети. Роптали старики. Матюхин бегал вдоль нестройной колонны, как мог подбадривал людей.

— Еще немного, и будем на месте. Слышите, как шумит море?

Люди настораживались. Им и впрямь казалось, что о прибрежные скалы бьются косматые, в брызгах, волны, а в тихой солнечной бухте сигналят подводные лодки. Они ускоряли шаг.

Но судов на месте не оказалось. Дежуривший у берега партизан сообщил, что подводные лодки были обнаружены гитлеровцами с воздуха и подверглись бомбежке. Эвакуируемых приказано провести в Зуеский район к полевому аэродрому. Там их подберут транспортные самолеты.

И снова утомительные переходы по бездорожью, через горные перевалы, реки, бурелом.

На аэродроме, затерявшемся в крымском лесу, обессиленных людей посадили в самолеты, отправили на Большую землю.

РОБЕРТ КЛЯИН — ГЕРОЙ-ПАРТИЗАН

В нашем партизанском соединении имени Чапаева воевали люди самых разных национальностей. Здесь дрались с врагом русские, украинцы, казахи, татары. Были в отряде и немцы. Об одном из них — Роберте Кляйне — и будет мой рассказ. Он был смелым, находчивым бойцом. Роберт Кляин — уроженец Поволжья, до войны служил в рядах Советской Армии.

Великая Отечественная война застала Кляйна уже командиром, в звании старшего лейтенанта. Случилось так, что он оказался в тылу врага, в маленьком украинском городке Переяславе. Нечего и говорить, что оккупанты обратили на него внимание. Фашисты создавали в оккупированных районах свою администрацию, пытались наладить хозяйство. Роберт Кляин, конечно, мог бы им помогать. Немцы доверили ему пост начальника гаража переяславского комиссариата.

Однажды, когда отряды нашего партизанского соединения находились в Хоцких лесах, нам впервые пришлось увидеться с Кляйном. Помню, как-то в штабе шло оперативное совещание с командирами. В разгар нашей беседы в землянке появился дежурный по соединению партизан Алексеенко.

— Товарищ командир,— доложил дежурный,— к нам прибыл какой-то человек из Переяслава. Говорит, что ему очень нужно повидаться с партизанским командиром.

— Пусть войдет,— сказал командир и вопросительно посмотрел на комиссара соединения Емельяно-

вича Ломако. Тот молча кивнул ему. Командир взял со стола карту-двуихверстку, свернул и спрятал ее за голенище сапога.

На пороге появился высокого роста человек.

— Можно войти? — спросил он и, пригнув голову, шагнул вперед.

— Пожалуйста, — проговорил командир. — Кто вы и зачем пожаловали?

— Я пришел к вам от подпольной организации автомобильного гаража Переяславского комиссариата. Меня послал начальник гаража, — начал вошедший, но его перебил возмущенный голос:

— Чего ты мелешь? — сурово спросил командир отряда Тютюнник. — Ведь начальник гаража — немец. Зачем ему понадобилось посыпать тебя к партизанам?

Посланец из Переяслава несколько смущился. Но ему на выручку пришел комиссар Ломако, до этого молча сидевший в дальнем углу землянки.

— Что ж с того, что начальник гаража немец? — спокойно возразил Ломако. — Немцы не все одинаковые. Некоторые правильно разобрались в обстановке и давно борются с фашизмом. Не мешайте товарищу. Пусть расскажет обо всем, с чем пришел к нам.

— Да, он действительно немец, — ободренный поддержкой снова заговорил пришедший, — но он наш, советский. Немец из Поволжья. Правда, фашисты ему доверяют, считают за своего. Но Роберт Кляйн знает свое дело. Это он создал в гараже подпольную организацию. В гараже теперь работают только свои, проверенные и надежные советские люди.

Кляйн считает, что пришло время действовать. Вот за тем-то и прислал меня к вам. Подпольщики хотят знать, что им предпринять. Они готовы уgnать все немецкие машины в партизанский отряд или уничтожить их вместе с гаражом. Подпольщики просят принять их в отряд.

Все обсудив, мы договорились, что гараж должен быть уничтожен. Часть машин вместе с людьми должны были приехать в лес.

Во время этой беседы в штабную землянку вошел один из бывших руководителей Переяславской подпольной организации Илья Артемьевич Проценко, ставший затем командиром группы партизанского соединения.

— Михеев?! — крикнул он, увидев посланца из Переяслава.— Жив-здоров? Откуда ты, Алеша?

Они обнялись и расцеловались. Оказалось, что Проценко хорошо знал Михеева еще во время своей работы в переяславском подполье. Узнав, в чем дело он очень обрадовался. Недоверие, с которым вначале встретили партизаны Михеева, окончательно рассеялось. Гостя приняли радушно и к вечеру отправили в Переяслав, подробно обо всем условившись.

Намеченная встреча состоялась через несколько дней в районе Хоцких лесов. Хотя мы и были уверены, что встречаем друзей, партизанский опыт требовал от нас принятия всех мер предосторожности. Мы расставили дозоры и секреты в ожидании подпольщиков. Они должны были прибыть к нам на захваченных в гараже автомашинах.

На одном из секретных постов в ту пору находился и я. Мы наблюдали за дорогой со стороны Золотоноши и вскоре заметили колонну автомашин.

— Товарищ командир,— доложил партизан Иван Гаман,— вижу машины. Но это, должно быть, не они.

— Почему ты так думаешь?

— Они должны ехать со стороны Переяслава, а эта дорога — из Золотоноши,— ответил Гаман.

— Это еще ничего не значит.

Я взял бинокль из рук наблюдателя и направил его на приближающуюся колонну. Над кабиной передней машины трепетал красный флаг. Я сказал об этом товарищам:

— Они. Флажки над кабинами — это условные опознавательные знаки.

— Правда, флаги. Но почему же они все-таки со стороны Золотоноши? — удивлялись партизаны.

— Чтобы замести следы, сбить немцев с толку,— сказал Иван Гаман и удовлетворенно добавил: — Из этих ребят получатся настоящие партизаны.

Наконец машины миновали крайний наблюдательный пост, и колонна остановилась. Из леса вышли командир соединения, комиссар, партизаны. Из кабин передней машины быстро выскоцил белокурый молодой человек среднего роста, побежал навстречу партизанам, остановился, по-военному отдал честь и четко отрапортировал:

— Товарищ командир партизанского соединения! По решению подпольной организации шоферов, гараж переяславского комиссариата уничтожен. Старший лейтенант Кляйн прибыл в ваше распоряжение с четырнадцатью подпольщиками и колонной из двенадцати автомашин.

Во время доклада Кляйна подпольщики вышли из машин и построились в шеренгу. Командир соединения горячо пожал руку Роберту Кляйну и, обратившись к его товарищам, торжественно сказал:

— Поздравляю вас с вступлением в семью народных мстителей! Поздравляю с успешным выполнением первого задания.

— Служим Советскому Союзу! — дружно ответили ему водители, будущие наши славные партизаны.

Так состоялась и моя первая встреча с Робертом Кляйном, положившая начало нашей крепкой боевой дружбе. Кляйн отважно дрался с врагами. На его счету много дерзких вылазок и налетов на немецкие комендатуры. Это ярко характеризует Роберта Кляйна — бесстрашного бойца, настоящего советского человека, пламенного патриота своей родины.

Однажды партизанская группа получила задание проникнуть в село Малый Букрин Переяславского района и уничтожить там комендатуру. Группой командовал капитан Федор Тютюнник. На задание пошел и переодетый в форму немецкого майора Кляйн. На него в этой операции мы возлагали большие надежды.

В сумерках по тайным партизанским тропам мы вошли в небольшой лесок неподалеку от села. Перед операцией надо было провести разведку. В группе был молодой, лет шестнадцати-семнадцати, паренек Леня Пороцкий, уроженец этого села. Он и вызвался пойти в разведку.

Леня хорошо справился со своей задачей. Ему удалось добыть у местных подпольщиков ценные для партизан сведения: в эту ночь в комендатуре должны были собраться немецкие офицеры. К ним из Золотоноши ожидался приезд целого взвода связистов. Все вместе они намеревались двигаться в город Переяслав.

Партизаны направились в село.

План захвата комендатуры был разработан еще на кануне. Роберт Кляйн, Геннадий Милентенков и Григорий Алексеенко были одеты в немецкую форму, а на мне

была одежда полицая. Нам-то и предстояло первыми войти в помещение комендатуры и разоружить офицеров. Никто из нас, кроме Роберта Кляйна, не знал немецкого языка, и мы обязаны были действовать только по его приказаниям. Малейшая неосторожность с нашей стороны могла испортить все дело.

— С немцами буду говорить я,— предупредил нас Роберт.— Вы будьте наготове. Стрелять только по моей команде.

У входа в комендатуру мы появились столь неожиданно, что почти лицом к лицу столкнулись с часовым. Он было загородил винтовкой дорогу, но Кляйн что-то крикнул ему по-немецки, и часовой вытянулся. Тут же подбежали два партизана и увели его. Мы быстро прошли в кабинет коменданта. Он, видимо, не ожидал в такое позднее время никаких посетителей и потому растерянно глядел на «майора». У коменданта в кабинете находились четыре офицера и несколько солдат. Они также ничего не понимали.

— Руки вверх!— скомандовал Роберт Кляйн.— Сопротивляться не советую... Бесполезно.

Под дулами наших автоматов комендант медленно встал со стула и поднял руки. Его примеру последовали офицеры и солдаты. Немцев быстро обезоружили и отвели во двор под охрану партизан. Мы с Робертом спешими на улицу.

Короткая летняя ночь вскоре вступила в свои права, а немцев из Золотонош еще не было. Нам же надо было захватить и разоружить их во что бы то ни стало. Ждать, однако, пришлось недолго: из дозора сообщили, что в село въезжает машина с немецкими солдатами. Мы подготовились достойно встретить «гостей».

Партизаны быстро укрылись за домами. Роберт Кляйн вышел на дорогу и остался у входа в комендатуру. Вскоре послышался рокот мотора и показалась машина. Роберт поднял руку, и машина остановилась. После коротких переговоров немецкий офицер вылез из кабины, отдал какое-то приказание солдатам и пошел вслед за Кляйном в комендатуру.

В кабинете коменданта его быстро разоружили. Офицеру было приказано заставить своих солдат сдаться, во избежание напрасного кровопролития. Мы надеялись все

сделать без шума, но на улице неожиданно раздались выстрелы. Выскочив из комендатуры, мы обнаружили следующую картину: немецкие солдаты залегли у машины и палили во все стороны. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не находчивость Роберта Кляйна. Он сбежал с крыльца и закричал по-немецки:

— Мы окружены партизанами! Сдавайтесь! Сопротивление бесполезно.

Солдаты подчинились и подняли руки. Оказывается, пока мы разоружали офицера, два немецких солдата самовольно покинули машину, вошли во двор комендатуры и обнаружили партизан. В панике они бросились обратно и подняли стрельбу. Однако бой закончился быстро. Партизаны захватили много оружия, боеприпасов и продуктов. Утром оружие и пленные были уже на партизанской базе.

Пленных допросили. Коменданта села Малый Букрин, не щадившего партизан и местных жителей, решили предать суду народных мстителей. На суде присутствовали и пленные немецкие солдаты. За совершенные злодеяния коменданта приговорили к расстрелу. Решение суда объявил Роберт Кляйн.

— Почему вы отнеслись ко мне так строго? — спросил коменданта.

— Ваши зверства достойны этой кары! — ответил Роберт.

— Ведь вы — немец, — заговорил опять коменданта, — а убиваете немца.

— Да, я немец, — строго проговорил Роберт Кляйн, — но мы караем вас не за то, что вы немец, а за то, что вы фашист и палач.

...Вскоре мы узнали, что нашему боевому другу, отважному партизану Кляйну присвоили высокое звание Героя Советского Союза.

Кляйн совершил с партизанским соединением Вершигоры знаменитый рейд на Сан и Вислу, храбро сражался до полной победы над врагом.

Сейчас Роберт Кляйн живет и работает в Туле, руководит крупным автомобильным хозяйством области. Отважный воин, славный патриот, он и сейчас упорно трудится на благо своей великой родины.

ЭШЕЛОНЫ ВЗЛЕТАЮТ НА ВОЗДУХ

Глубокая ночь. Мы сидим у костров на маленькой лесной поляне, окруженной дремучим лесом. Недалеко в темноте негромко перекликаются дозорные. Мы ждем самолет с Большой земли. А его все нет и нет.

— Мины... мины... — то и дело, тяжело вздыхая, говорит Бутенко.— Ах, как нам сейчас нужны мины!

На фронте идут тяжелые бои. Враг наседает. День и ночь на восток идут немецкие эшелоны с танками, пушками, снарядами. Вагоны набиты солдатами. Мы все это видим, но далеко не всегда можем помешать немцам, не можем помочь нашим братьям-фронтовикам.

Мы сожалеем, что земля Украины по преимуществу равнинная. Дороги здесь прямые — нет ни крутых поворотов, ни подъемов и спусков, где можно легко спустить под откос любой эшелон.

Чтобы выполнять задания, нам нужны мины. А их нет — они все израсходованы.

— Пять минут четвертого. Почему нет обещанного самолета? — посмотрев на часы, говорю я.— Сегодня нам обязательно потребуются мины. Это единственное, что мы просим у Большой земли.

— Если самолет не прилетит,— отвечает грустно Бутенко,— мы прозеваем важные эшелоны.

Немецкие эшелоны шли по железной дороге Казатип — Киев. Эта очень важная для немцев магистраль хорошо охранялась и действовала более или менее нормально. Вот почему мы должны были как можно скорее вывести ее из строя. Нам нужны, нужны мины во что бы то ни стало и как можно скорей!

Наконец где-то в темном небе послышалось монотонное комариное жужжение. Но только тогда, когда напряженный от долгого ожидания слух воспринял характерный рокот нашего авиационного мотора, мы все облегченно вздохнули. Через некоторое время самолет пролетел над тремя специально зажженными кострами и стал кружить. Командир выхватил ракетницу, и в небо одна за другой взлетели три ракеты. Снижаясь с каждым кругом все больше, самолет сбрасывал парашюты.

— Считайте, сколько парашютов! — крикнул я товарищам, и все быстро разбежались по поляне.

— Один... два... три,— считал Иван Гаман.

Последний круг самолет совсем низко прошел над поляной, словно приветствуя партизан, сильнее взревел моторами, взмыл вверх и пошел на восток. Через несколько минут над нами опять простирались безмолвное темное небо.

Мины есть. Теперь как можно скорее надо приступить к выполнению задания.

— Задание очень важное. Командование придает его выполнению серьезное значение,— сказал нам командир соединения Иван Кузьмич Примак и, обратившись ко мне, добавил:— Тебе поручается возглавить группу.

Мы вышли вчетвером: Григорий Алексеенко, Иван Гаман, Василий Бутенко и я. На рассвете добрались до сто двенадцатого разъезда. Здесь в ожидании нам пришлось провести два дня. Движение на дороге напряженное. Из-за усиленной охраны нам никак не удается проникнуть к железнодорожному полотну. Наконец на третий день решили идти на риск. Иного выхода у нас не было. Иван Гаман взял две мины с часовым механизмом и попрощался с нами. Он должен во что бы то ни стало взорвать вражеский эшелон.

— Ваня, ты хорошо изучил эти мины?— спросил Григорий Алексеенко.— Смотри, сам не взлети на воздух.

— Не беспокойтесь, друзья!— с некоторой обидой ответил Гаман.— Разве было когда-нибудь так, чтобы я не по адресу вручал «гостинцы» с Большой земли? Подорвется тот, кому эти мины предназначены.

Действительно, Иван Гаман был непревзойденным мастером своего дела. Никто в отряде лучше его не умел быстро и правильно разобраться в сложных системах секретных мин. К тому же он отличался храбростью, выдержанкой, хладнокровием. Об этих его качествах мы хорошо знали, но никогда не мешает напомнить товарищу об осторожности. Даже самая маленькая небрежность может помешать делу.

— Буду действовать по обстоятельствам. Останусь целым — встретимся в условленном месте,— спокойно сказал Гаман, крепко обнимая нас на прощание.

И он быстро направился в сторону разъезда. Мы уже знали, что туда прибыл большой эшелон с танками и тяжелыми орудиями. В голове эшелона, в середине и в конце его — охрана с крупнокалиберными пулеметами.

Пулеметы эти скорее всего предназначены для стрельбы по воздушным целям, чем для обороны от партизан. Солдат мало, а офицеров совсем не видно. Вероятно, эти немцы еще не напуганы и по сравнению с охраной других эшелонов чувствуют себя спокойно и даже несколько беспечно.

— Партизаны, наверное, не тревожили этот эшелон,— проговорил, отрываясь от бинокля, Алексеенко.— Смотри-те, тут даже и охраны особой нет.

— А что им особенно охранять?— заметил Василий Бутенко.— Танки с платформы не сташишь, да и орудия не столкнешь.

— Эх, удалось бы Вам подойти к этому эшелону,— размечтался я.— Он все поднял бы на воздух. Нельзя допустить, чтобы столько вооружения попало на фронт.

Тем временем Иван Гаман подбирался к эшелону. Шел он открыто, не таясь, надеясь, что его примут за деревенского парнишку, которых немало бродило тогда по станциям в поисках хлеба. Его тоненькая фигурка в ветхой одежде действительно напоминала изголодавшегося бездомного бродягу. Если немцы и заметили его, то не обратили никакого внимания и продолжали дремать у своих тяжелых пулеметов.

Все складывалось как нельзя лучше. Когда Гаман подходил к паровозу, поезд медленно тронулся. Ваня ловко, по-кошачьи, прыгнул вперед и зацепился за подножку тендера. Поезд быстро набрал скорость. Иван не успел подложить мины в нужное место, и ему пришлось ехать дальше вместе с эшелоном. Поминутно рискуя быть замеченным охраной — Гаман с большим трудом взобрался на тендер, заложил мины и стал спускаться по ступенькам.

Тут его заметил машинист. Высунувшись из паровоза, он погрозил партизану черным кулаком, приказывая прыгать. Иван сделал виноватое лицо и указал машинисту рукой вперед, что должно было означать: ему до следующей станции. Машинист успокоился, и голова его скрылась в паровозной будке.

Взглянув на часы, Иван с ужасом убедился, что до взрыва остается совсем немного времени. Что делать? Тяжело постукивая на стыках, поезд все больше и больше набирал скорость. Если прыгнуть, охрана заметит его

и наверняка расстреляют из автоматов. Но и оставаться на поезде дольше нельзя. Иван решается прыгать.

Быстро мелькают кустики травы на крутой насыпи, проносятся столбики-указатели. Еще стремительнее одна за другой в голове партизана проносятся мысли. Надо спрыгнуть и затаиться. Немцы подумают, что убился при падении, и, возможно, не станут стрелять. Впереди показался высокий песчаный холм. Это спасение. Долго не раздумывая, Иван отталкивается от ступенек, разжимает руки — и на холм. Удар о песок оглушает, но Иван пересиливает боль и лежит, притаившись, до тех пор, пока мимо него не проносится последний вагон.

Какая-то неведомая сила отрывает его от земли. Забыв про ушибы, Иван несется к спасительному лесу. Но добежать не успевает. Позади раздаются два страшных взрыва. Иван падает, снова больно ударяется о землю. Но теперь он уже не чувствует боли. Огромная радость захлестывает его: задание выполнено! И хотя ему дорога теперь каждая секунда, он задерживается, оглядывается, чтобы увидеть свою работу. Черные тучи дыма подымаются высоко в небо. Рвутся боеприпасы.

Славный подрывник Иван Гаман бежит к лесу, где его давно уже с великим нетерпением и беспокойством ждут друзья.

ЗАПАДНИЯ

Иван Кузьмич насторожился, обернулся ко мне и подал знак: «обожди». Прислонившись к ветвистой сосне, он долго и внимательно осматривался. Потом поманил меня рукой: «иди». Осторожно ступая, я последовал за ним.

Уже стемнело. Взошла луна. Свет ее рассеивался в густом лесу, и мы с трудом отыскали свою тропинку. Иван Кузьмич часто останавливался, прислушивался.

— Видишь вот ту одинокую избушку? — сказал он, подозревав меня.

— Вижу...

— Ну, если видишь, так сейчас туда и пойдем. — Он постоял, не двигаясь, потом добавил: — Только тише, и не отставай.

Я старался не отставать, хотя это было трудно: Иван Кузьмич — знаменитый партизанский ходок. Окна доми-

ка почему-то не были освещены. «Может быть, у хозяев нет керосина и они сидят в темноте», — думал я. Ивана Кузьмича отсутствие света тоже удивляло. Он обернулся ко мне:

У них собака была. Пора бы ей уж подать голос. Неужели у Семена Григорьевича побывало гестапо? Немцы и собаку могли пристрелить.

Мы остановились. В лесу стояла необыкновенная тишина. Даже почных птиц не слышно. Только в недалеком маленьком болотце одиноко квакала лягушка.

— А нам обязательно надо зайти в дом? — спросил я.
— Нельзя не зайти, — ответил Иван Кузьмич и тихонько вздохнул.

— Может быть, я пойду один?.. Безопаснее.

— Это верно, — сказал Иван Кузьмич. — Но Семен Григорьевич тебя не знает. Идти придется мне, а тебе ждать.

В конце концов решили все-таки идти вместе. Домик Семена Григорьевича расположен на крохотной лесной полянке. У самых окон — густой кустарник, а дальше — лес. Иван Кузьмич бесшумно открыл двери и смело вошел. За ним я. В темноте сразу ничего не разобрать. Наконец из печи послышался шорох, кто-то осторожно спустился на пол.

— Беда, Иван, — взволнованно зашептал человек, поздоровавшийся с нами. — И зачем вы пришли?

— Где рация? — спросил Иван Кузьмич.

— Я спрятал, — ответил хозяин, указывая рукой в сторону леса.

Иван Кузьмич подошел к двери и обнаружил, что она заперта спаружи. Мы оказались в западне. Ясно, что немцы намерены захватить нас живыми. Иван Кузьмич вернулся к нам и стал осторожно наблюдать через окно. Никого не видно. Луна зеленым светом освещает мрачный кустарник. Тихо.

— Окно открывается? — спросил Иван Кузьмич хозяина.

— Да.

— Приготовьтесь. Уйдем через это окно. Что нужно с собой — прихвати, — приказал Иван Кузьмич хозяину. — Вася, дай мне гранаты.

Я снял с пояса две связки гранат. Хозяин через минуту был готов в дорогу.

— Сейчас я открою окно и одну за другой брошу три гранаты,— сказал Иван Кузьмич.— Как только разорвётся третья, ты, Семен Григорьевич, прыгай и беги. А мы за тобой следом.

Открыли окно. Хозяин притаился у косяка. Сильной рукой Иван Кузьмич бросил гранаты. Немцы скрывавшиеся в зарослях, встрепенулись, в беспорядке побежали. Семен Григорьевич, Иван Кузьмич и я выпрыгнули и бросились к лесу.

Справа и слева застручили автоматы. Я старался не отстать от Ивана Кузьмича. Вдруг сзади вспыхнуло яркое пламя. Я оглянулся и увидел, что запылал дом, в котором мы только что были. Огонь прихватил и кустарник.

Неожиданно я потерял своих из виду. Куда бежать дальше? Я кинулся на дорогу, по которой мы с Иваном Кузьмичом пришли к дому. Вдруг вижу: кто-то впереди мчится со всех ног. Я обрадовался и побежал за ним. Пробежав немного, подумал: почему же впереди только один человек? Ведь должны быть двое! Или они тоже потеряли друг друга? И продолжал бежать.

Выстрелы прекратились, лес стал редеть. Бегущий впереди часто оглядывался. Я мысленно благодарил его: беспокоится, не отстаю ли я. Только через некоторое время я заметил, что впереди бежит... с винтовкой бежит немец? Долго не раздумывая, я выстрелил в него из пистолета. Он вскрикнул, бросил винтовку, остановился и поднял руки. Я подбежал, схватил винтовку и направил в него пистолет. Немец что-то говорил, но я был так зволнован, что ничего не мог понять.

—...Русс, гут! — разобрал я паконец и, сам не зная почему, рассмеялся.

Однако мне некогда было выслушивать перепуганного насмерть немца. Предстояло решить, что с ним делать. Я был уверен, что жандармы не станут преследовать нас ночью. Тогда в голову пришла мысль: а не взять ли немца с собой? Так я и поступил. Приказал ему идти впереди и направился к Днепру.

Уже под утро мы подошли к селу Бучак у реки, уловленному месту наших встреч. Пленника я посадил под пышное дерево, которых немало по берегам Днепра, и стал ждать товарищей. Вскоре я заметил лодку, а в ней человека, спокойно гребущего в мою сторону. Я по-

махал рукой. Рыбак подплыл к берегу, привязал лодку и направился к нам. Увидав немца, он сначала растерялся и вопросительно посмотрел на меня.

— Свяжи-ка, приятель, этому палачу руки, да покрепче,— попросил я рыбака.

Рыбак заулыбался и так крепко связал руки фашисту, что я побоялся за целость его костей.

Скоро пришли и наши. Иван Кузьмич и Семен Григорьевич принесли рацию. Они обрадовались, что я захватил языка, но еще больше тому, что я остался цел и невредим.

ВСЕ ДАЛЬШЕ НА ЗАПАД

Однажды Большая земля передала нам задание: ликвидировать гарнизон немецких солдат, расквартированный в двухэтажной казарме на Н-ском объекте.

Выполнять задание было поручено мне. Взяв из отряда тридцать человек, я отправился.

Не успели мы отойти достаточно далеко, как неожиданно на большой лесной поляне увидели людей в гражданской одежде. Оставив свою группу, я незаметно подошел поближе к ним, прислушался. Видимо, нас они не заметили и продолжали стоять, окружив какого-то пожилого человека и громко о чем-то разговаривая. Я вернулся и для выяснения направил к ним двух автоматчиков во главе с Мишней.

Вскоре автоматчики привели ко мне пожилого человека, болезненного и истощенного. Он снял свою старую черную шляпу и поздоровался с нами на не совсем чистом русском языке. Его глаза быстро пробежали по стоящим перед ним партизанам. Я попросил его сесть, указав на сухой валежник. Он не спеша уселся и, увидав командирскую со звездой фуражку комиссара отряда Константина Спижевого, спросил:

— Вы по правде русские?

— Русские, настоящие русские,— смеясь, ответил комиссар.

Он понимал, что старика смущал я.

Однако услышав от нас самих, что мы действительно советские партизаны, старик приветливо поздоровался с каждым за руку.

Потом стал рассказывать о себе. Он был членом ком-

мунистической партии Чехословакии. Показал нам членский билет. Подпольная организация, в которой он состоял, совершила много боевых дел. Он представил нам своих товарищей: их оказалось двенадцать человек.

— Все они коммунисты,— говорил старик.— Из разных дунайских стран. Венгры, болгары, румыны, чехи...

Новые товарищи влились в нашу группу. Они упростили нас взять их в дело на первое же задание. Мы согласились.

В этот же день к вечеру мы благополучно добрались в район казармы и стали ждать глубокой ночи, когда все улягутся спать. В половине первого благополучно и бесшумно сняли всех часовых.

Теперь надо было решать вопрос, что предпринять дальше. Обычно в таких случаях в казарму проникали один или два наших человека и извлекали затворы из стоявших пирамидами винтовок и карабинов. После этого враг был вынужден сдаваться в плен. Сейчас нельзя было так поступить: в казарме, по данным разведки, жили главным образом, немецкие офицеры, вооруженные пистолетами и ручными гранатами; это оружие находилось лично при них. Было принято решение взорвать казарму, подложив под нее четыре мощных мины.

Через несколько минут мины были подложены. Против двери казармы, на расстоянии примерно ста метров, мы установили два ручных пулемета. Были расставлены кроме того автоматчики, которые должны были взять под непосредственный обстрел все окна казармы.

Как только партизаны разошлись по своим местам, раздался страшный взрыв — все мины рванули одновременно. Кругом так загрохотало, что казалось, вздрогнули скалистые горы.

Нашим пулеметчикам и автоматчикам делать было нечего: из двухсот немецких солдат и офицеров никто даже не поднялся на ноги. Все они остались лежать под развалинами казармы. И еще долго, пока мы шли в обратный путь, позади себя видели зарево горевших развалин.

Это было первое совместное выступление патриотов Закарпатья и наших партизан.

Вскоре героическая Советская Армия полностью освободила Закарпатскую Украину от фашистского рабства.

...Пока же мы шли головным отрядом огромного наступления, шли все дальше в глубь вражеского тыла, все дальше на запад.

У СТАРЫХ ДРУЗЕЙ

Отгребела война. Советский народ вернулся к мирному труду. Страшные потери понесла наша страна, и вчерашние воины, стоявшие насмерть за свободу родины, с таким же упорством стали залечивать ее тяжелые раны.

Вернулся и я в свой родной Казахстан. Здесь, в кругу близких и родных, я постепенно стал забывать о трудностях партизанской жизни. Работа, учеба — все это захватило меня. Но проходило время, и я все чаще и чаще стал вспоминать о своих друзьях-партизанах. Где они? Что с ними? Как живут сейчас? Со многими я поддерживал переписку, а многих потерял. Товарищи настойчиво звали меня приехать в Киев, побывать в тех местах, где партизанили мы в годы войны.

И вот я в Киеве. Первым, кто встретил меня, был Алексей Васильевич Крячек — мой боевой товарищ, бывший врач партизанского соединения и храбрый воин. Теперь он врач киевской больницы имени Октябрьской революции. Его профессия сейчас так же важна для людей, как и во времена войны.

— Вася, как хорошо, что ты приехал,— говорил Алексей Васильевич, усаживая меня в свою «Победу». — Мы с тобой обязательно побываем во всех партизанских местах, повидаем друзей.

— Я очень хочу этого,— отвечаю ему.— Только из-за этого я и пустился в трудное путешествие.

...Едем по восстановленным, ставшим еще более красивыми просторным улицам Киева. Вскоре машина выносит нас на огромный мост. Даже не верится, что когда-то его фермы были обрушены в пенящуюся воду, из которой торчали изуродованные «быки». Выезжаем на автостраду Киев — Харьков. Алексей Васильевич везет меня в Хоцкое и в Понятовские леса. На пути село Винюша.

— Живет ли кто здесь из наших ребят? — спрашиваю я.

— Многих уроженцев этого села нет в живых,— отвечает мне друг и вздыхает.— Они погибли. Тут сейчас председательствует наш Сергей. Давай отыщем его и заберем с собой.

Машина сворачивает с тракта и мчится в сторону большого белого дома. Я догадываюсь, что это, видимо, правление колхоза. Пытаюсь вспомнить, о каком Сергеев говорит Алексей Васильевич. Но вспомнить не могу: в отряде немало было Сергеев.

— Какой Сергей? — наконец не выдерживаю я.— Шпиталь, что ли?

— Он самый.— Сергей Минович,— отвечает Алексей Васильевич.

Время вечернее, и мы не очень уверены, что председателя можно найти в конторе. Но когда машина остановилась у крыльца дома, Алексей Васильевич обрадованно сказал:

— Свет горит, значит, председатель на месте.

Мы зашли в контору. Из полуоткрытой двери председательского кабинета до нас долетали энергичные слова, словно кто-то отдавал отрывистые команды.

— Нам надо сдать пятьсот центнеров зерна государству сверх плана. Задача — перегнать соседей! — говорил Сергей Минович Шпиталь.

Я без труда узнал его голос.

— Гляди, он кроет так, как когда-то в лесу. Ох, живучи партизанские привычки,— толкнул меня в бок и хитро подмигнул Алексей Васильевич.

Пока Сергей Минович беседовал, очевидно, с членами правления, мы терпеливо выжидали в прихожей. Наконец все разошлись, и в кабинете остался один председатель.

— Кто там еще? — крикнул председатель, открывая перед нами дверь.— Заходите.

— У меня к тебе важное дело, товарищ голова — сказал я и первым переступил порог кабинета.

— Вася! — поперхнулся Сергей Минович.— Уж не с неба ли ты свалился?

Мы кинулись обнимать и целовать друг друга. Алексей Васильевич ходил вокруг нас, довольный эффектом от непредвиденной встречи двух старых друзей.

— Сейчас у меня горячая пора,— заговорил Сергей Минович, когда, наконец, кончились бурные привет-

ствия.— Это бригадиры у меня были, задание им на завтрашний день давал.

— Слышали, слышали,— иронически заметил Алексей Васильевич.— Ты шумишь так же, как шумел в партизанском отряде.

— Ну, други, прошу ко мне домой,— пропустив мимо ушей слова Алексея Васильевича, радушно пригласил Шпиталь.— Таким гостям я всегда рад.

— Э нет, партизанский начальник,— перебил его Алексей Васильевич,— сейчас едем к нам. Я уже давно предупредил свою мамашу, и она ждет нас с Васей. Собирайся с нами. К тебе мы и завтра успеем.

Сергей Минович не заставил себя уговаривать. Через полчаса мы уже мчались в село Козин, где жила мать Алексея.

В доме Алексея уже собирались бывшие партизаны, жители этого села. Я знал не всех, но это не помешало нам быстро подружиться. Старые воины, мы с полуслова понимали друг друга. Разговор, как бывает в подобных случаях, перешел в область воспоминаний.

Партизаны в который уже раз рассказывали друг другу о минувших боях, вспоминали погибших товарищей.

— Пусть они посидят здесь,— шепнул мне Алексей Васильевич, кивая на увлекшихся разговорами гостей,— а мы с тобой съездим к Косте Спижевому.

— Как это можно сделать? — удивился я, вспомнив, что Спижевой находится на другом берегу Днепра.— Сейчас второй час ночи. Кто нам в это время даст лодку!

— Не беспокойся,— шепнул Алексей.— Нам бы только выбраться незаметно. А то узнают — не пустят.

Осторожно, не привлекая внимания гостей, выходим на улицу и мчимся к Днепру. У берега долго кричим, просим лодку. Никто не откликается. От реки несет сыростью и прохладой. Вода, должно быть, холодная. Сентябрьский ветер гонит волны, и они глухо шумят.

— Вася, ты ожидай здесь. Я переплыну Днепр и притащу сюда Костю,— говорит мне Алексей Васильевич.

— Не дури, Алексей,— сержуясь я.— Здесь широко. Утонешь еще...

Но он меня не слушает, раздевается, бежит к берегу и бросается в воду. Я стою возле машины. До меня доносится плеск воды, слышно, как, громко отфыркиваясь,

уплывает Алексей. Вот все стихло. Я хожу по берегу и ругаю себя за то, что не удержал товарища. Осень, вода холодная. Все может случиться. Правда, нам приходилось во время войны много раз перебираться через Днепр по залитому весенней водой непрочному льду. Но тогда была другая обстановка, и сами мы были другими.

Наконец, уже отчаявшись дождаться друга, я услышал плеск весел.

— Алеша! Алеша! — радостно закричал я.

— Вася! Это ведь ты, Вася? Откуда ты появился? — шумит в ответ Костя, узнав мой голос.

Лодка приближается к берегу, и вот ко мне бегут двое. Товарищи крепко обнимают меня.

— Ведь Алексей ничего не сказал о твоем приезде! — взволнованно говорит Спижевой. — Прибежал ко мне домой, мать перепугал. Идем, говорит, — и никаких гвоздей. Прихожу на берег, а тут уже стоят Ломако и братья Горовенко...

— Друзья, — перебивает пас Ломако, — хорошо, что мы снова вместе. Много лет назад в этот день мы потеряли своих дорогих товарищей: Пероцкого, Шевченко, Романенко...

...Сентябрь 1943 года. Партизанское соединение имени Чапаева на левом берегу Днепра встретилось с передовыми частями наступающей Красной Армии. Партизаны должны помочь регулярным частям форсировать Днепр у села Григоровка.

Обеспечить переправу поручили третьему отряду. Нужны были отважные люди, хорошо знающие местность. Из патриотов Ржищевского и Переяславского районов организовали боевую группу, в которую входили жители Григоровки. В ту же ночь они переправились через Днепр и атаковали части немецкой армии, занимавшие Григоровку.

Три часа длился кровопролитный бой. И все же партизаны захватили село. Немцы бежали, оставив оружие, множество убитых и раненых. Партизаны вышли за село и захватили правобережные холмы, господствовавшие над местностью. В этом бою геройски погибли наши славные товарищи: Пероцкий, Шевченко и Романенко.

И вот мы стоим на том самом месте, где кипел бой за Днепр. Перед нами в ночной темноте угадываются холмистые берега, за которыми тянутся Понятовские леса —

наш бывший партизанский дом. Некоторое время стоим в торжественном молчании на берегу славной реки.

— Ну, едем,— говорит Алексей Васильевич.— Нас ждут.

Так и прошла вся ночь в воспоминаниях и разговорах. А рано утром мы все отправились в Хоцкие леса.

Углубившись километра на три в Хоцкие леса, Алексей Васильевич остановил машину.

— Вася,— обратился он ко мне,— ты помнишь то толстое дерево?

Мы вышли из машины и тихонько пошли за Алексеем. Когда впереди показался клен, широко раскинувший свою могучую крону, передо мною как живой стал Гриша Проценко. Здесь, будучи смертельно раненным, он просил нас в последние минуты не оставлять его тело на поругание фашистам.

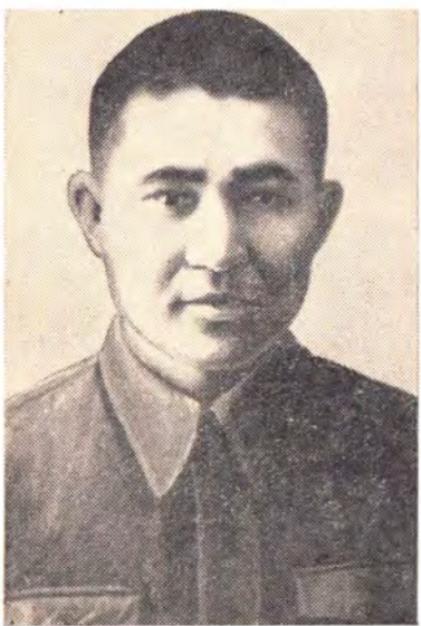
— Вася,— тихо сказал Алексей Васильевич,— наш дорогой друг покоится здесь с тех пор, как мы его с тобой похоронили. Эти цветы посадили дети из нашего села. Они часто приходят сюда, приносят венки. Гриша Проценко был настоящим патриотом, сыном своей великой родины, за которую отдал свою молодую жизнь.

* * *

Много наших земляков с небывалым героизмом сражались против фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны на земле, временем оккупированной врагом. Храбро сражался Усембай Тастанбеков — партизан отряда полковника Хлебцова. Родился он в 1919 году, в колхозе имени Джамбула Каскеленского района Алма-Атинской области.

* * *

В один из суровых дней Великой Отечественной войны Хамза Қазыбаев со специальным заданием был заброшен во вражеский тыл. Поначалу он был в партизанской группе Ажигали Жумагалиева, затем в специальном отряде имени Ганаева возглавил взвод разведки. С особо цennыми сведениями не раз переходил линию фронта.

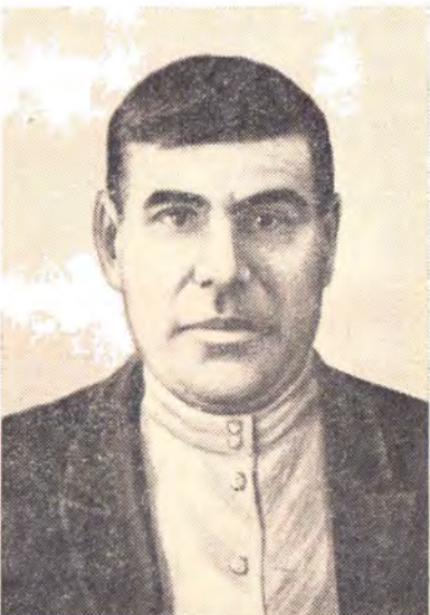
Усембай Тастанбеков

Хамза Казыбаев

Сейтхамза Мусаканов

Петр Панченко

Хамза Казыбаев родился в 1922 году в Казаталовском районе Западно-Казахстанской области. Он был заброшен в тыл врага во Львовской области. В партизанском отряде он проявил себя выносливым, мужественным бойцом.

* * *

Сейтхамза Мусаханов, как и Хамза Казыбаев, не раз приземлялся на парашюте во вражеском тылу со специальными заданиями. В партизанском отряде имени Чапаева и отряде Жумагалиева (Украина) проявил себя храбрым бойцом.

* * *

Наш земляк тюлькубасовец Петр Панченко был пулеметчиком в прославленном партизанском полку Садчикова. Только в одном бою от пулеметного огня Панченко погибло пятьдесят два фашиста.

ЛЕСА ШУМЯТ

Вечером командир отделения пулеметчиков Нурым Сыдыков написал домой в Нарынкол, что полк, в котором он служит, выведен из Брестской крепости в летние лагеря. «Живем в палатах в лесу. Воздух смолистый, здоровый, а по вечерам поют соловьи».

На рассвете его разбудил гул моторов и взрывов. Быстро одевшись, Нурым стал всматриваться в предутреннюю голубизну неба. С запада, покачиваясь, плыла девятка тяжелых самолетов. Они покружили над городом, развернулись и пошли на снижение к крепости. Тревогой обожгло сердце.

В крепости заработали зенитки. Их снаряды рвались около самых «юнкерсов», образуя белые клубочки. Наконец головной самолет задымил и, объятый пламенем, пошел книзу. Он где-то исчез в лесу. Боевой строй «юнкерсов» дрогнул. Фашистские летчики начали

Нурым Сыдыков

Сергей Шиканов и Нурым Сыдыков.

и беспорядке сбрасывать на крепость бомбы. Взрывы следовали один за другим. Густые клубы дыма заволакивали небо. Красные языки огня были видны издалека.

Не успела первая группа самолетов скрыться за горизонтом, как шла уже вторая. Сначала бомбили крепость, потом город.

— Тревога! Тре-во-га-аа!.. — запоздало кричали часовые, дневальные.

— Война! Немцы напали.

* * *

Командир третьей пулеметной роты 125-го полка лейтенант Сергей Шиканов в это время спешил к своим бойцам. Накануне он решил заглянуть на свою городскую квартиру и там заночевал.

По шоссе, отчаянно гудя, быстро неслись грузовики, пустые и груженые. Попытки остановить машину были

тщетными — шоферы не обращали внимания на лейтенанта. Пришлось вынуть из кобуры пистолет. Это подействовало — пустой грузовик, ехавший в сторону южного городка, подбросил Шиканова.

У моста через Муховец они догнали колонну танков. На броне машин были сложены ящики с патронами. И Шиканов тотчас же подумал о том, что патронов у него в роте почти нет. Он остановился около головного танка, представился командиру колонны и попросил поделиться боеприпасами.

Танкисты быстро набросали ящики в кузов грузовика. Теперь пулеметы Шиканова были обеспечены «пайком» — он вез около двадцати тысяч патронов.

К приезду командира в часть рота была построена на линейке у палаточного городка. Шиканов приказал бойцам немедля нанизывать пулеметные ленты. В двух других пулеметных ротах, расположенных по соседству, не было никого из командиров — они, видимо, не смогли выбраться из города — и Шиканов принял на себя общее руководство.

— Командиру отделения Сыдыкову приказываю выставить станковый пулемет на стыке рот!

Вскоре над расположением появились немецкие самолеты, и роты выдержали жестокую бомбёжку. Но, когда вслед за этим на дороге показалась мотоколонна противника, их встретили пулеметными очередями в упор. К ротам Шиканова примкнула и группа пограничников, отходивших с ближайшей заставы. Вместе с ними пулеметчики весь день вели бой, прикрывая отступление наших войск, а вечером сами начали двигаться на восток.

Но уже в тылу у них была танковая колонна немцев, и бойцы оказались отрезанными от основных частей Красной Армии.

Первую военную ночь они провели в лесу у деревни Франополь. Под командованием лейтенанта оказалось всего двести пятьдесят человек — и свои, и присоединившиеся к отряду из других частей.

В ту ночь Шиканов дважды вызывал к себе пулеметчика Сыдыкова и приказывал обследовать московскую шоссейную дорогу — Шиканов хотел увести отряд в Беловежскую пущу. Но каждый раз Сыдыков докладывал, что по дороге движутся большие колонны вражеских солдат и танков.

Пытались пробиться, но, потеряв несколько человек, снова отступали. Только на следующую ночь удалось проскочить шоссе, когда движение вражеских войск немного ослабло.

Теперь отряд Шиканова находился в густом Старосельском лесу Кабинского района Брестской области.

* * *

Косой дождь хлестал в лицо. Проселочная дорога была разворочена проходившими здесь танками и самодной артиллерией. Кое-где виднелись воронки от разорвавшихся бомб.

Пришли в небольшой хутор, свободный от немцев.

Нашли лошадям сено, заночевали. Ночь прошла без происшествий.

Рано утром снова в путь. А когда солнце было уже на закате, бойцы добрались до большого селения.

— Это и есть Старосельское? — спросил Сыдыков у Шиканова.

— Да, здесь живет и работает коммунист, председатель сельского Совета Михаил Чернак. О его хороших делах я слышал уже давно, — сказал Шиканов.

Отряд вошел в село. Сыдыков и Шиканов направились в здание сельского Совета. За столом, откинувшись на спинку кресла, сидел уже не молодой широкоплечий человек.

— Вы председатель сельсовета Михаил Никитович Чернак? — спросил Сыдыков.

— Я, — ответил тот.

— Знакомьтесь, лейтенант Шиканов, а я Нурым Сыдыков.

— Очень рад встрече. Что вы собираетесь делать?

— Хотел бы с вами посоветоваться, Михаил Никитович, — начал Шиканов. — Пути отхода все отрезаны. Идти дальше некуда. Думка есть — создать партизанский отряд. Да имеется загвоздка: нет у нас продовольственной базы.

— Что ж мысль хорошая. А насчет снабженческой базы... потолкуем с народом.

Вскоре к зданию сельсовета пришли многие сельчане. Разговор о снабжении партизан продуктами был короткий. Люди села молча согласились по мере своих сил

поддерживать советских бойцов. К ним присоединились жители и других сел.

Началось формирование отряда. Вечером в лесу собрались комсомольцы, коммунисты и актив патриотов. С речью выступил лейтенант Шиканов.

— Мы решили создать партизанский отряд. Вступление в него — дело добровольное. Каждый должен подумать, готов ли он к тому, что придется вынести. Жизнь партизанская будет полна риска. В тылу врага всякое может случиться. В нашем отряде должны быть люди, сильные духом.

Так зародился первый партизанский отряд в Белоруссии.

Среди тех, кто присоединился к группе Шиканова, были всякие люди. Одни считали, что партизанские действия обречены на провал и поэтому решили двигаться дальше на восток, пробираться к фронту. Другие, испугавшись трудностей и опасностей лесной жизни, уходили на поселение в деревни. Третьи, а их было мало, поверили лживым обещаниям немецких листовок и сами явились в полицию, чтобы испытать потом до дна чашу позора и народного презрения. Словом, в отряде осталось шестьдесят пять человек — главным образом бойцы третьей роты и пограничники. Но зато это были люди, которым доверяй, как самому себе, пройдут через любые испытания.

Именно таким оказался Нурым Сыдыков. Он был назначен командиром пулеметного отделения, а несколько позже командиром партизанского взвода.

Маленький, круглолицый, необычайно подвижной и ловкий Нурым Сыдыков соединял в своем характере лучшие качества солдата — бесстрашие и решительность, большую выносливость и неистощимый запас оптимизма. Его лицо всегда улыбалось, и только в бою, когда Нурым сжимал приклад винтовки или пулемета, лицо его становилось злым и жестким, и узкие глаза с зоркостью степного охотника ловили в прорезь прицела далекие фигуры гитлеровских солдат. Во все остальное время он был неизменно весел, умел поднимать настроение партизан даже в дни поражений и неудач. В своего командира Шиканова Нурым был влюблён, считал его лучшим человеком и, не задумываясь, отдал бы за него жизнь. А тот отвечал ему взаимностью. Плечом к плечу

проходили они через годы партизанской борьбы, сохрания и укрепляя свою большую сердечную дружбу.

Ночью отряд ушел в глубь леса. В авангарде со взводом разведки шел командир Чернак. К утру достигли места назначения. Кругом труднопроходимые места, лесные завалы. Нашли и расчистили поляну, построили блиндажи, замаскировали крыши. Тут же у блиндажей и землянок под деревьями стояли телеги. Фыркали и ржали лошади, перекликались люди, поляна оказалась заполненной суетной жизнью. А вокруг нетронутой степной смыкался лес, шумевший глухо, таинственно.

— Тут можно жить с шиком,— шутил Нурым.— И даже бесбармак варить...из немецких консервов...

* * *

В землянке тускло горела «летучая мышь». За столиком сидел лейтенант Шиканов и готовил отчет о деятельности партизанского отряда для штаба Брестского партизанского соединения, который возглавлял первый секретарь обкома С. И. Сикорский. Шиканов был задумчив и сосредоточен. Писал он коротко и лаконично.

«Разбито 5 автомашин. Уничтожено 50 фашистов. Повешены 2 провокатора. В село Старосельское гитлеровцы входить боятся. Это территория партизанская, советская. В этих операциях отличился командир пулеметного отделения Н. Сыдыков.

Декабрь, 1941 г.».

В ночь под новый 1942 год Шиканов собрал заседание штаба. Обсуждался вопрос о боевых операциях. Решено было сделать вылазку на село Радоновичи: уничтожить там полицейский участок, захватить продовольствие, часть его увезти с собой, остальное раздать населению.

...Когда лес окутала тьма, отряд вышел на боевую операцию. Партизаны двигались по глубокому рыхлому снегу. Показались силуэты домов. Партизаны бесшумно вошли в деревню и цепочкой двинулись к полицейскому участку. В селе тишина. Каратели после попойки спали. Тихо подошли к зданию, где размещались полицейские. Напротив залег пулеметный расчет.

Сыдыков с группой бойцов подкрался к часовому. Часовой дремал на крыльце. Нурым ударил его прикладом

*Хамид Смагулов
среди партизан.*

автомата по голове. Тот упал. Постучали в дверь. Послышался сонный голос:

— Что тебе надо, черт?

— Отопри! — произнес Сыдыков.

Щелкнул ключ — и на пороге в одном белье появился полицейский. Завидев группу партизан, он шарахнулся назад и с силой попытался захлопнуть за собой дверь. Но было поздно. Партизаны ворвались в помещение.

Полицай соскочили с постелей, но под дулами автоматов попятались назад.

— Спокойно, господа. Ваша песенка спета. По одному выходи! — скомандовал Нурым.

С поднятыми вверх руками, дрожа от страха, пятнадцать полицаев один за другим направились к выходу.

А вскоре к амбару подъехали две санные упряжки. Посбивали замки с дверей складов, стали нагружать мешки. В это время на улице появились люди. Они несмело выходили из своих домов.

— Боец Смагулов Хамид, ко мне! — крикнул Сыдыков.

Подбежал боец в коротком овчинном полушибке, на плече немецкий автомат.

Смагулов в отряде боец новый. Только недавно бежал с группой военнопленных из лагеря смерти БелаПодлеска и присоединился к отряду. Он был из Казахстана и, видимо, потому рьяно исполнял приказания своего командира-земляка.

— Беги к жителям и скажи, чтобы шли сюда и разбирали зерно.

Вскоре собрался народ.

— Берите, берите, товарищи! Побольше! Это народное добро, оно и должно достаться народу,— сказал Сыдыков.

— Спасибо, дорогие! А кто же вы будете? — спросила его пожилая женщина.

— Советские партизаны.

— А вы, дядя, командир ихний? — спросил курносый подросток у Сыдыкова.

— А что тебе? Почему спрашиваешь?

— Объявление из комендатуры пришло. Немцы большую награду хотят дать тому, кто поймает командира,— пояснил подросток.

— Ну и поймай его,— пошутил Сыдыков.

— Нет, что вы, дядя! Разве можно своих фашистам продавать...

После этой операции в окружающих деревнях разнеслась весть о разгроме гитлеровского гарнизона в Радоновичах. Среди населения шла молва о том, что советские части скоро предпримут наступление на другие села.

А отряд в самом деле рос и ширился. К лету 1942 года в нем было более двухсот пятидесяти человек.

После новогодних событий пошли дни, полные боевых дел.

Партизанский отряд расширял зону действий. В отряд пришли и женщины: М. Трошина, М. Мединская, Бобкова и жена командира Галя.

В июле 1942 года около города Ковеля отряд принял первый бой с численно превосходящими силами противника. Против ста партизан был направлен большой карательный отряд автоматчиков. После длительного кровопролитного сражения партизаны отошли в лес.

У местечка Макрани на ковельской шоссейной дороге народные мстители устроили засаду. Операцией руководил командир взвода Сыдыков. Десять грузовых автомашин с небольшим интервалом двигались по дороге. В кузовах сидели вражеские солдаты. По сигналу Нурыма партизаны со всех сторон открыли ураганный пулеметный огонь. Более ста гитлеровцев нашли могилу на советской земле. Девять машин были подожжены, в том числе одна со шнапсом. Операция эта длилась не более двух часов. На одну из уцелевших машин партизаны

погрузили многочисленные трофеи и начали отходить в лес.

Узнав о дерзком налете, гитлеровские каратели послали против небольшого отряда полк автоматчиков. Началось преследование. В одном месте ребят прижали к реке. Положение становилось критическим. Форсировать реку было не на чем. И тогда боец Смагулов вместе с Сыдыковым пригнали с противоположной стороны парам и организовали быструю переправу партизан.

2 мая 1943 года большой отряд гитлеровских головорезов под командованием оберштурмфюрера фон Брауна неожиданно ворвался в село Старосельское и учинил жестокую расправу над местными жителями.

Был схвачен и расстрелян один из основателей партизанского отряда — Михаил Никитович Чернак. В этот же день были казнены пятьдесят невинных жителей села.

Выбив из села палачей, партизаны поклялись над могилой своего товарища жестоко мстить за смерть отважного командира.

К этому времени в отряде насчитывалось более шестисот человек, несколько орудий, минометы. Отряд стал громоздким, трудноуправляемым. Было решено разбить его на два самостоятельных отряда. Причем один из них назвали отрядом имени Чернака. Командиром отряда стал Козырев. Заместителем отряда и командиром первой роты был назначен Нурым Сыдыков.

* * *

Однажды, когда только зарозовел восход, со станции Брест в отряд имени Чернака пришла группа вооруженных людей. Они пробирались через почерневшее поле, потом лесными тропами, устланными листвами.

Из-за толстых стволов сосен за ними наблюдали пытливые глаза дозорных. Послышался свист, и перед пришельцами как из-под земли выросли три партизана. Вскинув на изготовку автоматы, они приказали остановиться. Подошел Сыдыков и, узнав своего связного Николая, проговорил:

— Пропустите. Это наши. А где старший?

Подошел высокий стройный юноша.

— Значит, решили к нам?

— Да, веду пополнение, пришлите, — ответил юноша.

Пошли в лагерь. На полянке слышался говор и смех, пахло горьковатым дымом. Командир отряда Козырев стоял среди группы партизан и оживленно беседовал. Завидев Сыдыкова и незнакомых с ним вооруженных людей, он направился в их сторону.

— Принимайте подкрепление, товарищ командир, — произнес Сыдыков.

— Знаю, знаю. Мне товарищ Сикорский сообщил.

В штабной землянке шла задушевная беседа. Командир группы Михаил Фомич Стрельников рассказывал о себе. Воевал на гомельском направлении. Попал в плен и был отправлен в Польшу, откуда бежал и организовал партизанскую группу, действовавшую на территории Польши.

Стрельников был назначен командиром роты диверсионных групп. В состав их вошли воины из Казахстана — командир взвода И. А. Ерошенко, рядовые Темирханов, И. О. Булаев, Ержигит Балабеков, Амантай Данияров.

Вошел подрывник Иван Ерошенко. Со своей группой он вернулся с боевого задания. Ерошенко не умел докладывать без юмора. Увидев незнакомого человека у Козырева, он хотел было уйти назад, но командир остановил его.

— Ну, как дела, товарищ Ерошенко?

— Дела добрые. Одного эшелончика нет. Подошли мы это к «железке» и чуем далекий гудок. Фрицы нас, стало быть, кличут подождать. Мы на полотно да взрывчатку под рельсы, а сами от дороги.

— Смотрим, паровоз по-е-х-а-л за кустики. Одним словом, тридцать вагончиков с гитлеровцами... уже на том свете.

Козырев подошел к подрывнику и дружески похлопал его по плечу.

— Хорошо. Спасибо. А теперь познакомься с будущим своим командиром и идите отдыхать.

— Вот видите, какие у нас орлы.

— Да, с такими молодцами, да еще моими земляками-казахстанцами можно бить фашистов, — сказал Стрельников.

Нурым Сыдыков был в командирской землянке, когда из штаба Брестского партизанского соединения сообщили, что двадцать второго-двадцать третьего июля 1943 г. в Старосельское направляется карательный отряд численностью в триста человек с целью забрать выращенный урожай и уничтожить партизанский отряд имени Чернака. Разведчики передали, что со стороны шоссейной дороги дозорные посты обнаружили группу гитлеровцев в двадцать человек, которая продвигается вдоль лесной опушки.

Обо всем этом Сыдыков, ставший к этому времени командиром роты, доложил Козыреву и начальнику штаба Хомичу и спросил:

— Что предпринять, товарищ командир?

— Усильте боевое охранение вдоль шоссейной дороги. Ведите за противником наблюдение. Это, вероятно, разведка гитлеровцев. Если они будут углубляться в сторону лагеря, уничтожить,— сказал Козырев и тут же велел предупредить об опасности соседние отряды.

— Встречать есть чем. Давайте думать, как встретить.

Сыдыков изложил свой план отражения атаки карателей.

— Поставим засады. Потом вместе с другими ротами ударим по врагу еще на подступах к селу. Враг, может, захочет окружить нас и уничтожить в кotle,— сказал он.

— Они, возможно, намечают глубокий обход и захват плана нашей обороны, затем хотят окружить,— заметил начальник штаба Хомич.

— Я об этом и говорю,— продолжал Сыдыков.— Думаю, что нам надо в разные стороны направить ударные группы, тогда немцы тоже разобьют своих на мелкие группы. Легче будет бить их. Моя рота двинется к деревне Чернянь, заляжет у шоссейной дороги и встретит «гостей» шквальным огнем. А вторая рота — с юго-восточной стороны. И тогда мы сможем зажать их в тиски.

Чуть занялся рассвет — на командный пункт прибыл связной. Сказал, что колонны карателей длинной цепью движутся вдоль опушки. Автоматчики уже вклинились в лес, юго-восточнее лагеря.

— Пусть идут, там их встретят, как подобает,— сказал Козырев.— Сейчас идите к Сыдыкову и передайте, что я остаюсь на центральном участке обороны. Сообщите о ходе боя.

Разведка Сыдыкова донесла, что на опушке с южной стороны каратели установили минометы, а с юго-западной большое количество фашистов движется к лесу.

— Значит, идут полукольцом и хотят оттеснить нас к озеру,— предположил Сыдыков.— Тактика их понятна: зажать лагерь в подкову и блокировать.

С левой стороны ухнула мина, за ней последовали густые разрывы. Донеслись резкие автоматные очереди.

— Началось...— проговорил кто-то из ребят.

Как по сигналу, со всех сторон каратели открыли бешеный автоматный и пулеметный огонь. В расположение роты полетели мины. Они рвались позади, в болоте. Разрывы их были глухими, как под землей. Партизаны прижались к земле, за толстыми елями и соснами, в ожидании атаки противника.

С правого фланга, где держала оборону 2-я рота слышалась бешеная пальба. Она ни на минуту не утихала. Слышны были взрывы гранат: там шел жаркий бой.

Сыдыков смотрел в бинокль.

— Идут цепи. Приготовиться к бою! Стрелять только по команде! — распорядился Нурым.

Вот и автоматчики. Они в двухстах метрах. Их мундиры сливаются с зеленью кустов. Партизаны замерли в ожидании команды. Пулеметчик Гриша плотно прижался к «максиму» и смотрит через щит на движущиеся фигуры карателей. Гитлеровцы уже в ста метрах. Слышен их говор. Сыдыков дает команду:

— По фашистам, огонь!

Ливень свинца обрушивается на карателей. Видно, как они падают от метких пулеметных и автоматных очередей. Дрогнули цепи фашистов, с криком откатываются назад.

— Вперед!— раздается команда ротного.

Партизаны, прижимаясь к деревьям, поливая автоматным и пулеметным огнем бегущих карателей, мелкими перебежками ринулись вперед. Сыдыков настолько увлекся боем, что не заметил, как к нему подошел связной.

— Товарищ Сыдыков! Я от командира отряда. Он вел передать, что на левом фланге все атаки карателей отбиты, враг откатывается. Командир просил узнать, какие будут донесения.

— Передайте командиру: бить фашистов до полного разгрома,— крикнул Сыдыков.

Каратели залегли. На какое-то мгновение пальба прекратилась. Нурым подошел к пулеметчику и спросил его:

— Ну, как дела?

— Пулемет сильно греется,— ответил тот.

— Ничего, держись, твой «максим» должен работать безотказно,— проговорил Сыдыков.

Неожиданно из тыла раздалась автоматная очередь. Пули со свистом пролетели над головой Нурыма. Он прижался к разлапистой ели и стал всматриваться в сторону, откуда прозвучала автоматная очередь. Подполз партизан и прокричал:

— Ложитесь, командир! Там фашистская кукушка.

— Да, гад, просочился в наш тыл. Он может наделать беды,— покачал головой сержант Сидоров.

Опять ударила короткая очередь. Сержант схватился за ногу.

— Гад, ногу прошил,— морщась от боли, проговорил он.

Грянул выстрел. На землю с толстой ели упало мертвое тело гитлеровца.

Со свистом пролетели мины над головой и разорвались недалеко от пулеметного расчета.

— Пулеметчик убит! — крикнул кто-то из партизан.

Сыдыков подбежал к пулеметчику. Он лежал мертвый, уронив голову на пулемет. Глаза Нурыма сверкнули гневом.

— Отомстим за тебя, дорогой товарищ! — процедил он.

Каратели, открыв убийственный пулеметный и минометный огонь, предприняли атаку. Они шли во весь рост. За пулемет лег ротный. В его руках «максим» веером чесал по фашистским цепям. Первые цепи рассыпались, но их сменяли другие.

— Психическую захотели,— проговорил Сыдыков.— Рубанем, товарищи, по психической!

Заработали пулеметы, затрещали винтовочные выстрелы, в ход пошли гранаты. С левого фланга, прорвав

цепи карателей, с криком «ура» вел в атаку партизан командир отряда. Фашисты дрогнули и бросились наутек.

— В атаку! Вперед! — прозвучал голос Сыдыкова. И он с маузером в руке поднялся во весь рост.

Партизаны в едином порыве вслед за своим командиром ринулись в атаку.

— Бей! Бей гадов! — слышались голоса партизан.

Когда Сыдыков с ротой достиг опушки леса, с правого фланга подходили бойцы 2-й роты. Размахивая шапками, они бежали навстречу друг другу. Громкоголосое «ура» катилось по лесу. А в это время на шоссе заурчали моторы. Разбитые каратели спасались бегством на автомашинах.

Бой шел девять часов. Было убито более ста фашистов. Партизаны устали, но, окрыленные победой, они бодро шагали по лесным тропам. Тихо стало в лесу, только по-прежнему шумели сосны — немые свидетели жаркого боя.

...В конце июля, после разгрома крупной карательной экспедиции фашистов у села Озито, партизаны нанесли еще один сильный удар по гитлеровцам.

Партизанская армия брестской зоны ни днем ни ночью не давала покоя фашистским оккупантам. В августе партизаны совершили внезапный налет на станцию Каменка на железной магистрали Брест — Ковель, разгромили крупный фашистский гарнизон и взорвали водокачку.

* * *

Старый прибугский бор. Тонкими извилистыми нитями вьются укрытые таинственные партизанские стежки. В глубине леса разместился партизанский лагерь. Вокруг тихо. Только ветер, забравшись в высокие вершины деревьев, чуть клонит их к долу и шепчется с игольниками сосен. Часовые, с карабинами наперевес, молча стоят на своих постах.

Сыдыкову не спалось. Он не раз выходил из своей палатки и долго любовался прелестью летней ночи, яркими звездами и бледным месяцем.

Было уже около полуночи, когда партизанка Аня принесла шифровку. Сыдыков при свете фонарика быст-

ро прочитал ее и на какое-то мгновение замер в раздумье. Центральный штаб партизан приказывал срочно парализовать движение на железной дороге, по которой немцы перебрасывали большие подкрепления на фронт.

Сыдыков быстро вошел в палатку командира отряда и показал телеграмму.

В палатку начали собираться командиры отрядов и групп. Когда все были в сборе, Козырев достал из полевой сумки радиограмму и огласил ее содержание.

— Теперь понятно, зачем я вас вызвал?

— Понятно,— в один голос ответили командиры.

— Чем мы можем помочь фронту?

— По-моему, надо все наши силы направить на железные дороги,— произнес начштаба Хомич.

— Правильно,— сказал Козырев,— немецкое командование по железной дороге Брест — Ковель перебрасывает на юг десятки воинских эшелонов. Нужно парализовать движение на этом пути.

— Ударить надо так, чтобы на Волге услышали.

Командиры оживились и плотно обступили стол, на котором лежала карта.

— Задача не из легких,— заметил кто-то.

— Операция сложная, но осуществить ее мы должны,— спокойно сказал Козырев.

— И тогда «железка» надолго выйдет из строя,— добавил Хомич.

* * *

...Скупые и лаконичные донесения о боевых действиях партизанского отряда имени Чернака сохранились до наших дней. Вот несколько из них;

«21-22 октября 1943 года. На Брестско-Московской железной дороге, в районе дер. Косачи и Задворце, взорван вражеский эшелон.

В результате взрыва, по сведениям разведки и местного актива, полностью уничтожен паровоз, разбито и повреждено 54 вагона. Из них 4 вагона с живой силой, а остальные с боеприпасами и обмундированием. Движение по железной дороге приостановлено на 15 часов. Убито и ранено до 120 гитлеровцев. Отличились Н. Сыдыков и И. Ерошенко».

«22-23 июня. На Брестско-Ковельской железной дороге между полустанками Каменка и Закрутин под сильным оружейно-пулеметным огнем противника отрядом произведен массированный удар по рельсам. Взорвано 204 рельса. Отряд отошел без потерь.

Для восстановления железной дороги противник перенес запасные рельсы со станции Брест. Движение по железной дороге было приостановлено на двое суток... Отличились Н. Сыдыков, А. Пугач и другие.

*Командир отряда им. Чернака Козырев.
Начальник штаба отряда им. Чернака Хомич».*

ПАРТИЗАНСКАЯ СЕМЬЯ

— Мне и во сне не снилось, что стану партизаном,— начал свой рассказ о партизанской жизни Жилбек Агадилов.

— Вспоминаются первые часы, дни войны.

...Утром 22 июня по тревоге весь эскадрон был поднят на ноги. В небе появились самолеты. Одна за другой вспыхивают и гаснут ракеты. Все мечутся. Команда: «По коням!» Срочно выступаем. Переправились через реку и получили приказ командования отступать. Два наших взвода остались для прикрытия. Ближайший аэродром пылает, а наши семьи остались на том берегу. Нам было дано задание прикрыть отступление нашей дивизии. На завтра мы столкнулись с фашистами...

Пока отбивали их атаку, отстали от своего полка. Противник, вопреки ожиданиям, оказался у нас в тылу. Он занял большую дорогу. Мы вошли в густой лес, решили дать бой, чтобы прорваться к своим. Операцию возглавил наш старший политрук.

Нас было человек пятнадцать. Все мы одновременно открыли огонь. Гитлеровцы от неожиданности разбежались. В бою погиб политрук. Жаль, что не записал его фамилии. Это был действительно герой.

Этот бой явился нашей первой победой. Она придала нам силы. С этого дня началась моя партизанская жизнь.

Однажды мы, небольшая группа разведчиков, сделали вылазку на хутор Лузганков и его окрестности, чтобы связаться с партизанами и объединить силы. Населению известно, что в этих лесах есть партизаны, немного знают

и о нас. Для жителей сел партизан Адий Шарипов был «Саша», я — «Жорж». У каждого есть кличка. Через жителей узнаю иногда о своей жене Жамал, которая тоже осталась на том берегу реки.

Мы обошли село, спрятались в стога сена, стали осматривать местность. Здесь немцы держат население в постоянном страхе, расстреливая и избивая невинных. О том, что есть партизанский отряд или нет его, мы ничего не узнали.

Нас было шестеро. Дважды и две ночи пробирались мы по бездорожью, через перелески, овраги и пришли в какой-то лес, но отряда своего не обнаружили, догнали его только в Клетнянском районе Брянской области. Я доложил командиру отряда Шевцову о наших безрезультатных поисках.

Новый год встречали в окрестностях Клетнянска. Там мы разбили лагерь, начали готовиться к зимовке. Но вот нагрянули фашистские самолеты и стали бомбить наш лагерь. Люди кое-как укрылись в лесу. Сам же я был ранен. Бомба попала в нашу землянку, некоторые не успели выскочить из нее. Прибежал в лес, товарищи перевязали раненную руку. В Клетнянском лесу пробыли два месяца.

Трудно передать словами эти два зимних месяца. Тяжело пришлось партизанам. Вели бои с карательными отрядами. Приходилось то наступать, то отступать. Трудно было добывать продукты питания, рыть землянки. Обувь быстро приходила в негодность в сыром, холодном лесу, кое-кто ходил в лаптях, сплетенных из коры деревьев. Немало было и обморожений. Жилбек помнит,

Жилбек Агадилов

как он, сунув ноги в огонь, лишился лаптей и, пока нашлись другие, обморозил ноги.

Однажды командование дало Жилбеку задание: выяснить положение врага в Рославле. С ним пошли еще двое: девушка по имени Шура и Виктор, прозванный товарищами Совиным глазом. Повел группу Жилбек. Они должны были вести разведку из деревни, что в десяти-пятнадцати километрах от Рославля. Через несколько дней они пришли в родное село Виктора. Километрах в двух пришлось спрятаться в большом овраге. Отсюда можно следить за городом, селом, железной и шоссейной дорогами. Виктор ушел в село. В получении данных ему помогали две сестренки и братишко. В холодные осенние ночи Жилбек оставался в овраге один. Связь с Виктором поддерживал только ночью. Шура в это время разведывала станцию Пригорье, затем вместе с сестрой Виктора ушла в Рославль с той же целью. Разведка длилась несколько дней. Жилбек лежал в овраге два дня и две ночи. Дальше он не мог здесь оставаться, потому что немецкие доносчики, видимо, заметилиочные хождения Виктора.

— Я почуял недоброе,— говорит Жилбек.— И верно почуял, потому что к вечеру в сторону оврага наведывались люди. Я скрывался за большим камнем, днем никуда не выходил. Но все-таки продолжать оставаться здесь было небезопасно. Ночью я пробрался к дому Виктора, зарылся в сено и прокоротал здесь некоторое время до возвращения Шуры. Затем все вместе двинулись обратно в бригаду. По пути пришлось отстреливаться от немецкого наряда. Боевое задание выполнили успешно, но оно стоило нам дорого. Позже мы узнали, что фашисты, пронохав о том, что Виктор в партизанском отряде, жестоко расправились с его родными.

Вместе с разведывательной работой мы проводили в те дни и агитацию среди жителей села. Одно наше посещение этих мест вселяло в народ веру в партизанский отряд, в скорое освобождение от фашистского ига.

Затем мы сделали еще одну вылазку, после которой 5 ноября 1942 года отряды бригады совершили налет на станцию Пригорье. Фашисты были ошеломлены. Они, конечно, знали о том, что в лесах есть партизаны, но такой крупной операции никак не ожидали. Оба моста в городе Рославль были взорваны нами.

Бригада приобретала добрую славу, ряды ее росли, наладилась связь с Большой землей, стали получать оттуда продовольствие, средства связи. Вскоре бригада перебралась в леса на противоположный берег Десны.

Партизанское движение принимало все более широкий размах. Фашисты в страхе перед народными мстителями снаряжали все новые и новые карательные отряды, изощрялись в методах убийств и пыток. В партизанские отряды засыпались фашистские лазутчики под видом «добровольцев», по пятам каждого подозреваемого жителя деревень ходили шпионы. Но партизаны были неподъемны, часто меняя места стоянок, открыто вступали в бой или же без единого выстрела уходили в другие леса...

В бригаде было немало казахов и киргизов. Жилбек им часто рассказывал о героических делах и подвигах карагандинца Алина, джамбулца Мажита Муканова, политрука бригады Адия Шарипова и других.

— Таких героев, как Алин, надо поискать,— говорит Жилбек.— Он никогда не думал об опасности. Помню, как средь бела дня он ходил в села, набитые фашистами, приносил оттуда оружие, продукты питания. За свой геройизм и отвагу Алин был награжден орденом Ленина. К нашему несчастью, парень стал жертвой шпиона. Им оказался один из людей нашей бригады. Мы заметили, что этот «один» часто куда-то отлучался из отряда. Однажды Алин, выслеживая его, накрыл в тот момент, когда предатель по радио доносил врагу о нашей бригаде. Но винтовка партизана дала осечку... Вражеского лазутчика мы расстреляли, а нашего боевого товарища похоронили на партизанском кладбище в Заян Лесничем.

* * *

Жена Агадилова Жамал тоже из Павлодара. Они пожениились, когда Жилбек приехал летом домой на побывку. И Жамал уехала с мужем на западную границу. 22 июня 1941 года она стала свидетельницей событий первых дней войны.

— Когда мы, женщины и дети, спешно уходили из Белостока, на нас обрушили свой смертоносный груз вражеские самолеты. Нас бомбили, обстреливали из пу-

леметов. Те, кто уцелел, стали искать укрытия. Рядом со мной оказалась жена одного командира, Зоя. Вместе с ней мы свернули с дороги в лес. С Зоей был четырехлетний мальчик, я же была беременна. Грохот взрывов и стрельба, стоны умирающих людей сильно действовали на мальчика, он похудел и ослаб. Пришлось нести его по очереди. Через сорок дней Зоя с сыном осталась в какой-то деревне, а мы продолжали идти. Кругом фашисты. Мы решили добираться до нашей армии.

По пути попадались отдельные группы солдат и офицеров, отставших от своих подразделений. Они настойчиво разыскивали партизанский отряд. Мы с ними вместе решили искать партизан. Когда дошли до села Будвенец Дубровского района Брянской области, киргиз Идаят один ушел на поиски партизан. Я осталась в селе у одной женщины. Вскоре фашисты учинили дикую расправу над мирным населением, якобы за помочь партизанам. Они расстреляли двадцать пять юношей, среди них был и Паша, сын женщины, приютившей меня, сожгли много домов.

Многие люди отдали жизнь за меня и мою дочь Майю. В Будвенце мы встретились с Жилбеком. Этой встречей мы обязаны молодому партизану по прозвищу Алеша-Чингизхан. А случилось это вот так. Ушедший на розыски партизан киргиз нашел отряд Жилбека и остался там. Как-то в разговоре, вспоминая о своей семье, Жилбек рассказал о том, как он потерял меня. Юноша-киргиз сразу понял, о ком идет речь, и рассказал Жилбеку обо мне. Обрадованный, он посыпал в село Алешу-Чингизхана, чтобы узнать, я ли это, а назавтра явился сам. Я даже не узнала его: он весь оброс, в крестьянской одежде...

В начале осени партизаны устроили меня в доме у Пети, молодого партизана. 27 ноября родилась Майя. Партизаны не могли подойти к селу, где я жила. И мне не приходится оставаться в одном селе. Партизаны где-то поблизости, связаться с ними очень трудно. Наконец я устроилась в селе Денгуговка у старика Алексея, имевшего связь с партизанами. Фашисты совсем обнаглели. Переписали все население села, состав семей, возраст и прочие данные с тем, чтобы не допустить проживания в селе партизан. Если окажется лишний мужчина — значит партизан, лишняя женщина — партизанская семья.

Поэтому мне с малым ребенком было очень трудно. К тому же, сами понимаете, мой внешний облик мог вызвать у фашистов подозрение. «Откуда, мол, эта монголка появилась!» И разговор будет коротким. Положение мое стало отчаянным. Идти к партизанам — боюсь заморозить маленькую Майю. Немцы добрались и до Денгуговки, сожгли село, а население ушло в леса. Вместе с ними и я ушла к партизанам. Адий Шарипов предлагал оставить ребенка на время у кого-нибудь для безопасности. Но я решила, что если погибнет ребенок, то только со мной.

Партизаны построили землянки для семей. Здесь мы выпекали хлеб, готовили пищу. Я жила с девушкой по имени Лида, с которой познакомил меня Адий Шарипов. Лида часто уходила на станцию, аэродром, в село и приносila оттуда различные сведения.

16 декабря на наши землянки нагрянули фашисты. Все, кто был в них, бросились бежать в разные стороны. Не успев толком одеть ребенка, я бросилась за Лидой в лес. Добежали до леса, оглянулись, фашистов нет. Гитлеровцы, видимо, преспокойно обедали в наших землянках.

Я сидела, прижав Майю к груди, прислонившись к большому дереву. Ножки у ребенка были голые, смотрю — они уже покраснели. Стараюсь растереть их руками, согреваю дыханием. К счастью, ребенок спал. А рядом Лида суетится, переживает за нас, хотя сама одета легко. Она отдала свой платок завернуть ноги девочке. Вот уже свечерело. Немцы зажгли огонь в наших зем-

Жамал Агадилова

Майя Агадилова

лянках и не думают уходить. Настала ночь, а проклятые все еще там. Так мы провели всю ночь, не сомкнув глаз. Чем ближе к утру, тем тревожнее на душе: вдруг они обнаружат нас здесь. Но эта опасность миновала, видимо, они боялись прихода партизан. Мороз сковал ноги, уже плохо ощущаем голод. А уж что говорить о ребенке! Он до того замерз, что не мог сосать грудь. Как больно думать о том, что вот так, у тебя на руках, угаснет жизнь этого маленького существа! Сама плачу, а слез нет. Наконец Лида подняла меня на ноги, и мы пошли...

Пришли в село. Сюда явились и другие семьи.

Только мы вошли в дом, где жила семья партизана, как нагрянули гитлеровцы. Они обшарили весь дом. Но не найдя ничего, ушли. Лида жила в селе Сергеевка, нам туда и нужно было. Прошли километров двадцать, не вызывая ни у кого подозрения, потому что мы были с ребенком. Лида хотела устроить меня в одном доме, явочном пункте связного отряда Данченко. Но в этом доме меня не смогли принять, видимо боялись фашистов. На каждом доме висел список проживающих в нем людей. И мне пришлось провести несколько дней у золовки Лиды. Однажды туда явились фашисты и, увидев мою дочь, спросили, чей это ребенок. Могла ли я отказаться от своего ребенка? И ответила: «Мой!»

— Откуда здесь монголка? — спросил через переводчика один длинный белобрысый офицер.

— Я сказала правду: жена офицера. Мужа потеряла в первый же день войны и с тех пор ничего не знаю о нем.

К счастью, это и помогло — не тронули меня. Боялись ли они прихода партизан, или другие дела у них были, ушли они быстро, пригрозив: «Если окажешься женой партизана, убьем!» Не забыли они прихватить со двора всех кур и все съестное, что было в доме. После этого Лида отвела меня к своей старшей сестре, где я и дожидалась юношу-киргиза, связного отряда. Вскоре он явился и сообщил, что отряд Жилбека возвратился из Клетнян.

Однажды хозяйский мальчик сообщил, что нам с Майей надо срочно уходить. Кажется, фашисты узнали о моей причастности к партизанам. Опять задача — куда идти? Не знала я, где сейчас Лида. В этот день связной киргиз обещал увести нас в отряд, но в назначенный час он не явился. Пришлось идти куда глаза глядят. Пришла в соседнее село — ни в один дом не пускают. Тогда решилась постучаться к старосте, сказав, что из Сергеевки. О чём думал староста, не знаю, но впустил переночевать. Назавтра пришла в Лидин дом, оказалось, родителей ее увезли, а брата расстреляли. Лида ушла в отряд. Заночевала у золовки Лиды. Если бы я вчера осталась у них, и меня бы забрали. Выяснилось, что немецкие доносчики дали о нас полные сведения. Чтобы скрыть мои следы, сестра Лиды отвела меня в село Алешенко, где были надежные люди отряда Данченко. Идаят был уже здесь и наказал, чтобы мы ждали его. Хозяин дома очень нервничает, но раз партизаны поручили, пришлось укрыть меня. Ночью приходили двое из отряда. Они сообщили Жилбеку обо мне. Он этой же ночью пришел к нам, но забрать не смог. Посоветовал дойти до села Лузгановка.

Днем немцы собрали жителей села и зачитали приказ о том, что те, кто укроет партизан или членов их семей, будут строго наказаны. Хозяину дома пришлось спрятать меня за печью. Вскоре сюда пришли три гитлеровца и устроили пьянку. Лежу и дрожу от страха; вдруг Майка захнычет, тогда пропали мы. От этой мысли мне стало дурно. Но именно в такие тяжелые минуты моя дочурка не выдавала меня ничем. До того, как сесть за стол, немцы обшарили в доме каждый метр, но за печку не заглядывали. Видимо, не думали, что там может быть человек. Один из них приказал хозяйке: «Неси обед!»

Как только немцы ушли, я направилась в Лузгановку. И здесь большинство домов сожжено. Переночевала с горем пополам, а наутро побрела до деревни Денгуговки.

Здесь встретила партизанского связного Алексея, он и привел нас с дочерью в наши землянки. Алексея, уже человека в годах, я знаю давно. В начале войны некоторое время жила у него, а затем фашисты сожгли его дом. Алексей ушел в леса. Позже он построил себе новый домик, хорошо знал близлежащие села, был уважаемым партизанами, очень надежным и незаменимым человеком.

Через некоторое время Жилбек отвел нас в штаб Каменецкого партизанского отряда, а сам опять ушел в леса. В то время они вели жестокие бои с карательными отрядами, нападали на них по ночам, захватывая продовольствие и оружие, пускали под откос железнодорожные составы с живой силой и техникой. Ни днем ни ночью не было покоя отряду.

В июне фашисты сожгли Каменец. Нам с Майей негде стало жить. Тогда люди из отряда увезли нас в лагерь. К этому времени Маечка уже подросла, и мы могли передвигаться вместе с отрядом. Я твердо решила, что буду переносить все лишения вместе с отрядом. А партизанам жилось несладко: на земле не давали покоя лазутчики, шпионы, предатели, над головой гудели вражеские самолеты. Каждый день, каждый час проходил в напряжении. Иногда прилетали наши самолеты и сбрасывали нам продукты, а иногда и приземлялись, чтобы забрать больных и раненых. Командир отряда хотел отправить на Большую землю и нас с Майей, но в последний момент немцы помешали нам принять самолет. С каждым днем приближалась Советская Армия, увеличивалось число партизанских отрядов. В груди росло щемящее радостное чувство — скоро вернемся на родину. Интересно, что Майя уже стала что-то лепетать по-своему и первое слово, которое она произнесла ясно, было «самолет». Именно это слово было у всех на устах...

Все лето мы провели с партизанами. Когда отряд менял лагерь, командир Мальцев предоставлял нам с Майей своего вороного.

Отряды бригады совершали большие операции против вражеских гарнизонов, карательных отрядов и полицаев. Это уже было время краха немецко-фашистских армий. Советская Армия приближалась к западным границам.

В октябре 1943 года мы вышли на Большую землю. Партизанская бригада соединилась с частями нашей ар-

мии. Тогда произошел один забавный случай. Всех партизан, в том числе Жилбека и меня фронтовики сфотографировали, а между нами в коляске сидела Майя. Увидев на снимке Майю, генерал приказал сшить для девочки военную форму. Выглядело это, конечно, смешно, и наша Маечка, которой не было еще и года, стала «бойцом».

Многое мы пережили за два с половиной года партизанской жизни, сохранив жизнь крошечному существу, стойко выдержав трудности.

Жилбек приехал на родину вместе с нами в отпуск, затем уехал обратно и уже с победой возвратился домой.

СЫН АЛТАЯ

I. ТОСКА

У всех нас есть свой уголок земли, где мы родились и выросли. И где бы мы потом ни были, куда бы ни забросила нас судьба, кем бы мы ни стали, всегда с любовью вспоминаем родину наших отцов!

Друзья-ровесники, мы вели неторопливый разговор. Все мы собрались из разных мест, все были издалека и все с тоской вспоминали о покинутых горах, реках, степях, лесах. Всем хотелось излить тоску и рассказать друзьям о неповторимой красоте своего края.

Одни из нас был безнадежно влюблен в берега Иртыша, другой в Каркаралинск, третий в землю Баян, четвертые мечтали о степях Кустаная и Джетысу. Одни, волнуясь, говорили о зелени родных лесов, другие о суровой красоте выжженной солнцем пустыни. Конечно, каждому дорог свой край, и все края по-своему хороши и неповторимы. Поэтому каждый из нас внимательно слушал собеседника.

— Тот, кто не видел Алтая, потерял много, но тот, кто видел — не забудет никогда,— произнес один.

И разговор зашел об Алтае. Алтай!.. Земля, как и человек, имеет свою историю с той лишь разницей, что у земли она более ранняя. Алтай — это горы, высокие и низкие, большие и малые! Низкие горы — это все, что осталось от высоких гор. Неумолимое время сломило им хребет и почти сравняло с землей. Вот почему мы говорим «старые горы» и «молодые горы».

Никто не знает, когда появились горы Алтая. Может быть, тысячу лет назад, а может, больше. Посмотришь на них — и глаз не оторвешь!

Закованные в живой зеленый панцирь лесов и изумрудных озер, они словно чего-то ждут, и нет им конца и края.

Кто из вас катался на пароходе по Иртышу, рассекающем надвое Алтайские горы? Такая красота! Но не только красотой славен Алтай. Когда плывешь по Иртышу, то всюду встречаешь людей, просеивающих алтайский песок. Золото! Недра Алтая — это клад ценнейших металлов. Тянутся на Алтай люди. И невозможно не полюбить этот край суровой красоты и богатства. Вот древний и вечно молодой Иртыш. Сколько тысяч лет он плещется у подножья гор... Среди многочисленных рек, впадающих в Иртыш, есть маленькая буйная речушка, за неспокойный характер прозванная Асау-Булак (строптивая речка). Резво бежит она мимо прибрежных скал, разбиваясь о камни и вспенивая белые буруны.

И только при впадении в воды большого Иртыша она успокаивается, как успокаивается шаловливый внучонок на коленях у старой бабушки.

На берегу Асау-Булака расположен аул Таргын. Здесь живут колхозники артели «Новая жизнь».

Зимой и летом до «седьмого пота» трудились люди на полях артели, и благородная земля сторицей воздавала за нелегкий, но добрый труд хлебопашцев. Каждую осень они собирали и сдавали в закрома родины тысячи тонн золотого зерна. Богат Алтай! Но главное его богатство — люди. Говоря об Алтае, мы в первую очередь говорим о его людях.

С каждым днем процветала жизнь членов артели «Новая жизнь». Рождались и подрастали дети, отстраивался родной Таргын, все зажиточнее, веселее жили люди. День сменялся ночью, зима весной, весна летом, и казалось, ничто не сможет нарушить спокойного течения счастливой жизни советских людей. Но вот грянул грозный 1941 год. Война! Ее раскаты докатились и до далекого Алтая. Власти постучалась она в дом Кайсы и Бижамал, жителей артели «Новая жизнь». Это была трудолюбивая, многодетная скромная семья. «Счастливая семья — говорили аулчане. — Чего им не хватает? Живут в достатке. Имеют семерых детей».

В первые же дни войны два старших сына ушли на фронт. Потянулись длинные тоскливы дни ожидания. Войне не было видно конца. В беспокойстве за сыновей

истосковалось сердце матери. Бижамал видела своих сыновей во сне, бредила ими наяву...

...Колхозники работали день и ночь, внося свой вклад в дело борьбы с врагом.

Прошел год войны, за ним второй, когда же наступит конец? И будет ли конец? Тяжелые думы не покидали стариков. Как там их дети? Живы ли? Ведь каждый день может принести... нет, лучше не думать об этом. От старшего, Рахимбека, приходят письма. А вот от Касыма давно уже нет вестей. За два года ни одной весточки. Наверное, его уже нет в живых. Но старая мать прочь гнала черные мысли и жила надеждой, что сын ее жив и невредим. Старики часто воскрешали в памяти картины из жизни своего сына и думать даже не хотели, что Касыма нет в живых. И все-таки тревога не покидала родителей ни днем ни ночью. Ведь как-никак он уехал на фронт, где смерть подстерегает каждого. Но вот уже два года ни одной весточки.

— Чего ты расстраиваешься. У тебя на руках пятеро детей. Рахимбек все же пишет с фронта,— успокаивали Бижамал аулчане.— Скоро молодцами станут.

Но эти слова не успокаивали старушку, а наоборот, слезы навертывались на ее глаза. Все дети дороги матери.

Необъятны земли Алтая. Сколько в них зверей, птиц, сколько рек и озер, сколько людей нашли здесь пристанище, жилище. Горы высоки, реки глубоки, звери пугливы, а люди мужественны. И всему отец — Алтай! Ну, а сердце матери еще глубже. Даже если у нее тридцать дочерей и сорок сыновей — каждый находит свою особую непротоптанную стежку в сердце матери. Старая мать помнит каждого из своих детей со дня рождения. Их первые, робкие шаги, детские забавы и юношеские игры — все это вновь и вновь возвращается к ней, встает перед ее глазами, и она как бы заново начинает жить. Видели ли вы тревожного жаворонка, то камнем падающего на землю, то высоко взмывающего ввысь? Он охраняет своих птенцов.

Так и Бижамал. Ее тоскующее сердце не знало покоя, и она посыпала страшные проклятия врагам, разлучившим ее с сыновьями.

— Где ты, беркут, сыночек мой. Жив или давно обнялся с землей! — жалобно причитала она.

— Ну чего плачешь? — недовольно качал головой Кайса. — Накличешь беду на свою голову.

Но и его не оставляли мрачные мысли. С виду он крепился и как мог вселял надежду в сердце Бижамал. Но она оставалась безутешной.

Старый Кайса и сам всплакнул.

— Помнишь, мать, когда родился Касым?

— Конечно, помню! Как будто это было вчера. Ненастный день стоял... А когда ему исполнилось сорок дней, на зимовке был пожар. Я сама была виновата. До того ослабела, хотела разжечь огонь, чтобы согреться, да чуть землянку не спалила. Помнишь, люди тогда говорили, что сердце у Касыма будет горячее, как огонь, и счастье наше будет ярким, как пламя. Ведь так говорили?

— Что же ты не успокоишься? Найдется твой озорник, даст о себе весточку. Помнишь, дядя его говорил: «Касым и в огне не сгорит, и в воде не утонет». Сколько людей пропадало без вести, а ведь вернулись...

...Да, отец и мать ждут тебя.

Друзья, ровесники, родичи грустят о тебе. Помнит тебя и школа, где ты учился, и седой Иртыш, и земля Алтая.

— Где ты, Касым? Жив ли ты?

Это горы гудят, спрашивают о тебе. Это бьется о камни, захлебываясь, Асау-Булак. Это звери и птицы застыли в немом ожидании.

— Где ты, Касым?

II. В ТЫЛУ ВРАГА

...Густой дремучий лес. Тишина такая, что слышен даже треск обломившейся веточки. И снова тишина. Чёрная ночь. Даже ветра нет. Небо заволокли черные тучи, ни звезд, ни месяца. Тьма. Чуть слышен шорох упавшего листа. Только один человек чутко прислушивается к лесной тишине и до боли в глазах всматривается в ночную тьму. Человек сидит, прислонившись к дереву. Он совсем обессилен и не может идти. Вот уже сколько дней во рту ни крошки. Десять дней тому назад их было одиннадцать человек. А сейчас он один. Где же остальные?

Всего лишь две недели. За эти пятнадцать дней пережито столько, сколько хватит иному на пятнадцать лет.

В памяти встают: самолет, ночь... С восьмикилометровой высоты летиши вниз к земле. Распустив шелковый купол, мягко опускаешься на землю. Все в порядке. Теперь ищи товарищай. Было одиннадцать человек. И вот ни одного нет. Надо собраться всем вместе. Где же они? Лес большой, смотри не заблудись. Будь осторожен. Можно напороться на врага. Но все обошлось благополучно. Через три дня он присоединился к своим. Все были в сборе, кроме одного Миши. Обеспокоенные, обшарили окрестности. Вдруг где-то совсем рядом раздалася стон. Подошли ближе. Под большой сосной лежал обессиленный Михаил.

— Я заблудился,— еле выдавил он из себя.

— Тебя обнаружили?— спрашивают Михаила.

— Что, что ты говоришь? Вот черт, да ведь я ничего не слышу. Напишите на бумаге.

Миша рассказывает своим товарищам все, что ему пришлось пережить за три дня.

— Неприятности начались уже в воздухе. Парашют относило в сторону. Летел долго. С высоты земля ма- ленькая, как арбуз. Но так хочется ступить на эту землю.

— Вы слышите меня, в ушах так стучит, что я ничего не слышу.

От радости, что снова с друзьями, Миша улыбается то одному, то другому и продолжает рассказ.

— Так рассказать вам дальше?.. Все расскажу. Итак, прошла ночь, потом день. Снова погрузился в темную ночь. То тут, то там ночную темень прорезали яркие вспышки. Это я видел ясно. А вот слышать не слышал. Уши... Хорошо мне служили они, да вот только рано вышли из строя.— Миша криво улыбнулся.— Сейчас их как будто нет вовсе.

Лечу я, значит, и вдруг вижу что-то черное надо мной. Думаю, наверное, это лес. Скоро ноги мои коснулись чего-то мягкого. Что вам морочить голову. Приземлился я на крышу какого-то дома. Собрал парашют. Через чердак спустился по внутренней лестнице и вошел в дом.

В сенях спали старик со старухой. Разбудил их. Они страшно испугались, оказывается, в доме расположились на noctleg шестеро немцев. Седьмой стоял на посту. Осторожно выхожу во двор и как был обвязан парашютом, так и накинулся на часового. Увидев белое приведение,

фашист вылупил от удивления глаза и бросился бежать. Что он кричал, я не слышал, но видел широко открытый рот. Захватив брошенное врагом оружие, я побежал к чернеющему лесу и скрылся... Если этот немец не умер от разрыва сердца, то наверняка поднял всех на ноги. Вот почему не удалось замести следы.

Все переглянулись. Новость была не из приятных.

— Ну, Вася, что теперь будем делать?

Человек, которого называли Васей, совсем не соответствовал своему имени: он был круглолицым и смуглым, совсем еще юным парнем, с монгольским разрезом узких глаз. Он командир десяти бойцов. Ему было двадцать два — двадцать три года. Враг теперь знает о высадке десанта. Теперь и следы обнаружены. До встречи с Мишней опасность поджидала их на каждом шагу. Теперь она удвоилась. Каждую минуту будь готов ко встрече с врагом. Необъятен Черкасский лес. Но и фашистов много. Они начали окружать горстку храбрецов. Что предпримет Вася?

— Проверьте боеприпасы. Будем биться до последнего,— распорядился Вася.

В маленькой группе было три ручных пулемета, автоматы. Все теснее сужается кольцо окружения. Вот уже видны зеленые шинели фашистов. И когда вражеские солдаты подошли совсем близко, методично заработал ручной пулемет. За ним второй, и лесную тишину прорезали автоматные очереди. Разгорелся ожесточенный бой. На месте убитых фашистов появлялись новые и новые, казалось, нет им конца. Вот судорожно сжав автомат, от смертельной раны погиб один из храбрецов. За ним второй, третий, четвертый. Бой продолжался до наступления сумерек. К вечеру в живых остались только двое. Один из них был ранен. Из раны сочилась кровь. Поддерживая друга, Вася под покровом темноты отступил в глубь леса. Вскоре стрельба затихла. Прошел один день блуждания по лесу. Товарищ к половине второго дня скончался от раны. Теперь он остался один. Что может быть страшнее одиночества? Что делать? Патроны на исходе. Последнее убежище — темный, густой лес. Дикие ягоды, съедобные грибы — вот и все, что осталось.

Может сдаться врагу? Не-ет! Никогда! Когда нечего есть, можно питаться и лесными ягодами. Десять дней бродил Вася по лесу. И вот он, ослабевший, сидит, при-

слонившись к дереву, и прислушивается к лесному шороху! Тишина! Он напряженно всматривается в темноту; устали глаза. Какие-то видения встают перед его глазами, доносятся голоса друзей:

«Что ты здесь делаешь, Вася?! Вася!»

Затем Вася видит свой класс, урок литературы. Учительница читает стихи.

До его слуха отчетливо доносится голос учительницы.

Вася протер уставшие глаза. Новые картины воспоминаний предстали перед ним. Детские годы, Алтай, буйная речка Асай-Булак, счастливые, улыбающиеся лица родителей, родных, соседей. Аул, школа, техникум. Усть-Каменогорск, Караганда, берега Иртыша. Девушка, с которой он вместе учился; любимые глаза.

На какое-то время им овладела слабость, он преодолел ее и невольно вслух прошептал:

— Мама, отец, Асыл, как вы там? Здоровы ли?

Друзья мои!

Он опять вспомнил стихи.

— Нет, Вася. Нет, Касым!

Вот уже десять дней, как Касым перебивался дикими ягодами, горькими кореньями. Силы покидали его, но надо было идти дальше. Он встал, проверив оружие. Убедившись, что кончились патроны, закопал его в приметном месте и побрел дальше.

Темнота поглотила его.

На следующую ночь в селе Македонское Касым встретился с нужными ему людьми.

— Так, говоришь, Вася?! — улыбаясь, проговорил хозяин дома, усаживая гостя за стол.

— Ты не думай, что мы сидим сложа руки, товарищ Вася! Ну, ладно, сперва покушай, а о деле потом.

...Ночь. Спит все в доме. Спит и Касым. Но вот, бормоча что-то на родном языке, он проснулся среди ночи.

Опять вспомнились аул, Иртыш...

Затем Касым снова уснул...

...По адресу, данному Москвой, сын Алтая нашел на оккупированной врагом Украине верных людей. Так прошло полмесяца. За это время он потерял десять друзей, с которыми очутился в этих краях. Нет, он их никогда не забудет. Пока бьется сердце в груди, он будет мстить. Слишком много пришлось вынести. Потерять таких ребят!

В тот ненастный, осенний день, когда ты садился в самолет на аэродроме в Москве, тебе доверили судьбу этих десяти ребят. Если бы все они добрались живыми до села Македонское, какая бы это была помощь партизанам. Разве думал ты, что с друзьями, с которыми два года обучался в армейской школе, расстанешься навсегда за какие-то полмесяца? Какие были ребята! Рано вы ушли из жизни. Ничего, Касым отомстит за вас. За десять ваших жизней сто фашистов поплатятся своей жизнью. И все-таки разве стоит тысяча фашистов одной Мишиной жизни. Нет! Ладно, от печали пользы мало. Месть и только месть может заменить утрату друзей. Касым мало говорил по этому поводу с партизанами. Их молчание, сосредоточенные лица сами говорили за себя.

III. МЕСТЬ

В детстве его прозвали «Тентек Кара», что означает «черный озорник». Настоящее имя его было Касым. Но в грозные дни войны смуглолицого, выше среднего роста, с пристальными глазами казахского парня стали называть Васей.

Сперва школа, потом книжный техникум, двухгодичная армейская школа — вот страницы его биографии. Затем первый бой, смерть товарищей, одинокое скитание по лесу, встреча с партизанами. Хотя Касым и остался один, он с жаром принялся за организацию партизанского отряда на украинской земле. К зиме 1942 года был создан крупный партизанский отряд. Душой отряда был Абраменко, недавно председатель сельсовета в Македонском. С его помощью партизаны поодиночке стали наведываться к Касыму. Уже через несколько дней партизанский отряд имени Чапаева был готов к борьбе. Оставив в деревне людей для связи, отряд ушел в лес.

Вскоре в Киевской, Полтавской областях вспыхнула партизанская война. В городах и селах блюстители «нового порядка» то тут, то там сталкивались с партизанами. Они вырастали словно из-под земли, появлялись в самых неожиданных местах и приводили немцев в ужас.

Блюстители «нового порядка» потеряли покой, напуганные дерзкими действиями партизан, они не выходили по ночам из казарм. На берегах Днепра появилось новое страшное для захватчиков слово — партизан.

Чапаев объявился на Днепре... Вася? Может быть это сам Василий Чапаев? Что же он воскрес, что ли? Или же это его призрак? Вася появлялся там, где его не ждали, и, совершив дерзкий налет, вновь исчезал в лесу. Оставшиеся в тылу старики и старухи, дети только и говорили об «операциях» Васи.

— Говорят, командир у них по имени Вася.

— А кто-нибудь видел его?

— Я видел... Глаза черные, как уголь, так и горят. Должно быть, казак.

— Да ведь Чапаев тоже казак.

— Какие только дела не делают они? С горсткой храбрецов уничтожают уйму фашистов и поминай как звали.

— Вы слышали, как десятилетний пацан напугал коменданта нашего села? Этого длинного полицая...

— Ну, а как он напугал?

— Этот полицай поймал двух куриц, мальчишки хотели забрать их себе. Пацан ревет, умоляет, чтобы тот оставил куриц. А полицай и слушать не хочет. Пацан перестал плакать да как крикнет вслед:

— Вот подожди, сволочь, скажу Чапаю. Пусть только придет дядя Вася. Я посмотрю тогда на тебя, куроед! — и дал стрекоча. Разве будет полицай стрелять в него среди бела дня. Боится, подлая душонка, партизанского суда. Он растерялся и, не зная, что делать, оглядел куриц.

— Э... Да ведь они же худые. Ну их! — бросил кур и убрался восвояси.

— Вася недавно был в соседнем селе.

— Ну?!

— Да это целая история.

Сколько было таких интересных историй! Каждый день приносил все новые и новые легенды про неслыханную дерзость партизан, которыми командует Вася. Партизанское движение как пламя, раздуваемое ветром, разрасталось с каждым днем.

Однажды Вася переплыл Днепр и пробрался в прибрежное село Малый Карапель. Здесь еще не появлялись партизаны. Это было время, когда враг продвигался в глубь страны. Поэтому комендант только снисходительно улыбался, слушая рассказы о партизанах. Как раз этот самый комендант повстречался с партизанами.

Он шел по безлюдной улице, беззаботной, самоуверенной походкой «победителя», и вдруг перед ним выросла группа вооруженных людей. Когда до него дошло, что перед ним партизаны, от неожиданности он лишился дара речи.

— Сколько человек в комендатуре? — пристально глядя на коменданта, спросил Вася.

Комендант от страха только моргал глазами.

Касым улыбнулся.

— Язык что ли отнялся? Или не понимаешь по-русски? Ничего, еще научишься.

Комендант и вправду не знал русского языка. Через переводчика Касым повторил свой вопрос и пояснил:

— Комендатура окружена и заминирована. Прикачи караульным, чтобы бросили оружие и сдались нам. Только быстро, иначе, — и он ткнул пистолетом в грудь коменданта, — сам погибнешь, и комендатура взлетит в воздух. На раздумье даем три минуты. Ну, скорей.

Тридцать гитлеровцев, побросав оружие, сдались в плен. Забрав трофеи, партизаны скрылись в лесу.

Отряд Касыма не знал усталости. Как только партизанам становилось известно, что отправляется поезд или пароход с награбленными продуктами и вещами, отряд шел на задание. Партизанская заповедь гласила: если можно возвратить народу, возврати, если невозможно, сожги или утопи. Ну, а если идут эшелоны с боеприпасами на фронт, уничтожай, сноси под откос. Подрывай силу врага там, где только можно. Отправляют советских людей в Германию — во чтобы то ни стало освободи их. Томятся люди в концлагере — освободи их. Арестовали жителей местных деревень — освободи их. Привлекай в ряды партизан всех, кто ненавидит врага и может носить оружие. Разрушай мосты, выводи из строя заводы, прерывай связь. Нападай на вражеские гарнизоны, комендатуры.

Да мало ли какие дела были у партизан! Отряд имени Чапаева не давал врагу покоя ни днем ни ночью. Сколько славных страниц вписали они в книгу Отечественной войны. Всех дел, совершенных ими, и не перечислишь.

Партизаны превратились в грозную, боевую силу. Кто был хозяином этого района, фашисты или партизаны? Если задать этот вопрос фашистам, то они, навер-

ное, не осмелились бы назвать себя хозяевами района, а вот партизаны говорили, что это их район, партизанский.

Они узнали, что в этом районе находится сахарный завод. А куда идет сахар? На фронт или же в тыл, на стол к ожиревшим фрау? Это было неизвестно. Разведчики донесли, что возле завода расположен сильный вражеский гарнизон. Через несколько дней сахарный завод был полностью выведен из строя, а гарнизон уничтожен...

...Партизанский дремучий лес. Возвратившиеся с опасного задания патриоты ужинали и располагались на отдых. Прибыли и разведчики, переплы whole Днепр.

Командир приподнял голову:

— Ну, что нового?

— Через несколько часов от пристани отчалит пароход. На буксире два плота, груженные зерном.

— Попято. Зерно награблено, наверное, последнее отняли. Отправляют на фронт, солдатам.

— Так точно, товарищ командир.

— Вряд ли фрицы получат это зерно! Готовьтесь! Отправляемся немедленно.

Лесом прошли по берегу озера и выбрали самое узкое место, где сужается озеро. Расставили пулеметы. Выкопали окопы, залегли с автоматами. Иные просто притаились за большими валунами.

Близился рассвет. Тишина. Вскоре издалека послышался неясный шум.

— Кажется, едут.

— Тс-с. Тихо! — строго сказал Касым.

Вновь тишина. Ни звука. Только изредка доносится плеск днепровских волн. Но вот отчетливо нарастает шум приближающегося парохода.

Вот уже и утро. Первые лучи солнца как бы заманивают пароход в узкую горловину озера. Пароход все ближе и ближе. Партизаны проверили автоматы и винтовки, подготовили гранаты. Вот уже ясно различимы на пароходе станковые пулеметы.

В тишине громко прозвучал голос Касыма.

— Огонь...

На врага обрушился шквал пулеметного и автоматного огня. Посыпались и с грохотом стали разрываться гранаты.

Растерявшиеся фашисты и не знали, куда стрелять.

Враг попал в засаду. Оставшиеся в живых немцы сдались в плен, пароход с двумя плотами на буксире пошел на дно.

Партизаны возвратились в лес.

Наступил 1943 год. В это время отряд Касыма, получив специальное задание, находился в Румынии.

Что он здесь делал?

Румынский народ тоже натерпелся от фашистов и также ненавидел их. Касым со своей группой должен был помочь в организации партизанских отрядов на румынской земле. И вместе с братским румынским народом продолжать борьбу с гитлеровцами.

IV. КАРПАТЫ

Не знаю, бывали ли раньше казахи на Карпатах, возможно, нет. Но в 1943 году казахи вступили на карпатскую землю. Они не были туристами. Хотя в руках у них были автоматы, но вступили они на эту землю с открытыми, щедрыми сердцами. Одним из казахов, вступивших на карпатскую землю, был наш Касым. Здравствуйте, Карпаты! Сын Алтая приветствует вас!

Кругом горы, остроконечные вершины, горные речки, густые леса. Осторожно пробирается отряд Касыма. Вот он и достиг цели.

Сделали привал. Касым разослал во все стороны разведчиков. Стали ждать донесений. Вместе со всеми отдохнул и Касым. Партизанская жизнь закалила его, он окреп, стал шире в плечах, сдержан и вдумчив. В короткие минуты отдыха Касым думал о своих родных, но не эти думы были самые важные. Кто в те грозные дни не думал о семье... Мысли и воспоминания о доме только усиливали ненависть к врагу.

С фронта шли радостные вести.

Враг, подкатившийся к Волге, был разгромлен у стен Сталинграда и отброшен назад. Весь народ поднялся на борьбу с ненавистным врагом. Значит, надо усилить борьбу, удвоить энергию, ускорить разгром врага, приблизить час победы. И тогда скорей приедешь в свой край, к родным и близким.

В землянку вошел разведчик Виктор и прервал размышления Касыма.

— В четырех километрах отсюда большой тюремный лагерь,— начал докладывать Виктор...— Около семи тысяч пленных работают на заготовке леса. Среди них офицеры Советской Армии. Рядом немецкая казарма. Лагерь представляет собой вырытые землянки, обнесенные колючей проволокой, по краям семь сторожевых вышек.

Партизаны внимательно слушают донесение.

— Все?— спросил Касым.

— Все.

— Начерти план лагеря с деталями.

Виктор начал чертить план лагеря и ведущих к нему дорог.

— Теперь понятно,— сказал Касым, отпустив всех, кроме помощников.— Семь тысяч заключенных? Наверное, большая охрана. Действовать надо наверняка. Как вы думаете?

Помощники — Григорий Алексеенко и Костя Спижевой — поддержали его...

...Склон горы. Как муравьи копошатся заключенные. Семь сторожевых вышек. Немного поодаль солдатские казармы. Заключенные еле держатся на ногах. Временами голодные, обессиленные люди в изнеможении падают на землю. Их тут же приканчивают. Видя это, остальные из последних сил стараются держаться на ногах.

Какая сила заключена в человеке! Маленький черствый кусочек хлеба, глоток воды и целый день изнурительной работы. Короткий сон, а с утра все начинается сначала. Только верой в завтрашний день и держатся эти люди. Они ждут прихода Красной Армии. С наступлением рассвета, с первыми лучами солнца их выводят на работу. Они с надеждой смотрят, не появятся ли их освободители — солдаты Красной Армии. Нет, их еще нет. Многие уже никогда не увидят своей родины, здесь, вдали от нее, они нашли вечный покой. Много тяжелобольных. Тяжкий стон их разносится далеко.

Ну, Касым, скажи свое слово! Скажи свое слово «Тентек Кара». В детстве ты был озорником. Раньше других ребят седлал коня, раньше других познал радость охоты. Теперь ты возмужал, тебе доверили отряд. Тысячи твоих товарищей томятся в пленау. Если освободить их, будет целая армия. А? Говоришь, оружие. Так ведь оно есть у врага. Отберешь и будешь бить врага его же оружием... На руках карта. Составлен план нападения. Так

и чем же дело? Иван, Костя, Виктор и другие товарищи только и ждут приказа.

В лесу, как раз напротив лагеря военнопленных, Касым отдает последний приказ:

— Восемь человек подкрадутся к часовым и уберут их. Затем повернут пулеметы в сторону казармы. Гриша, ты возглавишь эту группу. Вопросы есть? Нет. Значит, ясно. Остальные по четверо разделимся на восемь групп. Петро, ты дашь сигнал. По сигналу атакуем все восемь вышек. Дальше, что делать, знаете сами. Прежде всего нужно добраться до вышек. Это не займет много времени. Ну, все ясно? Тогда в путь. Удачи, вам, друзья.

Боевые соратники все понимают с полуслова. Им не надо дважды объяснять задачу. Партизаны группами стали спускаться вниз. Одну группу возглавил Иван, вторую Костя, третью Гриша, четвертую Касым.

У вышки сидит часовой. За ним наблюдает Касым. К часовому подкрались двое и... тот только охнул. Касым различает силуэты людей... Вот повернулись пулеметы. На вышке, стоящей напротив, часовой как будто бы дремлет. Крепок сон на рассвете. В это время не только часовые, даже собаки дремлют. Касым дал сигнал: предрассветное небо осветилось яркими вспышками ракет. Каждая группа бросилась к своей цели. Фашисты были застигнуты врасплох. Перепуганные гитлеровцы выбегали во двор и нарывались на безжалостный партизанский огонь. Большая часть солдат заперлась в казармах. Восемь человек стали у дверей и окон и не выпускали их из казарм. Все часовые на вышках были уничтожены. Военнопленные стали выходить из землянок.

Прокатилось многоголосое «ура, ура, ура!».

В этом коротком взглясе была и безграничная радость освобождения и благодарность освободителям. Тут и там раздавались счастливые голоса:

— Дорогие, наконец-то пришли! Свобода! Братцы, наши пришли! Выходи!

Многие плакали от счастья, обнимались, целовались. Только вчера спесивые фашисты издевались над этими людьми, без суда и повода расстреливали их, а сейчас сами сидят под конвоем. Тысячи пленных получили долгожданную свободу. Вместе со свободой они получили оружие. О, этим людям было о чем говорить с фашистами. Маленький партизанский отряд из сорока человек

превратился в семитысячную армию народных мстителей.

Партизаны двинулись к Карпатам. Тяжелобольные, ослабевшие военнопленные были оставлены на попечение румынских крестьян. Через несколько дней после этой операции состоялось собрание многочисленного отряда. Его открыл командир Касым Кайсенов. Рядом с ними боевые соратники Григорий Алексеенко, Спижевой, Василий Бутенко и другие. Большинство заключенных были военнопленные. Среди них полковники, майоры, капитаны, люди разных национальностей: русские и украинцы, поляки и румыны, чехи и венгры. Все ли хотят стать партизанами, все ли умеют владеть оружием и в состоянии ли вчерашние заключенные держать в руках автоматы? Будет ли это одно соединение, или необходимо разбиться на летучие отряды? Эти вопросы надо было решать немедленно.

Одному в подобных обстоятельствах принять верное решение почти немыслимо, и Касым, подведя итоги собрания, сказал:

— Наш командир Тканко. Давайте доберемся до него, там на месте и решим как быть.

Александр Тканко был молодым и решительным командиром, прозванным партизанами Батькой. В моменты опасности только он один мог правильно разобраться в обстановке и быстро принять верное решение. Тканко тоже во главе своей группы прибыл в Карпаты. Касым и Александр были друзьями. Касым по всей форме доложил Батьке о делах отряда, тот принял рапорт и до хруста в костях обнял побратима.

— Как же, слышал, Василий Иванович, даешь огоньку.

Касым смущился.

— Ну, что ты, Сашок, это пустяки.

— Нет, Вася, не пустяки, после таких пустяков у фашиста пятки чешутся. Вот мы уже у подножья Карпат. Сколько мы прошли, сколько товарищей потеряли, а что ждет нас впереди, кто знает! Но мы — готовы.

Группа под командованием Героя Советского Союза Александра Тканко прошла славный боевой путь от украинских сел до Карпатских гор и выросла в мощное партизанское соединение.

В одном из жестких днепровских боев Касыма тяже-

ло ранило. Его подбросило взрывом снаряда и ударило о камни. Больше Касым ничего не помнил. Что с ним? Увидит ли он когда-нибудь свой Алтай?

V. НА ВЕРШИНЕ

— Потерял много крови,— сказал, осмотрев его, врач.— Прошу не тревожить.

Заботливые, умелые руки врача вернули Касыму сознание. Придя в себя, он увидел людей в белых халатах. Где он? Что с ним? Почему так много врачей? Все вокруг белым-бело: и постель, и комната. Все куда-то поплыло.

Отважный партизанский вожак, наводящий на фашистов ужас, был прикован к больничной койке. Теперь его судьба в руках людей в белых халатах. Побледневший Касым напряженно смотрит в одну точку и порывается что-то сказать.

— Очнись, Вася, родной,— говорит кто-то. Вздрогнул Касым, приоткрыл веки. Чье-то до боли знакомое имя. Не ослышался ли он?

— Ты слышишь? Нет, наверное, не слышит.

— Тихо, только тихо,— осторожно ступая, врач отходит от Касыма.

К Касыму постепенно возвратились и слух и речь. Его благодарные глаза теплели с появлением врачей и медсестер. Сколько еще дел на этом свете. Сводки передавали, что Советская Армия переправилась через Днепр и развивает успешное наступление. Что может сильнее радовать сердце воина, как не вести о победе! Ведь в этой победе и твой вклад, Касым. Ты говорил оставшимся в тылу, что теперь недолго ждать прихода Советской Армии. Как верили в твои слова, и вот они подтвердились.

...Прошла осень, наступила зима. Партизанские отряды вливались в ряды Советской Армии и продолжали гнать врага со всей советской земли. Оправившись от ранения, Касым вновь взял в руки оружие. Пришел приказ из Центрального партизанского штаба — отряду Касыма поступить в распоряжение командира Тканко, находящегося в Закарпатье. Провести ряд операций к приходу частей Советской Армии.

Касым думал: снова фронт... Снова с Александром, Костей, Иваном. Только вместе. Трудности... что ж, не привыкать.

...Снова ночь. В ночном небе самолет. Наступило время прыгать. Один за другим партизаны покидают самолет. В небе распустились двадцать пять шелковых парашютов.

Так же, как и в первый год войны, вместе с десятью бойцами Касым спускался на парашюте во вражеском тылу. Тогда это была украинская земля. А теперь? Закарпатье. Мадьяры, гуцулы. Говорят бесстрашные люди. О чём думал Касым в минуты полёта? Он думал о той земле, где ему предстоит продолжать борьбу с врагом. Сперва нужно найти Полонино руно. Говорят, площадь такая. А вдруг напорешься на врага, тогда конец. А может быть враг, услышав гул самолёта, обнаружил их? Может быть, вон за той горой ждёт партизан засада. Только бы все благополучно приземлились. А там и враг не страшен. Не впервые сражаться с ним. Надо приземлиться и разыскать всех своих бойцов. В маленькой группе каждый отвечал за своё дело, у каждого было своё задание, и потеря людей грозила катастрофой. Надо собрать всех людей. Касым и не заметил, как опустился на черную землю. Огляделся по сторонам — темнота, хоть глаз выколи. Осторожно стал подавать условные сигналы. Вскоре к нему подошли пять, шесть, десять бойцов.

Где же остальные? Где Зина?

Зина — радиистка, была душою отряда и прошла с партизанами весь славный боевой путь. Все молча отправились на её поиски. Шли поодиноке, опасаясь засады. И вдруг передние кинулись к огромному дереву. Там, среди голых сучьев, колыхалось что-то белое, огромное, зыбкое.

Парашют! Зина!

Да, это была Зина. Она висела на дереве, руки запутаны в стропах, лицо в кровь расцарапано сучьями.

Как быть? Необходимо что-то предпринять, освободить товарища. О том, чтобы лезть на дерево, не могло быть и речи. Омертвевший ствол в три обхвата был отполирован, гладок до белизны и необычайно высок. И как назло под рукой нет даже аркана.

Что делать? Что делать?

Посланные в разные стороны разведчики принесли нерадостные вести.

— На подходе вражеский отряд. Нас окружают.

— Что будем делать, друзья? Как быть с Зиной.

— Давайте у нее спросим.

Зина и сама понимала безвыходность своего положения. С высоты ей лучше, чем другим, были видны приближающиеся фашисты.

Собрав остаток сил, Зина еле слышно проговорила:

— Вас много... Я одна... Что нужно врагу, знаю только я одна... Привет Александру. Привет друзьям, товарищам. Прощайте, прощайте... Вон они, фашисты, идут...

Партизаны даже залечь не успели. Враг обрушил на них автоматный огонь.

— Огонь, ребята,— скомандовал Касым.

— Не подпускайте к дереву! Огоны!

Прошибшая автоматной очередью, обрывая стропы, камнем рухнула на землю Зина.

Видавший виды Касым и тот не выдержал. Крупные слезы выступили на глазах.

...Через несколько дней Касым со своей группой соединился с остальными партизанами. Отряды увеличились, в каждом из них было по тысяче человек. Всего пять отрядов. Один из них возглавлял Касым. Советская Армия гнала врага в его логово, и вот-вот фашисты должны были подойти к Карпатам.

Стояло лето 1944 года.

Это были тяжелые дни для партизан.

Их окружали многочисленные регулярные части врага. Силы были неравны. Откатившиеся фашистские части вторглись в Карпаты. Отброшенные с советской земли гитлеровские головорезы приходили в ярость от слова «партизан». Они думали, что избавились от них, так нет же, и в Карпатах объявились партизаны. И не только партизаны. С приближением Советской Армии жители Карпат тоже поднимались на борьбу с врагом. Поляки, чехи, румыны с распластертыми объятиями встречали воинов Советской Армии. Закарпатские украинцы, венгры с нетерпением ждали своих освободителей. Гитлеровцы жестоко расправлялись с освободительным движением славян. Чувствуя приближение своего конца, фашисты зверели. Партизанские соединения Ковпака, Тканко не давали врагу покоя ни днем ни ночью.

Касым Кайсенов

Однажды Касыму пришел пакет. Его звал к себе Александр. Взяв с собой одного партизана, Касым отправился к месту встречи. Командир соединения коротко объяснил положение дел.

— Ты уже немного знаешь Карпаты. Положение сейчас очень трудное. Враг решил покончить с нами, чтобы обеспечить себе надежный тыл. Вокруг нас действуют какие-то мелкие партизанские отряды. Нужно установить с ними связь и вовлечь в свои ряды. Твоя задача углубиться в Карпаты и организовать новые партизанские отря-

ды. Это трудное поручение доверяю тебе. Ведь ты же с Алтая, не подведешь!

— Будь спокоен, Саша. Не подведу!

Друзья крепко обнялись и расцеловались.

Прошло лето, наступила осень. Карпатские горы очень похожи на Алтайские. Не уступают по высоте, покрыты такими же густыми лесами, множество озер. Касыму много пришлось полазить по этим горам, не раз побывать на границах двух государств. Сколько тяжелых дней пережил Касым, разве все припомнишь. Интересно, сколько километров от Карпат до его родины Алтая.

Белые горы, озеро Асая-Булак, аул «Новая жизнь», берега Иртыша. Отец, мать, братья, родные, милая Асыл, где вы? Как вы там!? Потерпите немного, скоро увидимся, очень скоро!

Касыма сопровождал украинский паренек Петро. Ему было двадцать лет, широкоплечий, высокого роста, он напоминал былинного богатыря. За эти дни они очень сдружились. Их двое, задача — организовать партизанские отряды, и чем больше будет этих отрядов, чем многочисленнее они будут, тем скорее будет одержана побе-

да над проклятым фашизмом. Прошло три дня скитаний Касыма и Петро по Карпатским горам. Отдыхали редко. На утро следующего дня, когда Касым, взобравшись на дерево, осматривал в бинокль окрестности, он увидел осторожно идущих людей. Кто они? В такое раннее утро в этих горах? Что они здесь делают? И сколько их вообще. Посоветовавшись с Петром, Касым решил идти им навстречу, кто бы они ни были. Вокруг дремучий лес. На лесной поляне сидят одиннадцать человек. Одни курят, другие просто полулежат на траве. Приблизившись к ним, Касым и Петро вскинули автоматы.

— Руки вверх! Встать!

Ошарашенные люди подняли руки вверх. Нет, это не были враги. Здесь были и эмигранты, и бежавшие из лагерей заключенные, среди них — коммунисты и комсомольцы. Они искали партизан. Разговор шел на русском языке.

— Ну, а оружие у вас есть? — спросил Касым.

Бородатый эмигрант хитро улыбнулся и, запустив руку за пазуху, вытащил маленький пистолет.

— Вот наше оружие,— положил он пистолет перед Касымом. У других тоже оказались пистолеты.

Так как теперь их было тринадцать человек, Касым решил действовать.

Назначив старшего, он отправил эту группу в близлежащие деревни, чтобы они привели в горы надежных людей.

Через два дня маленькая группа превратилась в отряд из ста пятидесяти человек. Отряд был внушительный, только не хватало оружия. Во что бы то ни стало надо вооружить людей.

Совершив нападение на один концлагерь, находящийся поблизости, добровольцы освободили сотни заключенных и добыли оружие. Успешно выполнив боевое задание, Касым повел свою группу на соединение с Тканко.

Командир от лица всех партизан объявил Касыму благодарность.

Когда они остались вдвоем, Александр не мог скрыть радости за друга.

— Спасибо, Вася! Помнишь, Зину? Ты за нее отомстил. О твоих подвигах можно высечь надпись на самой высокой вершине Карпат. Назначаю тебя командиром шестого отряда. Под твоей командой две тысячи партизан.

ЧЕЛОВЕК, ПОБЕДИВШИЙ СМЕРТЬ

I

Девять обреченных уже ниоткуда не ждали помощи. Их вывели на широкую сельскую площадь, оцепленную жандармами. Там перед зданием бывшего колхозного клуба, у виселиц, наготове стояли фашистские палачи. Утреннюю тишину разорвали отрывистые, как лай, слова команды:

— Внимание!..

Эсесовский офицер не успел закончить: с окраины донеслась пулеметная очередь, а через минуту из переулка выбежали насмерть перепуганные солдаты из боевого охранения.

— В селе партизаны. Страшный монгол!..

Этого возгласа оказалось достаточно, чтобы среди немцев возникла невообразимая паника. Отовсюду их преследовали меткие пули. Но многим карателям удалось спастись.

Партизанская группа вечером покинула село. Вместе с нею находились и те девять колхозников украинской сельхозартели «Октябрь», вырванные из когтей смерти. Перед путниками расстилалась необъятная во многих местах выжженная степь. Впереди твердой походкой шагал коренастый смуглый паренек. Это о нем среди оккупантов разнеслась грозная молва. Встреча со «страшным монголом», как называли его гитлеровцы, никогда не предвещала им ничего хорошего. А был этот юноша до войны простым колхозником в Казахстане, звали его Жаханша.

Крепко сжимает Жаханша Кельдыбаев трофейный автомат. Он часто посматривает на восток: мысли партизанского командира там, откуда он пришел, и его товарищи день-деньской ждут грозную лавину, сметавшую с советской земли фашистскую нечисть. Двигались молча, но когда миновали опасную зону, командир потихоньку, чуть слышно, завел с детства запомнившуюся песню.

Степная трава услышала незнакомую казахскую речь и замерла в ожидании предрассветного ветра...

II

Октябрь 1942 года. Уже неделю идут бои с немецкими войсками за населенный пункт Калькутта, расположенный в ста пятидесяти километрах западнее Астрахани. Здесь отбивал яростные атаки врага первый взвод второй роты 152-ой стрелковой бригады. Он нес большие потери: из двадцати пяти человек было убито восемнадцать. Оставшиеся в живых оказались в плену.

Одним из них был тяжелораненый командир отделения гвардии сержант Жаханша Кельдыбаев.

Немецкие фашисты подвергли плених советских бойцов тяжелым пыткам. Кельдыбаев и его товарищи упорно не отвечали ни на один вопрос немецкого офицера. (То ли понял немец решимость советского бойца умереть, но не сознаться, то ли поразила его железная выдержка, с которой переносил пытку пленный, только не выпустил он на этот раз пулю, предназначенную Жаханше.)

Залог мужества — вера в свои силы. Мольбой о

Жаханша Кельдыбаев

пощаде жизнь не сохранишь. И Жаханша не думал о смерти, он думал о жизни, о борющейся родине. И он победил смерть.

Врагу хочется знать побольше о наших планах. Поэтому-то и не желает отвечать немцу Кельдыбаев. Он не забыл присягу родине, данную им перед бойцами 152-ой стрелковой бригады. Это было 23 февраля 1942 года. Тот день навсегда остался у него в памяти. Лучше умереть, чем дать растоптать эту великую клятву.

Как только не издевались враги: прикладывали раскаленное железо к голому телу, травили злыми собаками, гоняли босиком по снегу, вместо пищи давали полхлебку из отрубей и картофельной кожуры. Повесив на шею, подобно собаке, номерок с цифрой 201 его вместе с другими военнопленными держали в огражденных колючей проволокой лагерях Ворошиловска, Днепропетровска, Кировограда.

Однако нечеловеческие муки не сломили Кельдыбаева, наоборот, они закалили его волю, еще больше ожесточили. Одна-единственная дума гонит его — отомстить за издевательство. Но он в руках у жестокого врага. Значит, любыми путями нужно уйти, убежать из плена, чтобы затем драться с палачами до последней капли крови.

III

В июне 1943 года Жаханша исполнил свой план мучественного побега из вражеского плена.

В глубоком раздумье бродил он по берегу Южного Буга в далеком тылу временно захваченной врагом территории Украины. Рядом нет ни одного из тех, с которыми вместе выехал на фронт из родного аула. Мажит Садакбаев и Берикбай Досжанов пали смертью храбрых в боях за Калькутту, тяжело ранен Саден Агатаев, ему оторвало осколком левую ногу, во время жаркой схватки потерялись неразлучные друзья Кайдыбек Жумабаев и Телжан Есниязов. Он сам был свидетелем всему этому. Дома у Жаханши появившийся на свет в его отсутствие сынишка Сапар, шестидесятилетний старик-отец Кельдыбай, молодая жена Жаныл. Где-то на фронтах старшие братья. Все это он не может забыть. Никогда не сотрется из памяти наказ отца перед отправкой на фронт: «Не ударь лицом в грязь, сын мой».

Когда немцы напали на нашу страну, шестерых братьев проводил старик на фронт, зимой сорок второго года отправил младшего сынишку Жаханшу.

* * *

Очутившись вдалеком тылу Кельдыбаев не мог прорваться через фронт. Он организовал партизанскую группу и в честь знаменитой на сталинградском фронте 152-ой стрелковой бригады назвал ее 152-ой партизанской группой, которая в сентябре 1943 года присоединилась к Первомайскому отряду, одному из многочисленных партизанских отрядов, действовавших у Южного Буга. Слияние состоялось на землях колхоза «Октябрь». Отряд действовал по заданию подпольного райкома партии.

Партизаны Южного Буга не давали покоя врагу. Группа Кельдыбаева отбила у врага и раздала местному населению двести центнеров пищевицы, пятьдесят пять коров, уничтожила двадцать три жандарма, семьдесят три немецких офицера и двести сорок три солдата, много мотоциклов, автомашин, три паровоза, множество вагонов, груженных оружием, боеприпасами, мукой и скотом, разрушила двенадцать мостов.

Неопытный вначале Кельдыбаев стал впоследствии умелым партизанским командиром. Неоднократно вступал он в схватку с кишиневскими вокруг немецкими карательными отрядами, вражескими гарнизонами, истребляя комендантov, полицейских, старост, поставленных немцами из числа продавшихся врагу изменников. Препятствовал вывозу в Германию богатств советской земли, созданных трудом наших людей. За Украину он дрался так же, как за свой Казахстан.

Когда, окончив войну, он вернулся в родной Джала-наш, отца уже не было в живых. Но отцовский наказ Кельдыбаев с честью выполнил.

НА БЕРЕЗИНЕ

В семидесяти километрах от Минска на берегу реки Березина стоит город Борисов. Это один из районных центров Минской области. С XII века он упоминается в летописи. Особенную известность город приобрел с 1812 года.

В ноябре 1812 года под Борисовом русские войска под командованием М. И. Кутузова нанесли сокрушительный удар отступавшим из Москвы остаткам французской «непобедимой армии», а Наполеон едва избежал позорного плена.

Севернее Борисова, вдоль реки Березина, тянутся густые, дремучие леса. В них, на берегу озера Палик, что в тридцати пяти километрах от Борисова, расположилась центральная база нашей партизанской бригады «Дядя Коля». А восемь ее отрядов находились частично в этих лесах, частично в окрестных деревнях и селах.

К Борисовскому району примыкали соседние: Плещинский, Лагойский, Смолевичский и Богомольский районы. Партизаны бригады вели борьбу с гитлеровскими захватчиками на территории этих районов. По соседству с нами ожесточению бились с фашистами партизанские бригады «Смерть фашизму» и «Железияк».

Среди партизан мне довелось руководить комсомольцами, быть заместителем комиссара бригады по комсомольской части. Работа была нелегкая и ответственная. Мне приходилось бывать почти во всех отрядах бригады, проводить беседы с комсомольцами, сообщать новости. И нередко эта работа чередовалась боями.

И все же в перерывах между боями, вечерами в свободное время, я вел дневник. Иногда я заглядываю в этот свой далекий дневник и вспоминаю дела давно минувших дней, события, людей из отряда «Коммунар».

Как сейчас помню веселого, синеглазого Ваню Суртава. Я ему давал рекомендацию для вступления в кандидаты, а в 1943 году в члены Коммунистической партии.

Партизаны во главе с Иваном Суртавым вписали немало ярких страниц в славную книгу борьбы с фашистами. Вот одна из этих страниц.

Октябрь 1943 г. Двадцать партизан, переодетых в немецких солдат, сам он в форме гитлеровского офицера (в отряде было достаточно вражеского обмундирования) и несколько партизан в крестьянской одежде, приблизились к шоссе Минск—Москва, залегли на опушке леса. Суртав выслал вперед разведчиков. Через некоторое время они доложили, что по шоссе беспрерывно идут грузовые и легковые машины фашистов.

Суртав приступает к выполнению задуманного плана уничтожения вражеских машин и солдат. Прежде всего он отправил партизан, переодетых в крестьянскую одежду, в деревню за подводами. Партизаны пригнали подводы, на них погрузили длинные бревна. Затем эти подводы вились в общий поток крестьянских подвод, везущих из леса дрова. Неожиданно, когда пересекали шоссе, распустились подпруги лошадей, и длинные бревна загородили шоссе. В это время к ним подошли немецкие солдаты. Это были переодетые партизаны Суртава. Подъехали и две вражеские грузовые машины.

В каждой из машин, кроме шоферов, сидело по двое солдат. Недовольные задержкой, они стали махать кулаками, автоматами, кричать и ругаться на своем языке.

— Ребята, без шума,— скомандовал Суртав.

Несколько переодетых партизан подошли к фашистам, чтобы прикурить. Ничего не подозревавшие гитлеровцы не успели даже вскрикнуть, длинные партизанские кинжалы сделали свое обычное дело. В это время подъехали еще три машины. Увидев пробку, фашисты сошли с машин и направились к «группе» Суртава, для выяснения, что же тут происходит. Но выяснить ничего не успели. Короткие автоматные очереди ответили им раз и навсегда, что фрицам нечего делать на этом Мин-

ском шоссе, как и на всей белорусской земле. За короткое время партизаны уничтожили двенадцать вражеских машин, двадцать два оккупанта. Захватив оружие и немалые трофеи, партизаны тронулись в обратный путь. Не успели они скрыться в лесу, как на шоссе раздались автоматные очереди.

— Теперь можете стрелять, сколько вам угодно! — улыбнулся Суртаев.

О славных боевых делах другого воина отряда «Коммунар» Володи Шарапова не раз писали в партизанской газете. Я тоже поместил о нем две заметки.

Володя был четырнадцатилетним школьником, когда началась война. Рано потеряв отца, он воспитывался у матери. С первых же дней войны, потрясенный зверствами фашистских палачей, Володя всей душой возненавидел оккупантов. Однажды, собирая в лесу грибы, он нашел ручной пулемет, две винтовки и множество патронов.

«Потом пригодится», — подумал мальчик и надежно спрятал все это в лесу, приметив место. Чем дальше откатывался фронт, тем тяжелее становилось на душе у мальчика. Многое ему было непонятно. Но Володя никого не посвящал в свои думы. Так проходит несколько месяцев. Вот и школу закрыли. Ненависть кипела в душе у юного патриота. Бить фашистов! Нужно убивать их! Но как это сделать? Ведь он один!

В это время в деревне появились листовки, в которых призывали жителей деревень на борьбу с врагом. В листовках также говорилось о том, что Красная Армия наносит гитлеровцам удар за ударом. Вскоре появились и сообщения о налетах партизан.

Никому не говоря ни слова, Володя под всякими предлогами покидает деревню и ищет партизан. Так проходит неделя, вторая, третья, а партизан все нет и нет. Но ведь они где-то рядом, тут взорвут мост, там нападут на вражеский обоз, уничтожат машины. Мальчик спрашивает у местных жителей, но никто толком не знает, где партизаны.

— Напрасно ишешь, сынок! — улыбаясь, сказал однажды Володе добродушный седоволосый дед. — Сегодня они здесь, завтра там. Прописка у них теперь — вся Белоруссия! Где ж тебе всю ее обойти. Шел бы ты лучше домой, небось мать заждалась.

И мальчик ни с чем возвратился домой. Откуда ему было знать, что партизаны выходили из лесов только по почам, с восходом солнца они опять уходили в глубокие дебри.

Тем не менее случай помог Володе, и он нашел партизан.

Он наткнулся на них, когда слишком глубоко ушел в лес и заблудился. Долго бродил по лесу, пока не нашел просеку. Потом он изнемог и уснул под деревом. Здесь его и разбудили партизаны.

— Дядь, возьмите меня к себе. Я вам пригожусь, у меня и пулемет есть,— обратился он к командиру отряда.

— А ты не шутишь? — рассмеялись партизаны.

— Откуда у тебя пулемет?

— Честное слово, есть, и винтовка и патроны тоже. Идемте, покажу.— И мальчик привел партизан к своему тайнику.

— Ну что ж, придется тебя взять с собой,— похлопывая Володю по спине, сказал командир.— А то нам одним не унести это богатство.

Радости Володи не было границ. С этого дня он стал партизаном. Мало-помалу он стал ходить вместе со старшими на задания. Осмелел. Привык к трудностям, не раз побывал в боях. И через год, овладев мастерством минера, сделался отличным подрывником. В отряде же он вступил в комсомол. Как-то в конце марта группа подрывников, в которой был и Володя пошла на задание. Группой руководил Константин Николаевич Папкович. Им было велено уничтожить немецких патрулей на железной дороге. Два дня ничего не удавалось им. Задание было под угрозой.

— А что если мы взорвем немецкий эшелон,— прервал Володя невеселые думы партизан.

— Ты что?! — удивился Папкович.— А где возьмем взрывчатку?

— Взрывчатка есть! В соседней деревне я видел не разорвавшуюся бомбу. Можно вытащить заряд. Вот и взрывчатка.

Это уже было серьезно.

— Где ты видел? Идем!

Вскоре они нашли эту бомбу. Осторожно вскрыли ее, и из толы приготовили заряд. Теперь можно было идти к

дороге. Темная ночь -- боевая подруга партизан. Вот и сейчас она скрыла подрывников, залегших у железнодорожного полотна. Установив время возвращения патруля, Костя и Володя вышли на рельсы для установки заряда. Уложив под рельс мину, Костя и Володя вернулись к своему товарищу, держа в руках второй конец шнура от мины. В ожидании эшелона партизаны залегли прямо на снегу. Прошел час ожидания, за ним второй, а поезда все нет и нет. Оказывается, вторая группа партизан вывела из строя рельсы на другом участке дороги. Вот почему не было эшелона. Аккуратно вырыв мину, партизаны условились завтра же вернуться сюда.

Снова темная ночь.

Те же партизаны, те же рельсы.

Подрывники не ошиблись в своих расчетах.

На этот раз эшелон не заставил себя долго ждать. Сперва раздался дробный стук колес по рельсам, затем шум стал увеличиваться, и вот из-за поворота, вздымая клубы дыма, показался вражеский эшелон.

— Интересно, с чем он? — полюбопытствовал Володя.

— Теперь все равно. Хоть с чертом. Давай,— резко крикнул Папкович.

Володя дернул шнур.

Когда, громыхая колесами, эшелон приближался к партизанам, раздался оглушительный взрыв. Налетая друг на друга, взрывааясь на ходу, полетели под откос вагоны. Вот так обычно заканчивались боевые операции, в которых участвовал шестнадцатилетний комсомолец Володя.

В каждом отряде были свои герои. Я помню почти каждого из них.

Заместитель комиссара отряда «Буря» Сергей Колескин не раз принимал участие в боевых операциях. Однажды Сергей с тремя партизанами возвращался из Смолевичского района с выполнением боевой задачи. Партизаны сделали привал в деревне, что в двух-трех километрах от шоссе. Оставив в дозоре двух товарищей, Сергей в сопровождении одного подошел к избе, где жил осведомитель партизан.

Раздался тихий условный стук.

— Кто там? — послышалось за дверью.

Через несколько минут разговора в дверь громко постучали. Почувствовав недобroе, Сергей сказал хозяину:

— Не открывай, спроси кто?

Хозяин не успел подойти к двери, как по-немецки и по-русски потребовали впустить в дом. «Живым не дамся», — пронеслось у Сергея. Бросив в окно две гранаты и дав длинную автоматную очередь, Сергей выпрыгнул в окно. Вслед за ним — и хозяин дома. Напуганные взрывами гранат и автоматными очередями фашисты открыли беспорядочную стрельбу. Сергей же, поливая огнем вокруг, выбрался на окраину деревни и благополучно добрался до ближайшего леса.

Оказалось, что перед приходом партизан фашисты окружили деревню и устроили засаду. Когда Сергей вошел в избу, они не тронули его, решили взять живым. Товарищи же Сергея остались за фашистской засадой и ничем не могли помочь. Но стрельбой из тыла они все-таки порядком напугали фашистов. Услышав, что стрельба стихла, партизаны ушли в лес.

Обычно партизаны ходили на связь с осведомителями глубокой ночью.

Так поступил и Сергей, откуда ему было знать, что фашисты устроили засаду.

Сергею Колескину за его находчивость и смелость был вручен именной автомат.

Отважная партизанка комсомолка Надежда Троян была гордостью не только отряда «Буря», но и всей партизанской бригады «Дядя Коля».

Надежда Троян училась в Минском медицинском институте, когда началась война. За короткое пребывание в городе девушка была свидетельницей многих фашистских зверств. На ее глазах вешали, расстреливали безвинных советских людей. Собственными глазами увидев бесчинства оккупантов, Надя дала клятву отомстить за пролитую кровь своих земляков, за поруганную белорусскую землю. Под руководством коммунистов девушка включилась в подпольную работу. Позже Надя пришла в отряд «Буря». Через Надежду Троян партизаны поддерживали тесную связь с городским подпольем. Надежда выполняла рискованные операции.

До сих пор помню, как был убит фашистский комиссар Белоруссии, правая рука Гитлера, нацист Кубэ.

В этой операции активную роль играла наша Надя.

В 1942 году фашистский палач Кубэ написал обращение, в котором обещал даровать жизнь партизанам, если они добровольно покинут лес, в противном случае грозил полным уничтожением.

Партизаны не остались в долгу и тут же написали ответ, в котором давали клятву, что не покинут лесов до полного уничтожения фашистских солдат, еще больше усилят партизанскую борьбу. «А для вас, господин Кубэ,— говорилось в ответе,— мы давно уже приготовили надежную петлю!!»

Партизаны слов на ветер не бросают. Сразу же после вручения ответа разведчики бригады и отрядов караулят его везде, охраняя дороги, по которым Кубэ проезжает. Но фашистский палач, словно чувствуя расплату за свои злодеяния, редко покидал свое убежище, резиденцию гитлеровского комиссара в Белоруссии, а если и выезжал, то с многочисленной охраной, бронемашинами и мотоциклами.

В 1943 году Надежда Троян и еще несколько человек через верных людей устанавливают связь с домработницей Кубэ Еленой. Ей объясняют суть дела, затем составляется подробный план и сроки убийства комиссара. Вскоре партизаны принесли Елене две небольшие мины и научили ее, как обращаться с ними.

Конечно же, установить связь с домработницей Кубэ и принести ей мины — дело нешуточное. Ведь попадись Надя и другие партизаны с таким грузом в руки фашистов, разговор был бы короткий.

Получив от партизан подробную инструкцию, Елена выбирает подходящий момент и подкладывает мину под матрац гитлеровского палача.

Стрелка часовогом механизма была поставлена на двенадцать часов. Сама же Елена незаметно покидает дом. Расчет партизан оправдался. Ровно в одиннадцать часов гитлеровский комиссар, отдав последние распоряжения на следующий день, пошел к себе на квартиру и вскоре уснул спокойным сном. Опасаться ему было некого и нечего: Дом охраняли усиленные наряды часовых. Стрелка часов неумолимо отсчитывала минуты.

И вот точно в полночь мелодичный перезвон часов и тишина в доме была нарушена оглушительным взрывом.

С нацистским палачом было покончено. Партизаны сдержали свое слово.

За исключительное мужество и героизм при выполнении операции — убийство гитлеровского наместника и за образцовое выполнение других заданий командования Надежде Троян было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

...Как-то вечером в отряде «Буря» началось партийное собрание. Его открыл комиссар отряда Мурашко. Когда собрание было в разгаре, в землянку ворвался запыхавшийся радиост. Он только что принял радиограмму:

— Товарищи! Наши войска освободили Феодосию и Евпаторию! — раздался его ликующий голос. Радости партизан не было границ.

Утром прибежал дозорный:

— Товарищ командир,— обратился он к командиру отряда.— Со стороны гарнизона Зембино продвигаются вражеские войска.

— Передайте командирам. Привести роты и взводы в боевую готовность — коротко приказал командир.

— Есть, — дозорный побежал оповещать командиров. Вслед за ним побежали и мы.

На краю деревни три роты партизан отряда заняли уже оборону и приготовились к встрече врага. Жители деревни поспешили уйти в лес.

Фашисты забрасывали минами деревни Ганцевичи и Заценье. Смотрим в бинокль. Вражеские солдаты, чекания шаг, идут, строго соблюдая строй.

— Подпустить врага, как можно ближе,— тихо передал по цепи командир отряда.

— Пулеметчики на месте?

— Так точно, товарищ командир,— ответил Колескин.

Сжав в руках автоматы, залегли и мы.

Расстояние сокращалось. Когда до обороны партизан осталось триста пятьдесят-четыреста метров, фашисты залегли и открыли беглый огонь из автоматов и пулеметов. В воздухе опять засвистели мины. Мы не подавали признаков жизни.

Через десять-пятнадцать минут, не дождавшись ответных выстрелов, гитлеровцы поднялись и пошли в рост. Пошли осторожно, пригнувшись, готовые при первых же выстрелах залечь и открыть стрельбу.

Наши нервы тоже были на пределе.
Ведь с каждым метром враг неумолимо надвигался
на нас, чтоб уничтожить. Ну что ж! Посмотрим, кто
кого.

Командир молчит, значит, рано открывать огонь.
И вот когда враг приблизился на двести метров, парти-
заны обрушили на врага шквал огня из всех видов имев-
шегося оружия. Передних фашистов как не было. Зад-
ние залегли и открыли ответный огонь. Началась пере-
стрелка. Появились потери и у партизан.

В разгар боя группа фашистов попыталась обойти
оборону партизан с флангов. Разгадав замысел врага,
командир отряда майор Феденко обрушил всю силу огня
на фланги, и от этой вражеской затеи ничего не получи-
лось.

Бой продолжался целый час.

Партизанами овладело беспокойство: как бы не кон-
чились боеприпасы. В это время фашисты стали отсту-
пать. Ну что ж, мы вам поможем! И вслед врагу полетели
партизанские пули. В этом бою мы не досчитались тро-
их боевых товарищей, пятеро были ранены.

21 апреля 1943 года.

В этот день мы прибыли в отряд № 3. Командиром
отряда был Леня Езубчик. Здесь до последнего времени
еще не развернулось движение «снайперов-охотников».
Об этом мы и говорили с командиром отряда, когда уз-
нали, что во вражеский гарнизон Зембино прибывает
пополнение. Наряду с живой силой фашисты увеличива-
ли огневую мощь. В гарнизон прибывали танки, пушки,
шестистрельные и большие батальонные минометы. Гит-
леровцы собирали против партизан крупные силы.

Особое беспокойство вызвали у нас танки, большие
минометы и пушки противника. Нам нечего было проти-
вопоставить им. У партизан было, конечно, противотан-
ковое ружье (ПТР), но его было слишком мало.

И все же мы не сидели сложа руки. Заместитель
комиссара отряда Виноградов, взяв несколько парти-
зан, пошел минировать возможные пути наступления
врага.

Мы проснулись в шесть часов утра. Утро было ясное, солнечное. Тут и там слышалось щебетанье птиц. Распускались почки молодых деревьев. Все радовалось новому дню весны. В этот ранний час так красиво было в лесу, что мы на какой-то миг забыли о войне и, любуясь красотой леса, полной грудью вдыхали чистый прянный воздух. Но вот мимо нас прошла группа партизан. Грозные будни партизанской борьбы вернули нас снова к действительности. Со вздохом уходил командир отряда Леня. Мы с Васей Лещуком пришли в отряд «За Советскую Родину», стоявший ближе всех к вражескому гарнизону. Через десять минут после нашего прибытия враг начал артподготовку.

По нашим наблюдениям самый страшный артиллерийский и минометный огонь обрушился на деревни Заченье, Кимия, Поляны, Любосей.

Начальник особого отдела отряда Митя Лукачев, начальник штаба Арбенин, Вася, и я прибыли на передовые позиции отряда.

Вскоре фашисты зашли в деревню Кимия. Спустя некоторое время со стороны леса Кишкурное раздались взрывы мин. «Ну, что ж, не зря потрудились ребята», — удовлетворенно подумали мы.

Со стороны партизан потери пока были незначительными. Погиб только пулеметчик Осипченко. Передовые цепи врага подошли на четыреста метров.

Напряжение боя возрастало с каждой минутой.

В 13—30 поступил приказ из штаба бригады отойти во второй эшелон обороны, к деревне Корсаковичи. Отход прошел организованно, четко. Отход основных сил прикрывали два отделения.

В 15—30 партизаны добрались до деревни Корсаковичи и расположились в заранее вырытых траншеях. Враг занял деревню Скуплино. Стало тихо. Но это затишье было обманчивым. Враг каждую минуту мог двинуться на наши рубежи.

Сумерки опустились на землю, стало темнеть. И вот в 18—15 фашисты снова обрушили на нас завесу артиллерийского огня.

Партизаны открыли ответный огонь.

— Беречь патроны, — приказал командир отряда.

Да, приказ был своевременным. Боеприпасы были на исходе, а еще неизвестно, что предпримет враг и сколько продлится бой.

В 21—00 стрельба внезапно прекратилась.

И фашисты, и мы остались на прочных рубежах. Расстояние между нами было восемьсот метров. Только сейчас мы почувствовали адскую усталость. Да и проголодались изрядно — с утра ничего не ели.

Стало совсем темно. Партизаны начали готовиться к завтрашнему дню. Командир отделения комсомолец Юшков со своими людьми отправился в хутор Журавки. Он должен был временами открывать стрельбу по фашистам и не давать им покоя. Четыре человека ушли в разведку. В это время с другой стороны пришли разведчики во главе с Сашей Кишкурно, наблюдавшие за шоссейной дорогой Завидное—Кайтаново. По их сведениям и остальные отряды нашей бригады оказали ожесточенное сопротивление врагу. Фашисты дорого заплатили за каждый метр своего продвижения. Оказывается, гитлеровцы бросили против партизан восемь танков, бронетранспортер, множество пушек, несколько больших минометов. Обсудив детали прошедшего боя и еще раз проверив посты, мы решили немного отдохнуть. Но отдых наш был коротким. Уже в 5 часов мы с Митей Лукачевым были на ногах и обошли партизан, занявших оборону. Суровые, молчаливые лица людей говорили о том, что они готовы принять новый бой. Вот среди могилок занял позицию взвод Маршалина, слева от него, в хуторе Казимирово, взвод Снухова, а справа партизаны Шляпникова.

В 6 часов утра бой возобновился. Ни на минуту не прекращая артиллерийского и минометного огня, враг двинулся на наши рубежи. Меткий огонь наших пулеметчиков не дает поднять головы вражеским солдатам. Но несмотря на это, успевшие набраться хмельного с утра пораньше гитлеровцы упорно лезут вперед и нарываются на партизанские пули.

Но вот они поняли, что пешими силами не сломить сопротивления партизан. И к восьми часам бросили в атаку два танка. Танки приблизились к нашим траншеям, открыли пулеметный огонь. В ответ заработали партизанские противотанковые ружья. Но с танками мы ничего сделать не смогли. И в 9—30, получив приказ из

штаба бригады, мы отошли в третий эшелон обороны. За три часа ожесточенного боя партизаны потеряли четырех боевых товарищей, трое были ранены.

В третьем эшелоне обороны встретились с отрядами имени Дзержинского и «Ленинец». Оказывается, они тоже отошли и заняли новые рубежи между деревнями Боровляны и Селец.

24 апреля.

Бой начался в 6 часов утра. Фашисты пустили сначала двадцать разведчиков. Партизаны сильным огнем не дали им подняться, и они убрались ни с чем. После этого враг открыл огонь из орудий и минометов.

Беспрерывно играет «балалайка» (так прозвали партизаны вражеский шестистрельный миномет). В это время мы с Васей Лещуком находились в третьем отряде «Ленинец». Вскоре под прикрытием артиллерийского огня пошли в атаку вражеские солдаты. Огонь с обеих сторон не прекращался ни на минуту. В бинокли можно было видеть, как фашисты оттаскивали назад своих убитых и раненых солдат.

В третьем отряде пока что убили только пулеметчика Красовского.

Через четыре часа ожесточенного боя мы отступили на окраину леса к посту № 2.

После обеда (этого же дня) я был уже в отряде имени Дзержинского. Снова бой. С жужжанием проносятся пули, заставляя настороживаться и пригибаться. Мы стоим под прикрытием большого дерева и обсуждаем ход боя. Недалеко от нас парнишка лет тринадцати-четырнадцати ползком пробирается с патронами к пулеметчикам. Видно, что он очень устал и боится. Желая как-то подбодрить его, мы крикнули:

— Что же это ты так землю обнял, небось страшно, а?!

— Да нет, совсем не страшно,— парнишка вскочил на ноги и побежал к пулеметчикам.

Позднее, в 1958 г., на встрече бывших партизан, этот эпизод напомнил мне сам парнишка. Встретившись через четырнадцать лет, боевые друзья вспоминали суровые дни прошедших лет. Встреча проходила в деревне Буденичи. В самый разгар разговора ко мне подошел

широкенный в плечах парень лет тридцати, и поздоровавшись, крепко пожал мне руку.

— Не узнаете? — хитро улыбнулся он.— Эта же деревня, 1944 год.

— Нет, не узнаю,— произнес я.

— А помните мальчишку, который с патронами полз.

Да, теперь я вспомнил, ну конечно же, это был тот самый мальчишка, который под вражеским огнем доставлял пулеметчикам патроны. Мы весело рассмеялись.

...Бой в лесу разгорался.

Собрав в кулак все силы, фашисты устремились к нашей базе.

В затянувшемся бою коммунисты и комсомольцы проявляют героизм. Вот заместитель комиссара отряда по комсомолу Касенков поднял в атаку комсомольское отделение. С криком: «Ура!.. За родину!» он бросился вперед. Следуя его примеру, за ним бросились и другие партизаны. В это мгновение пуля сразила отважного воина. Увидев, как погиб любимый командир, комсомолец-пулеметчик Аблемитов крикнул:

— Комсомольцы, за мной!

За ним ринулись молодые партизаны.

Пять с половиной часов продолжался кровопролитный бой. В 9 часов вечера фашисты отступили из деревни Буденичи к деревне Рудия. Храбро сражались в тот день Кротов, Тихонович, Мороз и другие коммунисты.

В скорбном молчании проводили партизаны в последний путь погибших товарищей — Касенкова, Курленка, Харькова, Рулько. Над их могилами, украшенными первыми весенними цветами, прогремели залпы прощального салюта.

Навсегда остались в нашей памяти пулеметчик-комсомолец Шадуро, бесстрашно косивший фашистов из ручного пулемета, и чех Митошенко, убивший из винтовки с десяток гитлеровцев. После окончания боя партизаны собрали трофеи.

Ночь выдалась на редкость прохладной. Дует пронизывающий ветер. Шелест ветвей и листьев, заглушаемый днем воем снарядов и свистом пуль, сейчас ночью как бы напомнил о красоте природы.

Утомленные, голодные партизаны выставили караульных и, обняв свое оружие, повалились спать. Нужно было хоть дать отдых усталому телу.

После ужина командир отряда Соколка, комиссар отряда Фадеев, работник подпольного райкома партии Солодок и я отправились в штаб бригады. Здесь царило оживление: должен прибыть самолет. Вместе со всеми этому обрадовались и мы. У нас тоже боеприпасы были на исходе. Подошло и назначеннное время прибытия самолета. Поехали на площадку, куда самолет должен был сбросить груз.

В пяти местах разложены кучи сухого хвороста. Встречей самолета руководил заместитель начальника штаба бригады Виктор Павлович Большаков. Вот послышался гул. Партизаны по звуку мотора определили, что это наш самолет.

Вспыхнули костры, вырывая из темноты лица партизан. Самолет сделал круг в воздухе и выбросил парашют с грузом.

Потом самолет сделал над нами прощальный круг и, помахав крыльями, улетел обратно. Партизаны собрали весь сброшенный груз. Тут были автоматы, патроны, махорка, одежда, хлеб. У всех нас поднялось настроение. Было приятно сознавать, что мы здесь, в этих дремучих лесах не одиноки, о нас знают, помнят и заботятся. Эта мысль согревала сердца людей и укрепляла силы в борьбе с врагом.

25 апреля.

Утром мы с Васей Лещуком отправились к деревне Божидар. Там находились роты отрядов имени Чапаева и «Буря». С нами пошли на соединение к своим ребята из остальных рот отряда «Буря». В полдень пришли в Божидар и встретились с отрядами.

Дождь лил как из ведра. Партизаны промокли до ниточки. День прошел относительно спокойно. И только ночью в избушке, одиноко стоящей на краю деревни, мы наскоро развели огонь, обсушились и легли спать, тесно прижавшись друг к другу.

26 апреля.

Бой начался в 12 часов. Партизаны два раза ходили в атаку. Фашисты не вытерпели нашего натиска, отступили к деревне Иконы. В дневном бою мы потеряли тро-

их бойцов. Пятеро были ранены. Отступление фашистов подняло моральный дух партизан.

27 апреля.

Необычная тишина на нашем участке. Разведчики ушли на задание. Враг молчит, видимо, он стянул свои силы на другом участке. Так оно, наверное, и есть. Со стороны расположения штаба бригады доносится беспрестанная стрельба. Волнуемся за своих товарищей. Как они там? Выдержат ли?

Воспользовавшись затишьем, мы с Володей Грановым провели беседы с комиссарами, политруками и комсомольскими работниками о состоянии политработы. Поздно вечером к нам пришел начальник штаба бригады Андрей Волошин.

— А у вас тут тихо! — здороваясь с нами, сказал он.

Мы вопросительно посмотрели на него, ожидая известий с соседних участков. Он понял нас и ввел в курс событий.

— По сведениям разведки, — спокойно и сурово заговорил Волошин, — положение очень трудное. Каратели решили окружить все наши отряды, сомкнуть кольцо окружения и уничтожить партизан до единого. Одним словом, фашисты решили пачать против нас грозную блокаду. А сколько она продлится, неизвестно. Поэтому самое главное — беречь силы и боеприпасы. Взять на строгий учет запасы продовольствия. Таков приказ командования бригады.

— Ясно. Огнем не взяли, так хотят взять голодом. Не выйдет, господа фашисты, — сказал Жуковский.

После совещания было объявлено о предстоящем нападении на большой вражеский гарнизон в деревне Рудня.

— Нападение назначено на 3 часа ночи. Сейчас готовьте людей. Выступаем через час, — отдал приказ Волошин.

28 апреля.

Непроглядная ночь. Идем осторожно, боясь нарушить тишину. Такая тишина, что даже слышно дыхание впереди идущего. Вдруг под кем-то хрустнула веточка.

— Тихо, ты, медведь,— раздался приглушенный шепот.

И снова тишина.

Что это? — перед нами белая полоска шириной в два-три метра. Подходим ближе. Речка, самая обыкновенная речушка спокойно текла перед нами. Непредвиденное препятствие. Попробовали найти брод. Нет, глубоко. Моста и в помине нет. Вместо него длинное бревно. Пошли по нему. Не обошлось и без происшествий. Несколько человек, оступившихся, приняли холодный душ.

— Ну вот, заодно и искупались,— шутит кто-то. Уж такой народ партизаны, никогда не унывают. В ожидании товарищей устроили небольшой перекур.

И снова в путь.

В назначеннее время отряды пришли на условленное место и залегли. Рядом с нами отряд имени Чапаева, слева «Коммунар», справа «Буря» и взвод автоматчиков.

Три часа! В небе вспыхнула ракета.

Мощное партизанское «ура» потрясло округу. Фашисты встречают нас ураганным огнем. Тут и там взрываются гранаты. Взвод автоматчиков врывается в крайние землянки. От сильного вражеского огня партизаны кое-где не могут сдвинуться с места.

Пришла группа автоматчиков. Впереди три пленных немца.

— Товарищ командир,— обратился старший группы.— Взвод автоматчиков занял три землянки. Семь фашистов убито, трое сдались в плен. Что делать с этими?

Осмотрели пленных. Вид у них перепуганный.

— Отправьте их в тыл,— приказал командир.

Бой становился жарче. Появились потери и у нас. Раненых и убитых уносили с линии огня. В самый разгар боя к командиру прибежал дозорный.

— Товарищ командир, к фашистам пришло большое подкрепление.

— Продолжайте наблюдать.— Волошин отпустил дозорного. Оставаться здесь было нельзя. И было принято решение уйти в лес. Не прекращая стрельбы, взвод за взводом отходил на прежние позиции. В этом бою партизаны не досчитались шести бойцов. Потери фашистов были в несколько раз больше.

Среди погибших товарищей и француз Мишель, украинец Генько и другие. Мишель прибыл к нам летом 1943 года. Он убежал из фашистской армии. На первых порах Мишель не знал ни одного слова по-русски. Да и по-немецки он знал всего несколько слов.

Только мы и разобрали:

— Гитлер капут. Моя найн фашизм.

Мы объяснялись с ним языком жестов и мимики. Так мы узнали, что он рабочий и у него в далекой Франции есть семья.

Веселый, общительный француз стал всеобщим любимцем. Вскоре Мишель стал сносно говорить по-русски. В бою он дрался храбро, стойко переносил все тяготы и невзгоды партизанской жизни. И вот теперь не стало веселого француза. На далекой белорусской земле он погиб за свою родину — прекрасную Францию, которую любил больше всего на свете.

...Все дальше и дальше углубляемся в лес. Идем по болотистой местности. Назад идти труднее, сказывается усталость. Гляжу я на партизан и думаю: «Многие уже в летах, сами имеют взрослых детей. Им бы дома сидеть, а они вот с оружием в руках встали на защиту своей родины. Нет, никакому врагу не одолеть таких людей». Гордость переполнила мое сердце. Ведь мне выпала честь сражаться бок о бок с такими замечательными людьми.

Через час ходьбы выбрались на сухую землю, сделали привал, не выпуская из рук оружия,—враг мог напасть каждую минуту. Из штаба бригады поступило сообщение: враг развернул на нашем направлении усиленное наступление. Фашисты во что бы то ни стало решили добраться до нашей базы и уничтожить ее. В непролазном болоте застряли вражеские танки, пушки. Партизаны оказывают врагу ожесточенное сопротивление. А соседние бригады сегодня ночью напали на вражеские гарнизоны Замощья и Горелого луга. Молодцы, ребята, не дают немцу покоя ни днем ни ночью.

29 апреля

Затишье.

По всему видать — враг накапливает силы. Мы не ошиблись в своих предположениях. В 12 часов фаши-

ты стали перебрасывать своих солдат с деревни Икона в деревню Пустое. Проехало пятнадцать вражеских машин. Мы тоже взялись за дело. В штабе отряда обсудили обстановку. В это время пришло сообщение из штаба бригады. Вчера отряды оказали врагу упорное сопротивление и не допустили его к базе. А партизаны первого отряда из противотанкового ружья подбили немецкий танк. Итак, к трем подбитым самолетам и восьми танкам противника прибавился еще один танк.

Еще новость — пойман предатель. Им оказался младший брат Желудкова, партизана отряда «Коммунар». Желудков говорил про брата, что он пропал на фронте без вести. Он очень часто тосковал по брату. И вот этот самый брат оказался предателем.

За один день постарел Желудков.

30 апреля.

Рано утром разведчики отряда имени Чапаева привели языка. У бедняги от страха тряслись руки и дрожали колени. От него мы узнали, что против нас действует около семисот-восьмисот вражеских солдат. У фашистов кроме того семь танков, две бронемашины, две танкетки, несколько орудий, минометы. Что и говорить, грозный противник! Тем не менее сразиться с ним нужно. Одно нас утешало: вражеская техника не пройдет в лесу. Ну, а с пехотой врага нам не привыкать драться. К тому же фрицы точно не знают наших сил. Под каждым кустом им мерещатся партизаны, поэтому малыми силами они не войдут в лес. И опять же партизаны знают лес, как свои пять пальцев, чего нельзя сказать про фашистов.

7 часов 15 минут. Фашисты пошли в наступление. Так оно и есть, гитлеровцы шли большими группами. Подпускаем ближе и бьем в упор. Мы не одни. Справа от нас ведут бой четвертый и пятый отряды бригады имени Железняка. За одной цепью врага появляется вторая, третья, кажется, не будет им конца. Ни на минуту не прекращается огонь. Несмотря на все усилия, враг не продвинулся ни на шаг. Постепенно стрельба стала затихать.

Сумерки. Подобрав раненых и убитых, фашисты убрались воевояси. Ведь надвигалась ночь, а фаши-

ты из своего горького опыта знали, что такое темная ночь в лесу.

Так прошел еще один день, последний день апреля. Наступающий май мы встречаем хорошими боевыми успехами. Несмотря на превосходящие силы врага, мы не уступили ему ни пяди партизанской территории.

1 мая.

Вот и наступил первомайский праздник, праздник весны и труда! Вспоминаю праздник в ауле. Радостные, смеющиеся лица, красивые наряды, праздничный той на весь аул, байга... Затем школа, институт, праздничные колонны демонстрантов, алые флаги, транспаранты, лозунги и первые майские цветы, море людей, море счастья, радости, весны. Сейчас те же радостные, улыбающиеся лица, вот только наряды не совсем праздничные, ну, в этом мы меньше всего виноваты. Так в ясное, солнечное утро к нам пришел Первомай, пришел с «салютом» — это стреляли фашисты. В 7 часов они начали артиллерийскую пальбу. Вскоре гитлеровцы дважды бросаются в атаку и дважды откатываются назад, неся большие потери. С 17 до 21 часа наш участок леса подвергся страшному артиллерийскому обстрелу. В результате обстрела легко ранило двух партизан. Конечно же, немцы каждый день трубили о партизанских потерях, исчисляемых тысячами и сотнями людей. Если верить фашистской пропаганде, то в лесах Белоруссии давно уже нет партизан. Только непонятно одно: зачем фашисты держат в этих лесах такие крупные силы.

В 22 часа в небе повисли подвесные ракеты. При свете этих ракет наши бомбардировщики бомбят около местечка Лепель. Мы смотрели на эти вспышки, и наши сердца наполнялись гордостью за наших летчиков.

2 мая.

Стало известно, что фашисты сожгли в деревне Божидар семь изб. Уж так повелось: где пройдет фашист, там он сеет смерть, пожары, разрушения. Ему и пища не впрок, если он никого не убьет или ничего не спалит. Такова природа фашизма.

3 мая.

Лежим в обороне, в лесу у деревни Мрай. Пока за-тишье. Видим, как враг подтягивает крупные силы к деревне Божидар. Что задумал враг, где следует ожидать его нападения? Нужен «язык». И вот трое партизан отряда «Коммунар» под прикрытием темноты пробрались во вражеский гарнизон. Первые немецкие часовые. Разведчики облюбовали рослого, худенького гитлеровца с нашивками ефрейтора. «Как-никак, ефрейтор!»— подумали разведчики.— «К тому же и пести легче». Но взять языка не удалось. Когда партизаны осторожно подползли к нему, фашист неожиданно обернулся и увидел разведчиков. Партизаны, как барсы, прыгнули на фашиста, тот только успел крикнуть: «Русс». Длинный партизанский кинжал вонзился ему в грудь. Все же враг поднял тревогу. «Черт с ним, с языком, айда ребята»,— и смельчаки бросились в темноту. Вслед партизанам раздались беспорядочные выстрелы...

...Поздно вечером состоялось собрание командиров.

4 мая.

С восходом солнца мы с Васей отправились на передний край обороны узнать, как там обстоят дела. Не успели мы подойти к передовой, как немцы пошли в наступление. Около тысячи фашистов, семь танков, несколько орудий, минометов, были брошены на партизан.

В разгар боя мы с Васей прибыли в отряд имени Чапаева. От грохота вражеских снарядов и мин стонет земля. Видно, мы достаточно насолили фрицам, что они бросили против нас крупные силы. Фашисты идут вперед, беспрерывно стреляя из автоматов и оглушая лес своими дикими криками. Чувствовалось, что гитлеровцы так ведут себя после сильной порции спиртного.

— Горько же будет ваше похмелье,— злорадно усмеивается кто-то из партизан.

Меткими автоматными и винтовочными выстрелами партизаны укладывают «спать» одного фрица за другим. Редеют ряды гитлеровцев. Но враг упорно идет вперед. В нескольких метрах от нас разрываются вражеские мины.

— Полметра левее, и нам бы общий привет! — шутит неунывающий командир чапаевцев Жуковский.

— Скажи спасибо, что жив остался, — отвечает ему в тон комиссар Казимиров.

Мы переходим на новое место.

Часам к десяти фашисты решили обойти нас с флангов. Разгадав замысел врага, отстреливаемся и отходим в глубь леса. С нашей стороны выстрелы доносятся все реже и реже. Нужно беречь патроны. Возле деревни Волоки собираем своих людей и располагаем на короткий отдых. Усталые, измученные лица партизан, разорванные одежды, некоторые в лаптях, многие просто босиком. Да, тяжела ты, партизанская доля! Вот и сегодня с утра ожесточенный бой, и ни крошки во рту. А про обмундирование партизан и говорить нечего, вылинявшие солдатские гимнастерки, давно уже потерявшие свой первоначальный цвет, зеленые немецкие мундиры, черные полицейские шинели или простая крестьянская одежда.

Трудно определить и возраст партизан.

Сквозь бороды и усы выглядывают усталые глаза молодых людей, взваливших на свои плечи тяжелое бремя партизанской жизни.

5 мая.

В два часа ночи добрались до деревни Уборок. Деревня встретила нас полыхающим заревом огня. Горели дома. Ясно! Здесь побывали фашисты. К счастью оказывается, жители деревни успели убежать в лес. Враг вышел из деревни Макови и приближался к деревне Уборок. Два часа длился бой партизан отряда «Буря» с фашистскими головорезами. Сегодня кое-где карателибросили против партизан своих овчарок. Огромные черные псы громким лаем оглушали лес. Все ближе и ближе подходил враг. У партизан кончались боеприпасы. Это было очень опасно. Без пищи партизан может прожить несколько дней, а вот без патронов он уже не партизан.

Решили идти к базе. Подходим к первому посту. Оказывается, до нашего прихода здесь побывал самолет и сбросил груз: автоматы, патроны и продукты. Эта весть сразу подняла в нас боевой дух.

6 мая.

Утром этого дня я прибыл на базу.

— А, комсомольский вожак! Ну, как у тебя дела? — обратился ко мне командир бригады Петр Григорьевич Лопатин.

Я стал докладывать о том, что видел и пережил; внимательно слушал меня и комиссар бригады Николай Николаевич Чулицкий. Наша беседа была прервана появившимся дозорным.

— Товарищ командир,— обратился он к Лопатину.— Враг приблизился к первому и второму постам.

— По местам,— приказал Лопатин и первым вышел из землянки. У партизан прибавились запасы боеприпасов. Враг почувствовал это на себе.

База, к которой так стремились фашисты, находилась в глубине леса. Путь к ней лежал через непроходимые болота и топи. Это было не по вкусу немцам.

В непроходимом лесу встречались маленькие островки суши, которым партизаны дали любовные названия «Остров сокровищ», «Остров любви» и другие. На каждом из этих островков зимой и летом находились землянки. Здесь была партизанская бригада. Расстояние от одного отряда до другого четыреста-пятьсот метров. Около базы партизанского штаба находились типография, больница. «У нас все есть, кроме Дворца культуры»,— шутили партизаны.

От острова к острову партизаны проложили ряды тонких длинных бревен. Непривычно было ходить по ним, но что поделаешь — война. По этим бревнам переносили и грузы.

На противоположной стороне базы, в двух километрах от нее, протекала река Березина. Озеро Палик находилось в трех километрах. Лес же, примыкавший к этому озеру носил название Паликский.

7 мая.

4 часа утра. Дождь льет как из ведра. В землянке штаба базы только я и Виктор Большаков. Командиры бригады сегодня ночью перебрались на лодках на ту сторону Березины. На окраине леса остались только два отряда. Переправить сразу все отряды под посом у врага

было делом рискованным. Поэтому штаб принял решение оставить для прикрытия два отряда. Разведка донесла, что фашисты роют на краю леса траншеи, окопы, устанавливают орудия. «Будь что будет», — подумали мы и в ожидании дальнейших событий легли немного отдохнуть. Сегодня был уже шестнадцатый день блокады. Еще неизвестно, сколько дней она продлиться. Партизаны исходали, кончались запасы продовольствия. И неоткуда было пополнять свои запасы. Жители окрестных деревень, поддерживавшие нас, сейчас сами разбрелись по лесам. Да и чем они могли помочь нам. Наше положение лучше, мы были вооружены. А это много значит!

Ко всему привыкаешь, но как быть с курением? Во всех отрядах ни одной осьмушки табака, а курить хочется. Чего бы только не отдал за одну затяжку! Аж скулы сводит, до того хочется курить. Виктор тоже не спит.

— Когда все это кончится? — обращается он ко мне. — Вечно чего-нибудь не хватает. То хлеба, то патронов, а теперь даже махорки нет. Вот побьем фашистов, тогда и трудности наши кончатся, а? Как ты думаешь?

— Открыл Америку, — улыбаюсь я.

Наш короткий отдых был прерван в 6 часов утра артиллерийскими залпами. С некоторого времени на нашем участке фронта не было особых перемен. Это обстоятельство несколько удивляло ребят.

И вдруг опять все стихло. Партизаны настолько привыкли к автоматной и артиллерийской стрельбе, что както настороженно отнеслись к наступившему затишью.

Неожиданную новость принесли разведчики: фашисты покидают лес. Они оставили деревни Буденичи, Селец, Боровляны. Вначале мы не поверили этому. Можете себе представить радость партизан, когда известие об отходе вражеских войск подтвердилось.

Радость наша была омрачена сообщением о гибели Михаила Рудакова. Рудаковых было трое в нашей бригаде. Средний, Володя, — один из организаторов партизанской бригады. Тихий, скромный, он пользовался уважением всех партизан за свою храбрость в бою. Володя погиб осенью 1943 года в одном из боев с вражескими захватчиками. Младший из Рудаковых, Костя, погиб за несколько месяцев до этого.

Теперь вот ушел от нас и последний из Рудаковых, Михаил. Все три брата... Никогда не вернутся в родной

город Лагойск. В борьбе с ненавистными захватчиками отдали они свои молодые жизни...

...Поздно вечером фашисты покинули деревню Смоляры, Усохи, Пустой, Божидар.

10 мая.

Гитлеровцы оставили еще две деревни: Новое село и Лисино. На базу возвращаются партизанские отряды. Люди приводят себя в порядок. Этот день принес еще одну новость: советские войска освободили Севастополь.

15 мая.

В 12 часов пришли в третий отряд, расположенный около деревни Извинята.

Отряд в полной боевой готовности. В чем дело? Оказывается, со стороны деревни Корсаковичи выступил вражеский отряд, около сорока человек. Партизаны подготовились к встрече. Как только на дороге показалась колонна фрицев, партизаны открыли огонь. Фашисты видно не ожидали встретить здесь партизан. Дорого обошлась фашистам эта неожиданная встреча с партизанами. Потеряв около десятка убитых солдат, враг отступил. Партизаны проводили его сильным огнем.

Вечером этого дня состоялось совещание комсомола бригады. На совещании были подведены итоги блокады и намечены планы на ближайшее будущее.

Вот так и окончился первый период блокады и вскоре наступил второй период.

На этот раз фашисты не вошли в лес. Тому было, видимо, несколько причин.

Во-первых, гитлеровцы не знали, сколько же партизан действует в этих лесах. Во-вторых, враг убедился на опыте, что такое непроходимые лесные топи и болота, и в-третьих, в связи с изменением положения на фронте фашисты вынуждены были оттянуть туда крупные воинственные соединения.

Партизаны знали, что враг не оставит их в покое и готовились к предстоящим схваткам.

* * *

Бригада «Дядя Коля» внесла свой достойный вклад в общее дело борьбы с гитлеровскими захватчиками. По этому поводу белорусская республиканская газета «Звезда» писала 10 июля 1958 года: «Партизаны этой бригады пустили под откос 132 вражеских эшелона с людьми и вооружением, подожгли 9 танков и 3 броневика, сбили 8 самолетов, 2600 вражеских солдат и офицеров нашли свою смерть от рук партизан. Партизаны защитили тысячи советских людей».

Конечно, в этот список не вошли уничтоженные партизанами нашей бригады сотни вражеских автомашин, множество сваленных телеграфных столбов, перерезанные телефонные кабели, выведенные из строя рельсы.

Мы рассказали лишь об отдельных эпизодах из славной, героической борьбы партизан бригады «Дядя Коля» с гитлеровскими оккупантами. Полный рассказ о тех незабываемых грозных днях — предмет особого разговора.

ПЕСНИ, БОИ И УЧЕНИЧЕСКИЕ ТЕТРАДИ

В местечко Иоды мы вошли на рассвете. Усталые, злые, голодные. На трех крестьянских подводах, замыкавших нашу небольшую колонну, лежали тяжелораненые. Они громко стонали.

— Потерпите, ребятишки! — успокаивала партизан санитарка Нина. — Скоро отдых будет!

На ее боку висела большая санитарная сумка, доверху набитая бинтами и перевязочными пакетами. Из кармана шинели выглядывало горлышко бутылки. В ней Нина хранила настойку йода. Я догнал последнюю подводу, снял с плеча санитарки сумку, пристроился рядом. Нина молча поблагодарила меня глазами.

Тяжелое багряное солнце торжественно поднималось над лугами. Но здесь, в предместье, было сыро и пасмурно. Вязкие клочья тумана цеплялись за плетни и палисадники, от влажной набрякшей земли пахло свежим конским навозом. На широких, расплющенных листьях подорожника еще дрожали крупные, прозрачные капли от ночного дождя.

Партизаны, разгоряченные недавним боем, негромко перекликались, кое-кто украдкой, чтобы не видел комиссар, срывал с придорожных диких яблонь кислые зеленые плоды.

— Ты знаешь, — Нина тихонько дотронулась до моей руки, — я вчера наших радиосток видела. Взяла у них песню. Такая хорошая, душевная. Слушай:

На позицию девушка
Провожала бойца
Темной ночью осеннею
На ступеньках крыльца.

Валентин Смирнов

Нина пела негромко, старательно выделяя каждое слово. Раненые перестали стонать, вслушиваясь в светлую и в то же время немного грустную мелодию.

Песня — первая попутница партизан. В землянке, в лесу, на коротком привале, что может лучше ее обогреть душу человека? Но своих, партизанских песен нам не хватало. Пели довоенные, как шумил наш взводный Ления Савченко, снятые временем с вооружения.

Особенно часто звучала боевая «Походная», опубликованная в одной из партизанских газет. За точность я не ручаюсь, но, кажется, там были такие слова:

За страну родную нашу,
Власть рабочих и крестьян
Бьются грозные отряды
Белорусских партизан.
Эй, товарищ, выше знамя!
Наша сила велика:
Приближаются с боями
Красной Армии полки!

Конечно, эта песня, уже основательно приевшаяся, не шла ни в какой счет по сравнению с новой, лирической, которую нам вполголоса напевала санитарка.

— Эх, Нина, Нина! Подойди ближе, я тебя поцелую! Хорошо поешь! — похвалил девушку Савченко.

Он хотел повернуться, но в эту секунду заднее колесо повозки наскочило на булыжник, и мой взводный, охнув, снова опустился на живот.

Его ранило после боя. Осколком снаряда. В ягодицу.

Один из последних снарядов, пущенных немцами на угад, взорвался высоко над нашей колонной, отдетонировав от удара в крону старого широколиственного дуба.

Ленька как раз проходил около этого дерева. Ему и попало. Единственному из тридцати. Ранение было сквозное. Сильно кровоточило. Санитарка предполагала, что задета кость. Других партизан ранило раньше. Во время короткого, но ожесточенного боя с карательным отрядом эсесовцев, когда наш отряд имени Кирова прикрывал отход главных сил бригады. Весной 1944 года гитлеровцы предприняли против партизан, действовавших в треугольнике Витебск — Полоцк — Невель, несколько крупных карательных экспедиций, названных ими «Праздник весны» и «Ливень».

Умело маневрируя, наша бригада «За Родину» вырвалась из окружения с небольшими потерями, уничтожила во время прорыва блокаду трехсот фашистов. Вместо «Праздника весны» у оккупантов получился весенний траур.

Но тяжелые, оборонительные бои заметно измотали силы партизан, так как оборона сочеталась с дерзкими, неожиданными налетами на укрепленные фашистские гарнизоны.

Этой ночью наш отряд разгромил гарнизон в местечке Погост, а когда каратели опомнились и послали за нами в погоню крупный отряд эсесовцев, мы из засады в упор обстреляли немцев и подожгли три автомашины.

Во время перестрелки семь партизан были убиты и восемь ранены. Карателей мы уничтожили всех до одного. Мы в плен их не брали. Так же, как и гитлеровцы нас.

Комиссар отряда Гусев в беседе перед этим боем прочитал нам выдержки из дневника офицера Фридриха Бушеле, убитого партизанами.

Вот что писал немец: «В мрачную пустыню вступили мы на танках. Кругом ни одного человека, но всюду и везде, в лесах и в болотах, носятся тени мстителей. Это партизаны. Неожиданно, будто вырастая из-под земли, они нападают на нас, рубят, режут и исчезают, как дьяволы, проваливаясь в преисподнюю. Мстители преследуют нас на каждом шагу, и нет от них спасения.

Проклятие! Никогда и нигде на войне мне не приходилось переживать ничего подобного. С призраками лесов я не могу воевать. Сейчас я пишу дневник и с тревогой смотрю на заходящее солнце. Лучше не думать. Наступает ночь, и я чувствую, как из темноты неслышно

ползут, подкрадываются тени, и меня охватывает леденящий ужас...»

В Иодах наша колонна задержалась не больше двух часов. Командир бригады приказал отряду остановиться в одной из деревень к востоку от райцентра и занять долговременную круговую оборону.

В Иодах командование предполагало расположить штаб бригады.

Едва наша колонна выползла из местечка, как над ближайшим лесом раздался рокот моторов.

Летели «горбачи». Так партизаны называли пикирующие бомбардировщики «Ю-87». «Горбачи» летели журавлинным клином на высоте двух-трех тысяч метров. Они строго держали равнение под лучами утреннего солнца, зловеще сверкали на боках самолетов черно-желтые кресты.

Партизаны быстро рассыпались по полю, залегли. Я схватил коня за повод и погнал упряжку с ранеными под придорожные деревья. То же сделали и другие ездовые. Дорога снова стала пустынной и голой.

«Заметили нас немцы или нет?» — тревожно думали притаившиеся партизаны.

А самолеты уже перестроились в цепочку. Вот первый тяжело перевалился на крыло и с раздирающим сердце ревом круто, почти вертикально, пошел вниз. За ним второй, третий. Раздались взрывы. Черный, густой дым повис над кустами. Отбомбившись, ведущий самолет снова пристроился в хвост последнему.

Немецкие летчики бомбили березовую рощу метрах в трехстах от дороги. Там, около опушки, стояли небольшие стога свежего сена, паслись коровы. Видимо, немцы посчитали стога сена за какие-то партизанские шалаши и весь свой бомбовый запас обрушили на молодые березки. Только на последнем заходе летчики заметили на дороге повозки с ранеными. Прицельной пулеметной очередью ударили по ним. Было видно, как пули подняли на дороге пыльные фонтанчики, но из раненых никто не пострадал. Убило только одну лошадь и пулей разорвало железный обруч переднего колеса. Мы перенесли раненых на другую телегу и через сорок минут уже были в условленном месте.

Нас ждали. У обочины дороги стояли женщины, дети. В руках у них были кувшины с молоком, хлеб, варе-

ная картошка. Местные жители прекрасно понимали, что только за одно сочувствие к партизанам их ожидала жестокая расправа немцев. Каждый вражеский солдат или полицейский, согласно инструкции гитлеровского генерала фон Браухича, мог и должен был убивать всякого советского человека, который покажется ему подозрительным: ребенка, женщину, старика. «Правильно поступает тот,— говорилось в инструкции Браухича,— кто полностью пренебрегает личными чувствами, действует беспощадно и бессердечно».

А в секретной директиве разведывательного отряда 26-й пехотной немецкой дивизии говорилось:

«Следует расстреливать: лиц в гражданском или полугражданском платье, которые подозреваются в хранении оружия или в том, что они принимали участие во враждебных действиях против германской армии.

Следует вешать: лиц, уличенных в явной принадлежности к партизанам. Устрашение усиливается путем вышивания надписей».

Но все эти людоедские инструкции и директивы бледнели перед зверством оккупантов. Карапели жгли дома, отрезали головы детям, штыками кололи стариков и женщин. Я видел это своими глазами. Я видел вместо сел голые пепелища, вместо счастливого смеха слышал предсмертный детский хрип. До сих пор не могу забыть пятилетнего мальчика, пригвожденного к полу кинжаленным немецким штыком. Это было в одной из весок (так белорусы называют свои села) под Дриссой.

И все же население встречало нас радостно и хлебосольно.

— Оставьте раненых у меня! — просила дородная сироглазая крестьянка. — У меня всегда молоко свежее, яйца, мясо.

Нашему взводу командир отряда приказал расположиться в здании начальной школы. Мы бережно вынесли во двор парты, шкафы, стенные доски. В классах поставили нары, сделали пирамиды для оружия. Там, где это требовалось, вырыли траншеи, окопы, тщательно замаскировали пулеметные и другие огневые точки.

Несколько дней отдыхали, набирались сил. Впереди нас ожидали новые бои и походы. Но и во время отдыха отдельные рейдирующие группы нашего отряда занима-

лись диверсиями. Рельсовая война велась безостановочно.

Скрыто, бездорожьем диверсионные группы про- бирались к магистралям Вильнюс — Двинск, Двинск — Рига, Двинск — Витебск, Каунас — Вильнюс. Некото- рые участки железных дорог были полностью выведены из строя, на других—шли под откос воинские эшелоны с техникой и живой силой. Лучший подрывник нашего от- ряда Кузнецов (имени и отчества, к большому сожале-нию, я не помню) за особо удачную диверсию был на- гражден орденом Красной Звезды.

Наш взвод после выздоровления снова возглавил Ле- онид Савченко. Высокий и круглолицый, с ястребиными глазами, он ходил по пустым классам школы и недоволь- но ворчал:

— Пустует. Третий год не учатся дети! А я ведь учи- телем до войны работал.

Я сидел у окна и разбирал трофейную винтовку бель- гийского производства. Мне не терпелось узнать ее уст- ройство. Патроны к ней были очень маленькими, с узкими латунными пулями.

— Изучаешь? — взводный пальцем постучал по при- кладу.— Сколько лет тебе?

— Семнадцать.

— Да... уже бы десятый класс кончал. А ты воюешь... Технику бельгийскую изучаешь,— грустно усмехнулся он.

Поздно ночью, когда все партизаны спали, я увидел своего взводного, сидящего за столом. Он что-то шептал, шевеля губами. Желтоватый свет от керосиновой лампы «семишинейки» мягко освещал склонившуюся над столом фигуру. Я удивился. Тихо поднялся с нар, подошел к Савченко.

— Ты понимаешь,— смущенно крякнул он,— я в од-ном из шкафов нашел ученические тетради с непрове-ренными задачками. За сороковой год.

Он покрутил огрызком красного карандаша:

— Вот... Оценки ставлю. Седьмую тетрадь проверяю. Все пятерки. А ты иди спать. Завтра тебе работа будет. Да молчи, ребятам не рассказывай.— Он снова углу- бился в свое занятие, и мне не верилось, что этот человек среди смерти и крови сумел сохранить такую удивитель- ную и чистую любовь к детям. Ночью я долго не мог ус-

нуть. «Все пятерки...» Какие были дети... Какая жизнь была... Кем бы они стали... И всему помешала война!

Утром меня вызвал к себе командир отряда товарищ Антонов. В светлой бревенчатой избе, где он квартировал, находились начальник разведки и комиссар.

— Пожалуй, лучше тебя, Валентин, это задание никто не выполнит, — сказал командир. — Смотри! — Он развернул на столе карту. — Ты должен пройти до Погоста, а отсюда проселочными дорогами к Миорам. Оденешься по-крестьянски, документы соответствующие тоже получишь. Взрослых туда посыпать нельзя.

В городе ты должен разведать все огневые точки, расположение дотов и бункеров, вооружение и количество гарнизона. Если попадешься, скажешь, что идешь в деревню Плейки к своему дяде Иосифу Кукуть. Застанет утро или еще что — остановишься на хуторе у Антона Мацкевича. Это наш человек. — Командир показал на карте расположение хутора. — Найдешь?

— Найду, товарищ командир!

— О твоем задании никто, кроме присутствующих здесь, не знает. — Подчеркнул командир отряда. — Задание секретное и важное. От тебя зависит исход целой операции.

Я благополучно добрался почти до самых Миор. Подтянул повыше грубые домотканые штаны, отряхнул пыль с тяжелых, на деревянной подошве ботинок, вышел на дорогу. Впереди — у шлагбаума — вижу полицейского. С обеих сторон дороги, бегущей по дамбе, озеро. Обратно ходу нет. За кустами, чуть правее полицейского поста, виднеется костел. Плынут низкие, торжественные звуки органа. Богобоязненные старушки прикладывают руки к груди. Я, как меня научили, делаю то же самое. Одним глазом кошусь на полицейского. Но он даже на меня и не смотрит. Облегченно вздохнув, я прохожу мимо него в город.

Под утро, на хуторе Антона Мацкевича меня встретили наши разведчики.

— Пришел? — обрадовались они. — А мы думали, что ты уже не вернешься.

Только хотели уходить, вдруг слышим немецкую речь. Два фашистских солдаташли прямо к хутору.

— Млеко, яйки? — начал один из них, но, увидев вместо «яиц» направленные на них автоматы, солдаты

поспешно подняли руки. Оружия у них мы не обнаружили. Но что делать с пленными? Взять с собой? Но это может навлечь беду на хозяина дома. Казалось, что немцы догадались о наших колебаниях.

— Не убивайте нас! Мы не немцы. Мы — французы, испуганно заговорил один, путая русские, польские и немецкие слова.

— Эльзас, Лотарингия. Эльзас, Лотарингия,— начал лопотать второй.— Вот! — солдат положил руку на грудь.— Здесь сердце француза, а это,— он с ненавистью дернулся за подол мундира,— фашистский, но сердце с вами.

Из дальнейшего разговора выяснили, что живут они в доме ксендза, охраняют дорогу, ведущую в город.

Война — есть война. Она не признает жалости и уважает жестокость. Выход подсказал Антон Мацкевич.

— Не трогайте ребят. Я им верю. Они еще пригодятся.

Мы послушались хозяина хутора и не ошиблись. После я узнал от Мацкевича, что эти эльзасцы снабжали через Антона наших партизан оружием и боеприпасами. Через день я вручил командиру своего отряда план-чертеж города Миоры с подробным указанием главных огневых точек и гнезд, расположенных на улицах, окраинах и задворках.

В ночь на 20 июля 1944 года, за три дня до начала наступления советских войск в Белоруссии, партизанские отряды и бригады по заранее разработанному плану нанесли массированный удар по железным дорогам противника. В ходе этой операции за три дня народными мстителями было пущено под откос сто сорок семь эшелонов с живой силой и техникой врага.

Наш отряд в эти дни вел беспощадную войну на железных дорогах Прибалтики в районе Вильнюс — Двинск — Утена.

Вот как оценил действия белорусских партизан бывший гитлеровский полковник Герман Теске: «В ночь перед общим наступлением русских,— писал он в статье «Военное значение транспорта»,— на участке группы армий «Центр», в конце июля 1944 года, мощный отвлекающий партизанский налет на все важные дороги на несколько дней лишил немецкие войска всякого управления. За одну ночь партизаны установили около 10—10,5

тысяч мин и зарядов, из которых обнаружить и обезвредить удалось только 3,5 тысячи. Сообщение по многим шоссейным дорогам из-за налетов партизан могло осуществляться только днем и только в сопровождении вооруженного конвоя».

А на востоке раздавались оглушительные аккорды главного бога войны — советской артиллерии. До встречи с действующими частями нашей армии оставались считанные дни. Этот день пришел. Комиссар Гусев построил отряд. Трепеталось по ветру партизанское знамя. Подтянутые, чисто одетые и гладко выбритые, мы стояли в ожидании встречи.

И вот на дороге показался первый советский солдат. Автомат на боевой изготовке, за плечами плещется зеленая плащ-палатка.

Уставший, запыленный, он идет — великий освободитель родной советской земли.

— Отряд, смирно! Равнение на советского воина! — раздалась команда комиссара.

Рядом со мной плечом к плечу стояли мои друзья: Кузнецов, Савченко, санитарка Нина, Левка из рижского гетто и другие товарищи.

Мы замерли. В наступившей тишине еще ярче и громче слышался трепет алого знамени.

И солдат, шагающий мимо нас, преображается. Мы не видим его усталости, мы не видим его запыленных сапог. Солдат снова свеж и бодр, как в начале похода. Не верится, что за его спиной десятки изнурительных боев, сотни километров тяжелого пути. Он прикладывает руку к пилотке, расправляет грудь и четким строевым шагом проходит перед знаменем отряда, нашим сокрушимым строем. За ним идут другие. Мужественные, смелые ребята: русские, казахи, грузины, татары. Идет победоносная Советская Армия. Никогда из моей памяти не исчезнет образ первого советского солдата-гвардейца, приветствовавшего наше партизанское знамя.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУМАГАЛИ САИН. Солдат. Перевел К. Ахметов	3
АСКАР ЛЕКЕРОВ. Рассказ о друге. Перевел К. Ахметов	7
КУЛАМБАЙ КОПИШЕВ. Один из многих. Перевел М. Тиморшин	20
АСЫЛ КАЙСЕНОВА. Задание выполнено. Перевел М. Тиморшин	22
ЗЕЙНОЛЛА ТУРАРБЕКОВ. Партизанская судьба Арыстана. Перевел М. Тиморшин	24
КАРАТАЙ КУТТЫБАЕВ. Незабываемые дни. Перевел М. Тиморшин	29
Особое задание. Перевел М. Тиморшин	33
В Карпатах. Перевел М. Тиморшин	38
АДИ ШАРИПОВ. Хитрость командира. Перевел К. Ахметов	41
Секретарь райкома. Перевел К. Ахметов	44
Засада. Перевел К. Ахметов	48
Толя. Перевел К. Ахметов	56
Смерть предателя. Перевел К. Ахметов	58
УТЕБАЙ КАНАХИН. Из дневника партизана. Перевел М. Тиморшин	64
Боевая подруга комиссара. Перевел М. Тиморшин	77
КАЛМУХАН ИСАБАЕВ. Удачная операция. Перевел М. Тиморшин	80
Операция на дороге. Перевел М. Тиморшин	84
Полещинская битва. Перевел М. Тиморшин	87
МАШКАР ГУМЕРОВ. Племя отважных. Перевел М. Тиморшин	94
ГАЛИМ АХМЕДЬЯРОВ. Героические дни. Перевел М. Тиморшин	100
ТУРАП ТОЙШИБЕКОВ. Бой в Семушкином лесу. Перевел М. Тиморшин	104

СЕРГЕЙ ЧЕСТНЕВ. Опасные тропы.	112
КЛСЫМ КАЙСЕНОВ. Роберт Кляйн — герой-партизан. Перевел П. Якушев	121
Эшелоны взлетают на воздух. Перевел П. Якушев	127
Западня. Перевел П. Якушев	130
Все дальше на Запад. Перевел П. Якушев	133
У старых друзей. Перевел П. Якушев	135
НИКОЛАЙ ШАХОВ. Леса шумят.	142
ЖАППАР ОМИРБЕКОВ. Партизанская семья. Перевел М. Тиморшин	158
ГАБДОЛ СЛАНОВ. Сын Алтая. Перевел К. Ахметов	168
I. Тоска. Перевел К. Ахметов	168
II. В тылу врага. Перевел К. Ахметов.	171
III. Месть. Перевел К. Ахметов.	175
IV. Карпаты. Перевел К. Ахметов	179
V. На вершине. Перевел К. Ахметов	183
МАРДАН БАЙДИЛЬДАЕВ. Человек, победивший смерть.	189
ТОКТАГАЛИ ДЖАНГЕЛЬДИН. На Березине. Перевел К. Ахметов	193
ВАЛЕНТИН СМИРНОВ. Песни, бои и ученические тетради.	218

16664

Аиртасская
районная
библиотека

ПАРТИЗАНЫ-КАЗАХСТАНЦЫ

Сборник

Издание «Жазушы» — 1965

Редактор М. Джумагулов

Художник В. Тимофеев

Художественный редактор А. Гурьев

Технический редактор С. Лепесов

Корректор Н. Ершова

Сдано в набор 25/VIII-1965 г. Издат. № 258.

Подписано к печати 12/XI-1965 г. УГ02348.

**Формат 84×108 $\frac{1}{3}$, 7,125 п. л.=11,99 усл. п. л.
(Уч.-изд. л. 12,23). Тираж 12000 экз. Цена 57 коп.**

**Заказ № 1809. Полиграфкомбинат Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров Казахской ССР по печати,
г. Алма-Ата, ул. Пастера, 39.**